

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2 • 2004

ψλ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.А. Леонтьев

Главный редактор —
доктор филологических и психологических наук, профессор,
академик Российской академии образования

Заместитель главного редактора —
В.А. Пищальникова, доктор филологических и юридических наук, профессор,
член-корреспондент СО Академии наук высшей школы

Члены редколлегии:

А.А. Залевская, доктор филологических наук, профессор
А.Г. Сонин, кандидат филологических наук, доктор психологии университета Нанта
Ю.А. Сорокин, доктор филологических наук, профессор
И.А. Стернин, доктор филологических наук, профессор
Е.Ф. Тарасов, доктор филологических наук, профессор
Н.В. Уфимцева, доктор филологических наук, профессор
Л.А. Шкатова, доктор филологических наук, профессор

Научный журнал теоретических и
прикладных исследований

Выходит 1 раз в полугодие

Перепечатка материалов из журнала
допускается только по согласованию
с редакцией

СОДЕРЖАНИЕ

Ю.А. Сорокин. Алексею Леонтьеву моя прощальная немолитва

МЕТОДОЛОГИЯ

<i>Серж Бодэ.</i> Репрезентация состояния, события, каузальности и действия.....	6
<i>Н.В. Бугорская.</i> Антропоцентризм как категория современного языкознания.....	18
<i>И.В. Журавлев.</i> Статус коммуникации в неклассическом мире.....	25
<i>Е.Ф. Тарасов.</i> Языковое сознание.....	34

ТЕКСТ: ВОСПРИЯТИЕ, ПОНИМАНИЕ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

<i>Е.А. Елина.</i> Особенности синестезии в искусствоведческих текстах.....	48
---	----

ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКА

<i>И.Ю. Марковина.</i> Метод установления лакун в исследовании этнопсихолингвистической специфики культур.....	58
<i>Т.Б. Резникова.</i> Репрезентация культурных норм общения в оценке японцами элементов своей кинесической системы.....	64

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>И.Г. Бескорвайная.</i> Ассоциативный эксперимент как способ реконструкции фрагментов языкового сознания.....	73
<i>А.Г. Сонин, П.Н. Махнин.</i> Экспериментальное исследование восприятия изобразительно-вербальных рекламных текстов.....	77
<i>Михаил Патсис.</i> Специфика ассоциативного поля слова в греческом языке.....	91

ПРОБЛЕМЫ И ДИСКУССИИ

О статусе современной психолингвистики

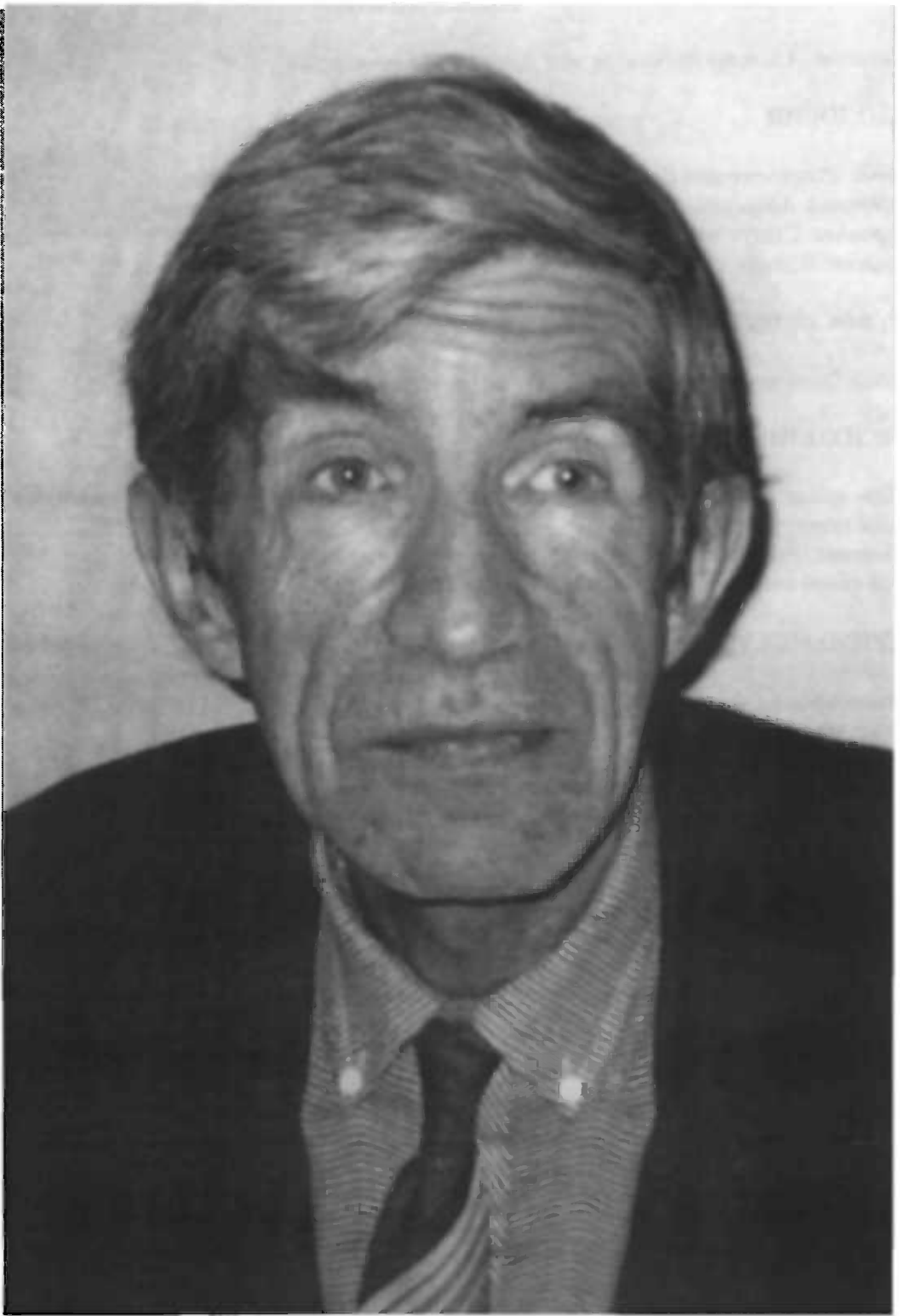
<i>Guy Denhière.</i> О специфике психолингвистического подхода к исследованию мышления и речи.....	98
<i>Ю.А. Сорокин.</i> Перспективы развития психолингвистики.....	99
<i>Anke Werani & Marie-Cécile Bertau.</i> Über Psycholinguistik.....	100

КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Языковое бытие человека и этноса: Научные чтения, посвященные памяти д.ф.н., профессора Ф.М. Березина.....</i>	103
---	-----

РЕЦЕНЗИИ И РЕФЕРАТЫ

<i>Методология современной психолингвистики: Сборник статей. — Москва; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. — 204 с. ....</i>	105
<i>Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: Сборник статей. — Москва, Барнаул, Институт языкознания РАН, 2004. — 344 с. ....</i>	109
<i>Пищальникова В.А., Чернова М.М.</i> Ритмомелодическая структура текста как репрезентант эмоционально-смысловой доминанты. — Москва-Горно-Алтайск: РИО, 2003. — 266 с.	111
<i>Рогозина И.В.</i> «Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект». — Москва-Барнаул, 2003 г. — 289 с.	114
<i>Сонин А.Г.</i> Когнитивная лингвистика: становление парадигмы. — Барнаул, 2003. — 222 с.	117
<i>Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Караулов Ю.Н., Тарасов Е.Ф.</i> Славянский ассоциативный словарь. — М.: МГЛУ-ИязРАН, 2004.....	120
<i>ABSTRACTS OF ARTICLES.....</i>	122

Shoung

АЛЕКСЕЮ ЛЕОНТЬЕВУ

МОЯ ПРОЩАЛЬНАЯ НЕМОЛИТВА

Именно так — немолитва, ибо все молитвы написаны, и людьми такой внутренней силы, которой в нас остается все меньше и меньше. И вряд ли они уместны, когда адресованы человеку, умевшему отстраняться от профессиональных пристрастий.

Надеюсь, ТЫ — слишком холодное ВЫ не выговаривается — умирал легко и слышал голос, обещавший утешающие душу и сердце иные берега: «Утратишь землю, что ты знаешь, для знания высшего; утратишь жизнь, тебе данную, для жизни высшей; оставишь друзей любимых — для любви высшей; край обретешь доброй родного дома, бескрайней, чем земля ...»

Думаю, иного и быть не может, но нам, твоим здешним друзьям, жаль расставаться с тобой, стремившимся оставаться человеком истинным, таким, кто, по словам Ефрема Сирина, «...не угождает лицам, не судит неправедным судом, не присвоит себе достоинства и чести ... в ответах не льстит, в суждении правилен, в деле ... рачителен... не знает коварства, не любит лицемерия, всяким добрым делом украшен...» А их, добрых дел, ты скопил немало, и многие обязаны тебе советом и помощью, дельными мыслями и незаурядными решениями там, где ты чувствовал себя как рыба в воде — в общей психологии и психолингвистике, в германистике и общем языкознании, в поэтике (поэтологии) и методике преподавания иностранных языков (и русского языка тож). Делатель добра и истины, ты был человек риска: теоретических игр тебе казалось мало, и ты переводил с армянского и английского, французского, польского и немецкого, удачно перелагая и Рильке, и Жоакена дю Белле. Перелагая и словно оглядываясь на свои стихи. Твоя креативность шла рука об руку с твоим честолюбием, но с тем, которое зовется белым, ищущим путей самопостижения и самопостроения и не пересчитывающим ступеньки на лестницах социального престижа.

Ты любил стихию шуток, смеха и умело замаскированной иронии. Как и вино, она помогала жить и выживать. Любил

откровенность и был откровенным — среди тех, кого давно знал и кому доверял. Но жила в тебе и скрытность, которой ты был обязан времени, в котором, по выражению Тынянова, нумеровались даже шепоты. Не знаю, унаследовал ли ты или вырастил в себе терпеливое и благожелательное отношение к людям — кем бы они ни были — но твоему интересу и твоей благорасположенности к ним удивлялись все. Жестко и враждебно относился лишь к тайным — умел их раскусить — и явным социальным альпинистам.

Ты любил книги. Твоей библиотеке завидовали, как завидовали уму и таланту. И литературному вкусу.

Могу ошибаться, но из последних с тобой разговоров и последних твоих книг мне казалось, что в нынешней психолингвистике, отцом-основателем которой ты был, тебе становилось все теснее. Думаю, выход искался во внутреннем размежевании (а его необходимость становится все насущнее) психолингвистики на *психолингвистику* / *психовербалику* и *психокультуралику*. Но об этом ты уже не скажешь, и Бог твоих слов не подтвердит.

Исполнилось ли в жизни все, что тебе хотелось? Не знаю. Но, может быть, об этом и не нужно спрашивать: «лучше горсть с покоем, нежели пригоршни с трудом и томлением духа». А может быть, мерещилось то, что мерещится — поверх слов и размышлений — всем нам:

Хотелось вынести из света
ни с чем не смешанную тень
и ждать, чтоб жил на крыше где-то
неначинающийся день.

Юрий Сорокин

МЕТОДОЛОГИЯ

Серж Бодэ

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОСТОЯНИЯ, СОБЫТИЯ, КАУЗАЛЬНОСТИ И ДЕЙСТВИЯ

1. Введение

1.1. От текстовых структур к репрезентациям мира, представленного в тексте

Концепт репрезентации — возможно, самый важный из всех концептов, предлагаемых когнитивной психологией для описания функционирования индивида. Доминирующая на сегодняшний день когнитивная гипотеза приписывает человеческому поведению Интенциональность [22], то есть способность представлять неким образом окружающий мир. Единственный способ объяснения Интенциональности и разумного поведения основан на предположении, что когнитивное функционирование состоит в деятельности на основе репрезентаций, важнейшей характеристикой которых является символичность как принципиальная интерпретируемость. Поэтому центральная задача психологии состоит в построении моделей таких ментальных репрезентаций с учетом эмпирических данных о поведении и последующем построении логических выводов из получаемых с опорой на экспериментальные методы данных. Изучение речевой деятельности, оперирующей с исключительно развитой символической системой и поддающейся непосредственному экспериментальному исследованию, быстро стало восприниматься как один из обязательных путей развития науки о когнитивном функционировании индивида. Исследования в этой области позволяют психологам плодотворно сотрудничать с лингвистами, с философами языка и другими исследователями, интересующимися текстом — объектом, объединяющим представителей разных подходов для построения единого концептуального и методологического поля.

В описании ментальных репрезентаций, участвующих в обеспечении речевой деятельности, первые когнитивные исследования опирались преимущественно на гипотезу, согласно которой эти репрезентации представляют лингвистические инварианты, проекции на разум текстовых структур.

Последующее развитие исследований когнитивной обработки речевой информации привело к осознанию недостаточности исключительного учета текстовых структур и стереотипных, постоянно хранящихся в памяти лингвистических репрезентаций в объяснении механизмов понимания и запоминания текстов (Denhière & Baudet, 1989). Новые результаты приводили к необходимости пересмотра гипотезы, которая представляет когнитивные структуры, используемые индивидом для обработки текста, проекциями (психологическими эквивалентами) текстовых структур. Было осознано, что для работы с текстом индивиду необходимы не только стереотипные представления о структуре текста, но и знания о представляемой в тексте области действительности, а также сведения о ситуации общения.

Это новое определение природы когнитивных инвариантов связано для нас с переосмыслением понятия текстовых инвариантов. Если действительно существуют текстовые структуры (семантические и синтаксические), они существуют в тексте только как отношения, которые могут распознаваться слушателем или читателем. Определяющими для текстовых структур являются характеристики коммуникативной системы, используемой индивидом для сообщения своих репрезентаций некоего фрагмента действительности. Текстовые инварианты — проявление инвариантов этой системы. С этих теоретических позиций текст рассматривается как промежуточное состояние материала системы коммуникации. Этот материал строится из временных репрезентаций — значений, производимых в разные моменты функционирования системы коммуникации. Последняя описывается как система преобразования информации в зависимости от поставленной цели в ходе построения реципиентом значений, аналогичных тем, которые направляли речевые действия говорящего. Исходное состояние системы задается взаимодействующими индивидами, которые характеризуются:

— их типическими (постоянными) когнитивными структурами, то есть их знаниями

и убеждениями относительно референциальной области высказываний и их языковой компетенцией,

– их эпизодическими когнитивными структурами, особенно исходным состоянием материала: проектом коммуникации для говорящего и представлением собеседников друг о друге,

– отношениями между коммуникантами,
– ограничениями, накладываемыми ситуацией.

Конечное состояние системы описывается через изменения по отношению к исходному состоянию. Особенно это касается эпизодических представлений, построенных реципиентом на основе текста.

С этой точки зрения, текст рассматривается как материализация эпизодической когнитивной репрезентации, которая располагается на стыке двух главных подсистем коммуникативной системы: продуцента и реципиента. Текст — инструмент, используемый продуцентом для модификации подсистемы реципиента для достижения некоторой цели.

1.2. Когнитивная семантика

Использование такой концепции текста и его обработки обуславливает включение нашей работы в контекст когнитивной семантики, направления исследований, учитывающего как ограничения, накладываемые языковой системой, так и специфику функционирования когнитивной системы. Она опирается на концепцию Миллера и Джонсона-Лзарда [20], которые представили значение слов в виде системы перцептивных и когнитивных суждений, на концепцию Джаккендоффа [10;11] рассматривающего значение как структурированный набор онтологических категорий, частично детерминированных свойствами зрительной системы человека, а также на концепцию Талми [24], классифицирующего предикации на основе концепта динамики сил, заимствованного из наивных концепций физики, психологии и социологии.

Мы полагаем, что структурные характеристики текста и когнитивной репрезентации того, о чем говорится в тексте (значения), определяются организацией референциальной области текста — эпистемического мира как общественной репрезентацией «проецируемого» или «опытного» мира Джаккендоффа [10]. Другими словами, эти характеристики обусловлены, в

частности, структурой объектов окружающей действительности, вычлененных говорящим, а также когнитивными структурами и операциями, использованными собеседниками для построения репрезентации этой референциальной области. (Указанные характеристики обуславливаются также структурой коммуникативной ситуации и ее когнитивной репрезентацией у собеседников, однако эта область детерминации в статье рассматриваться не будет).

Наша концепция когнитивной семантики позволяет выдвинуть следующие гипотезы.

1. В речевой деятельности используются некоторые фундаментальные семантические категории, позволяющие установить и организовать значение. К ним могут быть отнесены категории объекта, состояния, события, действия и отношений (каузальных, темпоральных, топологических, часть-целое и т.д.). Эти фундаментальные категории, характеризуемые Джаккендоффом как онтологические [10], частично определяются характеристиками когнитивной системы индивидов в том смысле, что они представляют когнитивные инварианты, описываемые как концептуальные категории, используемые когнитивной системой для репрезентации мира, или когнитивные гиперкатегории [15]. Это схемы, способные включать на основе нескольких ключевых характеристик широкий набор представлений об окружающей действительности. Эмпирические исследования в психологии восприятия обнаруживают существование этих концептуальных категорий и ключевых характеристик окружающей действительности, которую они представляют. Это исследования по распознаванию форм [17], отношений каузальности [19] и по восприятию событий.

Задача когнитивной семантики состоит, таким образом, в поиске когнитивных инвариантов (примитивных предикатов), составляющих эти когнитивные гиперкатегории, и в установлении правил их комбинирования. На основе этих когнитивных инвариантов в дальнейшем может быть осуществлен анализ вербализации с вычленением фундаментальных семантических категорий концептуализации объекта, состояния, события, изменения, каузации и действия, а также с идентификацией языковых средств, служащих для их выражения.

2. Исследования в области когнитивной психологии четко установили, что в организации когнитивной репрезентации необходимо выделять по меньшей мере 2 уровня: уровни

микро- и макроструктуры [25]. Эти 2 уровня структуризации участвуют и в организации семантической структуры текста [27]. Наши собственные исследования повествовательных текстов и усвоения знаний о сложных технических объектах привели к созданию такой модели репрезентации индивидом содержания воспринимаемого текста, в которой разные системы структурируются на основе фундаментальных категорий состояния, события, действия, интенции и причинности [2; 6]. Согласно этой модели, индивид в состоянии подвергать категоризации значение каждой предикации и пошагово строить микроструктуру ее репрезентации (репрезентации сложных состояний, событий и действий, связанных с фрагментом мира, представленном в тексте, а также отношений локальной когерентности между состояниями, событиями и действиями). Построение макроструктуры состоит в преобразовании микроструктуры в иерархическую структуру, определяемую типом системы. Эта концепция постулирует следующие типы систем.

Система реляционного состояния представляет устойчивые сложные ситуации — состояния индивидов и объектов возможного мира. С точки зрения интенции система реляционного состояния — это совокупность объектов, которые характеризуются значениями, принимаемыми их атрибутами, совокупность, определяемая одним или несколькими отношениями между объектами. Формально система реляционного состояния есть последовательность $\langle I, R_1, \dots, R_n \rangle$, в которой I — непустое множество объектов, а $R_1, \dots, R_n$ — устойчивые отношения между элементами множества I . Иерархическая структура системы реляционного состояния определяется категориальными отношениями и отношениями часть — целое.

Трансформационная система представляет сложные события, определяемые как последовательности трансформаций устойчивых ситуаций. С точки зрения интенции трансформационная система характеризуется модификациями «естественного ход вещей» в интервале $t(i, j)$, модификациями «естественной тенденции» последовательных состояний системы, направленными либо на сохранение некоего состояния, либо на его изменение [28; 7].

Трансформационная система каузальна, если модификации причинно обусловлены. Она **темпоральна**, если репрезентации модификаций связаны исключительно временными

отношениями. Обычно трансформационные системы частично каузальны. Иерархия в структуре трансформационной системы определяется отношениями «часть — целое» между событиями и макрособытиями.

Телеологическая система представляет структуры и поведение организмов, определяемые как совокупность функционально взаимосвязанных единиц. Когда функциональные единицы наделены интенциональностью, они формируют то, что мы называем **функциональными системами**. Сложные технические системы (такие, как мотор, доменная печь, прокатный стан), системы обработки информации и другие могут служить примером функциональных систем. В интервале $t(i, j)$ исходное состояние системы, определяемое наличными объектами, отношениями между ними и исходными значениями их атрибутов, изменяется, достигая определенной конфигурации — конечного состояния, которое составляет цель изменений системы. Каждое изменение, происходящее в интервале $t(i, j)$, есть средство достижения цели, оно создает необходимые условия для ее достижения [16]. Иерархическая структура телеологических систем определяется отношением «часть — целое» и отношением обуславливания, выстроенными в виде системы основных и промежуточных целей или в виде системы интенций.

Этот системный анализ — попытка концептуализации, которая позволила бы точное описание общей, а также индивидуальных репрезентаций различных фрагментов действительности. Он нацелен на более тонкое изучение происходящих при обработке сложной вербальной информации взаимных детерминаций лингвистических и логико-лингвистических характеристик текста, когнитивных характеристик индивида и свойств мира, представленного в тексте. Поэтому одна из целей этого анализа — определить, что в предикациях (пара: глагол или его функциональный эквивалент — обстоятельства действия) позволяет индивиду пошагово строить ментальную репрезентацию воспринимаемого текстового содержания. Для построения такой ментальной репрезентации необходимо, чтобы индивид вычленил в предикации семантические составляющие, на основе которых он может выбрать концептуальную категорию — референт предикации. Затем эта категория используется для построения системной репрезентации предикации. В качестве необходимых для этого

категорий рассматриваются категории состояния, события, действия и каузальности.

С точки зрения когнитивной семантики могут быть поставлены следующие проблемы:

– Каковы когнитивные инварианты фундаментальных понятийных категорий объекта, состояния, события, действия и отношений? Эти когнитивные инварианты должны быть установлены на основе анализа функционирования когнитивной системы индивидов.

– Есть ли у этих инвариантов соответствия в форме семантических составляющих в семантической репрезентации элементарных предикаций? Если да, то каков их вклад в когнитивную категоризацию информации, содержащейся в предикациях?

Ниже мы попытаемся установить существование когнитивных инвариантов категорий состояния, события, каузации и действия, а также охарактеризовать их. Что касается категории объекта, мы отсылаем читателя к работе Ле Ни [15]. Обнаруженные характеристики когнитивных инвариантов будут сравниваться с семантическими инвариантами, предложенными Ж Франсуа в его анализе семантического описания предикаций [7]. Напомним, что Франсуа предлагает 7 элементарных классификаторов, приписывая им функцию семантических инвариантов, сочетание которых позволяет охарактеризовать предикации процесса. В их числе 4 бинарных темпоральных классификатора ({Динамика}, {Изменение}, {Целенаправленность} и {Моментность}) и 3 классификатора участия, 2 из которых бинарные ({Агентивность} и {Каузальность}), а один квадриполярный: {Базовый} vs {Опытный} vs {Локативный} vs {Бенефициарный}.

2. Репрезентация состояния

Понятие состояния фундаментально, так как традиционно служит основой для определения понятий события и действия. Однако оно все еще недостаточно проработано, особенно на уровне его темпоральной составляющей, вследствие чего оно используется, как в лингвистике, так и в когнитивистике, для обозначения самых разных конструкторов. Так, если состояние фрагмента мира довольно единодушно трактуется как совокупность объектов, характеризующихся стабильно приписываемыми им свойствами, совокупность, определяемая одним или несколькими устойчивыми отношениями между этими объектами, то отсутствие строгого анализа

темпоральной составляющей, приводит к расхождениям в понимании разными авторами концепта стабильности, включаемого в понятие состояния. Состояние понимается либо как моментальная характеристика мира или, по крайней мере, одного из возможных микромиров, либо как то, что остается неизменным на протяжении некоторого интервала времени, либо как характеристика объектов и отношений между ними, не зависящая от времени.

Мы вслед за Ле Ни [13] полагаем, что понятие состояния включает в себя понятие темпоральной локализации. Именно последняя позволяет установить различие между состоянием и свойством объекта, различие, которое должна учитывать когнитивная семантика, так как оно значимо и когнитивно, и лингвистически. Согласно Ле Ни [13], «когда один и тот же объект может последовательно принимать разные значения одного из своих атрибутов, речь идет о состоянии; когда разные объекты (или классы объектов) могут принимать разные различающие их значения, речь идет о свойствах» [13, с. 161]. Первая интерпретация этого различия между состоянием и свойством может опираться на понятие истинности пропозиции, описывающей значение предикации. Предикация типа «собака маленькая» выражает пропозицию состояния, если она истинна в течение определенного временного интервала: «Собака маленькая. Она была такой вчера. Она такова сегодня. Но завтра она станет большой». Она описывает свойство собаки, если истинна вне зависимости от времени: «Собака маленькая, а слон большой». Мы предпочитаем иную интерпретацию, преимущество которой в независимости от традиционного понятия истинности, мало релевантного для когнитивной семантики (см. об этом: [10; 15]). Для нас лингвистическая и когнитивная системы индивидуализируют состояние (да и любой другой процесс) как конкретный факт в референциальной области, рассматриваемой в качестве эпистемического мира. Пропозиция «МАЛЕНЬКАЯ (собака)» представляет состояние, если на некотором временном промежутке она устанавливает факт, что собака маленькая. Она описывает в этом случае проявление малой величины этой собаки. Та же пропозиция представляет свойство категории собака — или категории определяемой экстенционально одним объектом (собакой Тоттошкой), — если вне зависимости от временной локализации она устанавливает «собаку» как категорию, имеющую в качестве отличительного свойства незначительную

величину.

Должно ли понятие состояния связываться в качестве темпорального локализатора с моментом или интервалом? Мы считаем, что с точки зрения когнитивной репрезентации обе связи необходимы и что дифференцированное использование связано с их разным когнитивным статусом: состояние 2 в связи с моментом t_i — концептуальное обобщение состояния 1 в некотором временном интервале. Воспринимать состояние значит воспринимать постоянство во времени совокупности характеристик объектов (пар «атрибуты — их значения») и отношений между этими объектами, то есть воспринимать процесс в некотором интервале времени (неограниченном, если предикация минимальна). Понятие состояния как моментальной характеристики динамики мира нерелевантно для изучения системы восприятия. Аналогия с фотографическим снимком неуместна, так как в восприятии непосредственно улавливаются не только константность, неизменность, но и — в качестве единицы изменения — движение, каузация и действие. По сути, константность есть когнитивный инвариант перцептивной системы, направленный на сохранение информации. Константность выискивается в непрерывном потоке изменений сенсорной информации. Также когнитивная система, нацеленная на построение репрезентации мира (ментальной модели), воспринимает в момент t_i только изменение, которое затрагивает уже построенную репрезентацию мира (естественный ход событий). Поэтому можно предположить, что в репрезентацию состояния входит составляющая «устойчивость» [18] во времени. Эта устойчивость состояния определяет процесс на протяжении определенного периода времени, а длина этого периода зависит от семантического содержания предикации и определяется нашими знаниями о мире. Так, например, $HA(x, y)$ представляет состояние с продолжительностью в годы, если x — это дерево, а y — холм, и с продолжительностью в минуты, если x — это собака, а y — кресло. Между тем, кроме логико-лингвистической необходимости, понятие моментального состояния мира обладает когнитивной реальностью. Например, чтобы понять функционирование мотора, учащийся может и должен представлять себе состояние мотора в определенные моменты его функционирования, взаиморасположение его деталей и значения их атрибутов. Он представляет их себе как устойчивые.

Присутствие в репрезентации состояния

составляющей «устойчивость» ведет к признанию существования динамических состояний. Предикация, которая включает составляющую $\{+ \text{Динамика}\}$, как и предикация, представляющая устойчивое движение в течение некоторого промежутка времени (см. перцептивные предикаты движения, предложенные Миллером и Джонсоном-Лэардом [20], будут рассматриваться как репрезентирующие состояние. Это положение перекликается с концепцией Талми, рассматривающего всякое состояние взаимодействия между двумя объектами как результат равновесия сил, то есть как сугубо динамическое.

Для концептуализации представления о состоянии фрагмента мира нами было предложено понятие системы реляционного состояния [2]. На основе вышеизложенного мы заключаем, что состояние мира (Состояние 1) есть проявление на неограниченном, но принципиально ограничиваемом временном интервале возможного микромира, который может быть описан системой реляционного состояния. Определяемая с точки зрения интенции, система реляционного состояния — это набор объектов, характеризующихся устойчивым значением их атрибутов и такими же устойчивыми взаимоотношениями. Формально реляционная система может быть представлена последовательностью $\langle I, R_1, \dots, R_n \rangle$, в которой I — непустое множество объектов, а $R_1, \dots, R_n$ — устойчивые отношения присвоения значений атрибуту, локализации, сравнения и т.д., характеризующие элементы множества I . Элементы такой системы определяются функциями перцептивно-концептуальной системы: идентификацией объектов, их характеристикой через выделение атрибутов и присвоение этим атрибутам значений, их локализацией.

Описание состояния фрагмента мира может быть основано на следующей формуле:

$CT = \Lambda = \langle Wi, t :] i, j [\rangle$, в которой $= \Lambda =$ обозначает семантическое отношение «репрезентировано»

Wi обозначает набор пропозиций состояния, который представляет конфигурацию объектов, значения атрибутов этих объектов, а также устойчивые отношения между объектами.

$t :] i, j [$ обозначает неограниченный промежуток времени.

Пропозиция состояния как когнитивная репрезентация состояния мира строится индивидом на основе предикаций состояния,

которые должны включать (в качестве семантических составляющих их значения) репрезентации отмеченных выше когнитивных инвариантов. Среди этих инвариантов «устойчивость» значения темпорального классификатора {-Изменение}, предложенного Ж. Франсуа, представляется особенно важной, так он составляет ядро когнитивной репрезентации состояния. Каузальность и агентивность, которые предполагают вмешательство в естественный ход событий, противоположны устойчивости.

Изложенные выше положения позволяют нам выдвинуть гипотезу о том, что следующие составляющие, предложенные Ж. Франсуа, в разной степени характеризуют предикации состояния:

Обязательные составляющие:

{-Изменение} составляет основу значения предикации состояния;

{-Каузатив} и {-Агентив} включаются в концептуализацию.

Необязательные составляющие:

Классификатор {+/-Динамика} и квадриполярный классификатор несущественны.

3. Репрезентация события

Как и многие другие авторы, мы проводим четкое разграничение между событием и действием [20; 10; 26]. Это различие зависит от вмешательства или невмешательства одушевленного агента, контролирующего производимые изменения.

Есть все основания рассматривать понятие изменения как примитив когнитивной системы, так как оно отсылает к инварианту перцептивной системы: к существующим относятся только те события, которые перцептивно идентифицируются как происходящие в некотором месте в некий короткий промежуток времени. Пространственная и временная экспансия события (процесса) не перцептивна, а концептуальна. Такая концептуализация может легко распространяться и на невоспринимаемые (например, ментальные) события.

3.1. Определение события

Событие традиционно определяется как системно описанное изменение состояния микромира. Изменение — это процесс, в ходе которого микромир переходит от исходного состояния к конечному. Оба эти состояния — разные состояния возможного мира.

Однако мы не можем довольствоваться понятием изменения, лежащим в основе определения события. Как указывают Миллер и Джонсон-Лэрд [20], не всякое изменение мира распознается перцептивной системой как событие. Для установления ментальной модели (репрезентации состояния мира) перцептивно-когнитивная система ищет константность. Когда состояние мира концептуально схвачено в ментальной модели, перцептивная система ограничивается отбором той информации, которая нужна для поддержания и обновления модели, то есть только значимой для модели информации. Это обновление ментальной модели использует, на наш взгляд, знания субъекта о естественном ходе вещей, так как воспринимаемое системой как событие есть изменение этого естественного хода. Изменение в естественном ходе, ведущее к сохранению состояния, которое должно было измениться, тоже будет представлено как событие. Таким образом, в связи с когнитивной репрезентацией события и семантической репрезентацией его предикации мы полагаем, что в качестве инварианта должно рассматриваться не столько изменение как переход между двумя состояниями, сколько модификация по отношению к исходной ментальной модели.

3.2. Описание события

Традиционно определяющими чертами события называются изменения состояния, к которым приводит это событие, различие между исходным и конечным состоянием. «Успех» такой концепции события связан с тем, что репрезентации этих двух крайних состояний психологически более важны, чем репрезентации промежуточных состояний [4; 5]. Однако описание в терминах различий между двумя состояниями (исходным и конечным) не представляется удовлетворительным, так как выводит из рассмотрения некоторые важные характеристики события. Так, нередко событие продолжается какое-то время, а традиционный взгляд на суть этого концепта, представляющий изменение в виде списка двух состояний, не учитывает временной промежуток, необходимый для того, чтобы изменение произошло. Кроме того, концепция изменения состояния опускает все то, что происходит в каждый конкретный момент изменения.

По сути, многие события не могут быть определены изменением исходного состояния:

«Жак подпрыгнул», «Фотография обошла

присутствующих».

В этих примерах различий между исходным и конечным состоянием либо нет, либо они несущественны.

Процессы, рассматриваемые как нецеленаправленные события, также не могут описываться через сравнение исходного и конечного состояний:

«Температура поднимается», «Большая умирает».

С одной стороны, пропозиция, представляющая процесс, истинна в любой момент протекания процесса, с другой — окончание процесса не вытекает из самого процесса: «Большая умирает» не предполагает с необходимостью конечное состояние «Большая умерла».

Первая альтернатива описанию события в терминах различий между исходным и конечным состоянием описана в грамматике Лангакера [12], представляющей протяженное событие как последовательность краткосрочных моментов и интервалов между ними, которые сами рассматриваются как событие — состояние, для которого и в течение которого пропозиция ИЗМЕНИТЬ (событие x , исходное состояние) истинна.

Мак Дермот [18] предлагает трактовать событие как разновидность состояния мира, рассматриваемого в качестве последовательности моментов, в которых это события осуществляется. Это позволяет описывать текущее изменение через описание момента S_i в последовательности ($S_1, \dots, S_i, \dots, S_n$). Описание S_i осуществляется на основе различий по отношению к исходному состоянию (S_0) и по отношению к моменту $S_i - 1$. Событие рассматривается как совокупность интервалов. При этом каждый отдельно взятый интервал может толковаться как короткое событие — состояние, в течение которого утверждение о событии, включающем в свою репрезентацию пропозицию ИЗМЕНИТЬ (событие i , естественный ход вещей), истинно, а совокупность таких интервалов — как полное типическое событие.

Такое описание события связано с двумя серьезными проблемами. Во-первых, оно основано на понятии истинности, которое мало подходит, на наш взгляд, для когнитивной семантики. Во-вторых, оно плохо согласуется с наблюдениями, указывающими, что лингвистическая система и перцептивная система идентифицируют событие как нечто целостное и как конкретный факт мира. Введение концепта

деятельности и/или каузации в концепт изменения предлагает, на наш взгляд, лучшую альтернативу описанию события в терминах различия между исходным и конечным состояниями. Так, порвав с расселовской традицией, отрывающей понятие деятельности от концепта изменения, Клеланд [3] заявляет о существовании в нашей репрезентации окружающего мира «операциональных тенденций», описываемых как способы изменения. Эти тенденции рассматриваются либо как внутренне присущие состоянию объекта (и даже самому объекту), либо как каузальные. Такая позиция согласуется с предложением Талми [24] об организации предикаций на основе заимствованного из наивных концепций физики, психологии и социологии концепта динамики сил. Таким образом, можно выделять разные типы событий:

- процесс (нецеленаправленное событие) как проявление специфического способа изменения, который специфицируется семантическим содержанием предикации, выражающей процесс,

- собственно событие как проявление специфического способа изменения, характеризующее целенаправленностью,

- событие, включающее возврат к исходному состоянию, как специфический способ изменения, характеризующийся отсутствием существенных различий между исходным и конечным состояниями,

- сохраняющее событие, выражающееся в неизменности состояния, которое должно измениться.

3.3. Сложное событие

Для осмысления репрезентации сложного события или последовательности событий нами было предложено понятие трансформационной системы [2]. На основе вышеизложенного можно утверждать, что сложное событие — это возникновение в некотором промежутке времени последовательности изменений возможного микромира, которое может быть описано как трансформационная система: в интервале $t(i, j)$ она характеризуется модификациями «естественного хода вещей», «естественной тенденции» последовательных состояний системы при ее сохранении или изменении.

На определенном уровне описания множество одновременных или последовательных событий рассматривается и описывается как одно сложное событие. Принятый уровень описания

определяется:

– уровнем анализа действительности, который выбирается описывающим и зависит от имеющейся информации о состоянии системы, а также планом описания: целью описания и оценкой знаний того, для кого это описание производится;

– используемым языком и конвенциональными средствами описания событий.

Предикации события должны включать в качестве семантических составляющих своего значения репрезентации отмеченных выше когнитивных инвариантов. Темпоральный классификатор {+ Изменение} (как он определен Ж. Франсуа, то есть как {+ Изменение естественного хода вещей}) и классификатор участия {- Агентив} выступают, на наш взгляд, ядром значения концепта события. Классификатор {+/- Динамика} позволяет отличать собственно событие от сохраняющего события (неестественного отсутствия изменений). Квадриполярный классификатор и классификаторы {+/- Целенаправленность} и {+/- Моментность} не служат для различения предикаций события и предикаций, отсылающих к другим фундаментальным категориям концептов. Однако {+/- Целенаправленность} и {+/- Моментность}, когда их значение отрицательно, создают проблему как для концептуального описания события, так и для его когнитивной репрезентации.

Итак, следующие составляющие в разной степени характеризуют предикации события:

Определяющие черты:

{+ Изменение} и {- Агентив}

Дополнительные черты:

{+/- Динамика} позволяет различать изменяющие и сохраняющие события,

{+/- Каузатив} позволяет различать просто событие от причиняющего события (см. ниже),

{- Целенаправленность} и {- Моментность}, характерные для предикации процесса, создают проблемы как для концептуального описания события, так и для его когнитивной репрезентации.

4. Репрезентация каузальности

4.1. Предикации каузальности

Изучение когнитивной репрезентации последовательности событий ставит вопрос об отношениях между этими событиями. Нам удалось показать важность каузальных

отношений в этой когнитивной репрезентации: трансформационная система — это, главным образом, каузальная система, представляющая последовательность событий через каузальные отношения [2]. Построение репрезентации автономного события возможна, если в семантической репрезентации предикации есть семантические составляющие, подобные тем, что обсуждались выше: модификация, пространственный и временной локализаторы. Построение репрезентации каузальной последовательности событий требует кроме того вычленения семантической информации о причинах и последствиях событий, входящих в последовательность. Эта информация может находиться не только в специфических предикациях каузальности, выражающих интерпропозициональный предикат, но также в предикациях с составляющей {+ Каузатив}. Ниже идут примеры таких предикаций:

«Черепица слетела с крыши».

Предикация представляет событие — автономное изменение, которое включает составляющие {+ Изменение}, {- Агентив}, {- Каузатив}. Представлено событие «падение черепицы с крыши».

«Ветер сорвал черепицу с крыши».

Это предикация причиняющего события, которое включает составляющие {+ Изменение}, {- Агентив}, {+ Каузатив}. Представлены события: (1) «появление порыва ветра» (сила, cf. Talmy), (2) «падение черепицы с крыши» и (3) отношение каузальности: «(1) ПРИЧИНА (2)».

«Рабочий сорвал черепицу с крыши».

Это предикация причиняющего действия, которое включает составляющие: {+ Изменение}, {+ Агентив}, {+ Каузатив}. Представлены: (1) действие «рабочий что-то делает», (2) событие «падение черепицы с крыши» и (3) отношение каузальности «действие ПРИЧИНА события».

Можно процитировать некоторые исследования в области когнитивистики, авторы которых выдвигают положения, близкие к гипотезе о присутствии информации о каузальности в элементарных предикациях.

4.2. Моделирование каузальной схемы

Для описания когнитивной репрезентации каузальности и моделирования каузальной схемы, используемой для установления отношений между событиями, мы предлагаем концепцию, которая опирается на концепт вмешательства в «естественный ход событий» (von Wright, 1971). Это вмешательство приводит

к изменению в естественном ходе событий, вызывая либо сохранение некоего состояния мира, либо его изменение. Психологическая релевантность концепции уже была продемонстрирована нами в одной из работ [2].

Введение концепта вмешательства связано с «наивной» концепцией каузальности как продукта когнитивной обработки информации о последовательности событий индивидом, не являющимся знатоком аналитической философии. Философские концепции должны получить новую интерпретацию с учетом полученных когнитивистикой знаний о смысловом восприятии индивидом отношений каузальности на основе содержания его памяти и влияния окружающей среды (мира или материальной репрезентации возможного мира, например, текста). Например, экспериментальные исследования [9] дают результаты, согласующиеся с гипотезой, по которой когнитивная репрезентация каузальных отношений строится при помощи операции поиска среди ряда событий события или состояния с использованием:

- псевдологических рассуждений, основанных на критерии необходимого условия (если даны X и Y, может ли возникнуть Y без возникновения X?),

- суждения о нормальности событий.

Поэтому «наивный» концепт каузальности, который активируется проявлением каузального отношения в речи или мире, будет интерпретироваться следующим образом [16]: X ПРИЧИНА Y: появление X необходимое условие для появления Y.

Каузальные отношения устанавливаются в зависимости от определенного контекста. Точнее, обстоятельства, пропозиции, которые представляют эти отношения, строятся в зависимости от репрезентации контекста, или знаний о естественном ходе вещей («когнитивный задний план» у Maskie). Часть этих знаний представляет совокупность событий и состояний, которые не возникают на основе изменения естественного хода событий, а устанавливаются в качестве условий появления изменений в ходе псевдологического рассуждения. Причина предстает как недостаточная, но необходимая часть не необходимого, но достаточного условия, изменение, которое при отсутствии других изменений необходимо для проявления следствия [16]. Каузальные события и состояния не интерпретируются как причины или следствия. В каузации они имеют статус «дополнительного

условия».

Итак, в отношении семантических характеристик предикаций концепция каузальности, связанная с введением понятия вмешательства, приводит к заключению, что составляющая {+ Каузатив} неразрывна с составляющей {+ Изменение}. По мнению Ж. Франсуа, это сочетание характеризует предикации действия, сохраняющего действия, причиняющего события и сохраняющей каузации.

5. Репрезентация действия

5.1. Концептуализация действия

Действия влияют на изменения в мире: они помогают либо препятствуют их свершению. Они представляют собою особый способ изменения состояния вещей, и это изменение — следствие телесного действия, контролируемого когнитивной информацией. Агент связывает с действием определенные ожидания, рассчитывает на результат. Если результат согласуется с интенцией, действие успешно.

Действие — интенциональный концепт, результат интерпретации человеческой деятельности. Действия есть абстракции, сделанные на основе анализа этой деятельности [26; 27]. Понятие действия связано с когнитивными инвариантами события и наличия намеренной причины изменения. Действие предполагает деятеля (агента, одушевленное существо), обладающего знаниями и убеждениями о каузальности действия. Другими словами, действие включает репрезентацию по крайней мере одного события и одного агента, намеревающегося вызвать проявление этого события. Действие должно начинаться намеренным актом агента, связанным с движением некоторых частей его тела, акта, который прямо или косвенно ведет к желаемому событию.

Если к этой концепции добавить концепцию Миллера — Джонсона-Лзарда [20], можно утверждать, что понятие действия включает:

- понятие события, с различением:

- события, связанного с движениями тела деятеля. Они составляют подгруппы физических (телесных) событий, но они могут обобщаться в события ментального плана. Действие — сложный процесс, первые этапы которого относятся к ментальному плану.

- события, являющегося следствием этих телесных движений — прямые или косвенные

результаты, в том числе те, которые ожидалось (намеренные результаты, или цели действия), и те, которые не были представлены в интенции деятеля (даже если они присутствуют в его знаниях и убеждениях),

– **понятие интенции** как ментального состояния или ментального события — ментальной репрезентации агентом своего действия,

– **понятие знаний и убеждений** с результатах и условиях действия,

– **понятие каузальности**, в которой выделяются каузальность, связывающая интенцию с действием, и каузальность, связывающая причинной цепью действие с ожидаемым или желаемым результатом.

Многие действия сложны и включают в себя другие действия. Последовательность действий может давать промежуточные результаты и конечный результат (цель действия). Сложность репрезентации последовательности действий привела многих авторов (см. [27]) к выдвиганию концепта «план» как более высокой формы организации интенций и действий. Мы определяем план как когнитивную макроструктуру интенций.

5.2. *Интенция и действие у Серля*

Серль (Searle, 1983) предлагает концепцию, которая ведет к более глубокому пониманию интенции и отношений между интенцией и действием. Для Серля действие в отличие от простого физического движения есть осуществление (или удовлетворяющее условие) определенного интенционального состояния — репрезентации (интенции).

Интенциональное состояние $S(r)$, или репрезентация, — это интенциональное содержание (r) (содержание репрезентации) в определенном психологическом модусе (S) . Удовлетворяющие условия для интенционального состояния $S(r)$ (такого, как убеждение, желание, намерение и т.д.) — это условия внешнего мира, репрезентированные в интенциональном содержании (r) , которые должны сложиться для проявления этого состояния. Интенция — это интенциональное состояние, сводимое к содержанию репрезентации будущих действий. Надлежит различать интенции, формируемые до начала действий, от интенций, возникающих в ходе действия. В первом случае речь идет о предварительной интенции («я хочу сделать А» или «я буду делать А»). Второй вид называют

интенциями в действии («я делаю А»).

Описание действий предполагает, что всякое успешное действие включает:

1) **опыт действия**, приобретаемый в ходе его выполнения. Это интенциональное состояние, содержанием которого является интенция в действии.

2) **физическое движение**.

Между этими составляющими выстраиваются двойные отношения: первая является одновременно репрезентацией и причиной второй. Например, «*поднять руку*» разлагается в анализе на две составляющие: опыт поднимания руки и физическое движение руки.

Цель Серля — объяснить **отношения между интенциями и действиями**. Поскольку действия составляют условие осуществления интенции, всякая попытка раскрытия этих отношений должна демонстрировать, каким образом интенциональное содержание репрезентирует (или презентует) действие (или движение) в виде условий для его осуществления. Предположим, что у меня возникла предварительная интенция «поднять руку» и что, действуя сообразно этому намерению, я поднимаю руку.

Предварительное интенциональное содержание может быть выражено следующим образом:

Я выполняю действие по подниманию руки, чтобы осуществить эту интенцию.

Таким образом, предварительная интенция имеет в качестве референта все действие в целом, взятое нерасчлененно, а не только движение

Собственно интенциональное содержание действия — это:

Моя рука поднимается в результате этой интенции в действии.

Интенция в действии ре(презентирует) физическое движение, а не целое действие.

В силу каузальной транзитивности можно считать, что предварительная интенция одновременно выступает причиной по отношению к интенции в действии и по отношению к телодвижению, а поскольку комбинация двух последних и есть действие, то она причинна по отношению к действию

Интенциональное содержание предварительной интенции может теперь быть выражено следующим образом:

Эта предварительная интенция причиняет интенцию в действии, которая есть (ре)презентация моей поднимающейся руки, приводящая к поднятию моей руки.

До сих пор мы не анализировали особый тип

действий и интенций — тех, в которых не производится физических телодвижений. Представляется, что сказанное о действиях, связанных с физическим движением, может быть распространено на ментальные действия. Так, если мне говорят оставаться неподвижным и я подчиняюсь, содержанием моей интенции в действии будет: *эта интенция в действии должна привести к отсутствию телодвижений.*

Отсутствие движения тела может включаться, как и само движение, в условия удовлетворения причинно автореференциальной интенции. То же можно сказать о ментальных действиях. (Отметим, что этот анализ перекликается с анализом Талми [23], построенном на механизмах семантического разложения, берущего свое начало в порождающей семантике).

Мы полагаем, что Серль открывает новые направления исследований, интересные для когнитивного анализа действия. Предлагаемое им понятие опыта действия как (ре)презентативного содержания и причины действия служит необходимой связкой, с одной стороны, в терминах каузации между когнитивным событием (состоянием) и физическим событием (вечная проблема отношения разум — внешний мир) и, с другой — между эпизодической репрезентацией и типической репрезентацией действия (от презентации (опыта) к запоминанию (деятельности)). Введение в концептуальную схему действия причинной составляющей между ментальным событием (опыт действия) и физическим движением позволяет описать, одновременно эксплицируя, психологические наблюдения за когнитивным развитием понятий причинности. Кроме того, она учитывает парадокс (относительной) простоты когнитивного обеспечения действия и сложности его концептуализации при построении его вербализованного объяснения. К тому же Серль выдвигает четкие критерии, позволяющие отделять действие от его контекста, то есть знаний и мнений об условиях протекания действий и его последствиях, которые не относятся к репрезентативному содержанию интенции.

5.3. Когнитивная репрезентация действия

В развитие идей Серля мы полагаем, что репрезентация действия идентична интенциональному содержанию интенции. Репрезентация простого действия (базового действия, акта) должно описываться через:

- (1) существование интенции в действии,
- (2) движение тела,
- (3) автореференциального причинного отношения.

Репрезентация действия должна описываться неиерархической функциональной системой, то есть причинной цепью, связывающей предварительную интенцию с целью действия:

Предварительная интенция → простое действие → событие 1 → событие n (цель).

С точки зрения интенции эта система телеологична и формируется как функциональное единство. В интервале $t(i, j)$ исходное состояние системы изменяется так, чтобы достигнуть определенной конфигурации — цели действия. Каждое изменение, происходящее в интервале $t(i, j)$, функционирует как средство достижения цели, то есть создает необходимые условия для достижения цели.

Сложное действие рассматривается как необходимое условие для реализации сложной интенции. Такое действие может быть описано как интенциональная система, то есть телеологическая система действий, состояний и событий, иерархическая структура которых определяется структурой плана (иерархической структурой предварительных интенций).

Исчерпывающее описание интенциональной системы включает, таким образом, 2 аспекта:

1. Описание последовательности причинно связанных состояний и событий. Под событиями и состояниями мы понимаем предварительную интенцию, интенцию в действии, само действие и события, вызванные действием агента.

2. Телеологическое описание этой последовательности с организацией элементов в иерархическую сетевую структуру, определяемую структурой сложной интенции:

- главный узел представляет макроинтенцию, содержанием которой является репрезентация макродействия, направленного на достижение цели, стоящей перед системой,

- подчиненные ему узлы представляют макроинтенции, содержанием которых являются макродействия, направленные на достижение промежуточных целей, необходимых для достижения главной цели,

- в зависимости от узлов-макроинтенций находятся предварительные интенции последовательности действий, объединенных планом,

- интенции в действии, содержанием которых является репрезентация простых действий, подчиняются узлам, представляющим интенции.

5.4. Семантические характеристики предикаций действия

Учет когнитивных инвариантов репрезентации действия ведет нас к выдвижению гипотезы о том, что среди составляющих, предложенных Ж. Франсуа:

- составляющие {+ Изменение} и {+ Агентив} характеризуют предикации действия,
- составляющая {+/- Каузатив} позволяет дифференцировать предикации собственно действия и предикации операции (акта). Поскольку и агентивность, и каузативность отсылают к концепту каузальности, первая — к автореференциальной каузальности, вторая к — каузальности, связывающей преднамеренный акт с желаемыми последствиями в физическом и социальном мире, мы полагаем, что дифференцированное использование этих двух составляющих проблематично.
- классификатор {+/- Динамика} позволяет отличать изменяющее действие от сохраняющего действия.

6. Заключение

В этой статье была предпринята попытка описания когнитивных репрезентаций, используемых в речевой деятельности. Проблема изучается с позиций когнитивной семантики. Анализ построен на вычленении инвариантов ментальных репрезентаций и их дальнейшем описании, которое удовлетворяло бы одновременно ограничениям, налагаемым языковой и когнитивной системами. Исходная гипотеза предлагаемого подхода состоит в предположении, что структурные характеристики текста и значения, построенного на его основе, определяются одновременно организацией референциальной области текста (эта область понимается как фрагмент эпистемического мира, или социализированного представления «проецируемого мира» или «опытного мира»), а также когнитивными структурами и операциями, используемыми собеседниками для построения репрезентаций этой области.

Эта статья посвящена изучению схем, организующих когнитивные представления семантической природы: схем индивида, состояния, события, действия и причинности,

которые организуют предикации на локальном уровне; система реляционного состояния, трансформационная система и телеологическая система, организующие предикации на глобальном уровне. Принятая стратегия теоризации состоит в установлении когнитивных инвариантов (изменение нормального протекания событий в мире, устойчивость, необходимое условие, причинное предшествование, схема интенционального состояния) на основе данных исследований восприятия и концептуализации, движения, постоянства, изменения и причинности. Эти инварианты сравниваются затем с фундаментальными семантическими составляющими предикаций состояния, события, действия и причины. Попытки выделения последних предпринимаются также лингвистами на основе анализа элементарных предикаций [7]. Эта теоретическая работа позволяет не только составить набор когнитивных инвариантов и соответствующих семантических составляющих, но также:

- дифференцировать по наличию этих когнитивных инвариантов и соответствующих семантических классификаторов ограниченное число классов, организующих одновременно когнитивные репрезентации фундаментальных понятий и соответствующие минимальные предикации: состояние, динамическое состояние, событие, сохраняющее событие, причиняющее событие, действие, сохраняющее действие, причиняющее действие;
- обнаружить различительную функцию этих когнитивных инвариантов в ментальных репрезентациях фундаментальных понятий.

Для валидации предложенной концепции необходимо экспериментально установить, как индивид выделяет из предикаций семантические составляющие, чтобы затем определить с опорой на эти составляющие концептуальную категорию, служащую референтом для предикации. Такая программа эмпирического исследования — необходимое дополнение концептуальных подходов в психологии, лингвистике и философии разума. Это та цена, которую необходимо заплатить, чтобы когнитивная семантика заняла достойное место среди других направлений когнитивных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- in language // *Journal of Memory and Language*, 1986, 25, 104-122.
2. Baudet S. & Denhiere G. Mental models and acquisition of knowledge from text: Representation and acquisition of functional systems // G. Denhiere & J. P. Rossi (Eds.), *Text and Text Processing*. Amsterdam: North-Holland. 1990.
  3. Cleland C. E. Change, process and events // *Center for the Study of Language and Information*. Report № CSLI-87-95. 1987.
  4. Cordier F. Preferred representations and knowledge acquisition // *European Journal of Psychology of Education*, Special issue, *Acquisition of knowledge from text and picture*, G. Denhiere & H. Mandl (Eds.), 1988, 2, 123-135.
  5. Cordier F. Catégorisation d'objets, de relations, de procès: Effets de typicalité // *Actes du colloque Cognitive*. Paris, 1987. 135-140.
  6. Denhiere G. & Baudet S. Cognitive psychology and text processing: From text representation to text-world // *Semiotica*, Special issue: *Cognition and Artificial Intelligence*, P. Ouellet (Ed.), 1989, 77, 1/3, 271-293.
  7. François J. Changement, causation et action. Genève: Droz. 1988.
  8. Gergely G. & Bever, T. G. Related intuitions and the mental representation of causative verbs in adults and children // *Cognition*, 1986, 23, 211-277.
  9. Hilton D. J. & Slucoski B. R. Knowledge-based causal attribution: The abnormal conditions focus model // *Psychological Review*, 1986, 93, 1, 75-88.
  10. Jackendoff R. *Semantics and cognition*. Cambridge: M.I.T. Press. 1983.
  11. Jackendoff R. On beyond zebra: The relation of linguistic and visual information // *Cognition*, 1987, 26, 89-114.
  12. Langacker R. *Foundations of cognitive grammar*. Preprint. 1984.
  13. Le Ny J. F. *La sémantique psychologique*. Paris: Presses Universitaires de France. 1979.
  14. Le Ny J. F. Comment (se)représenter les représentations // *Psychologie Française*, 1985, 30, 231-238.
  15. Le Ny J. F. *Science cognitive et compréhension du langage*. Paris: Presses Universitaires de France. 1989.
  16. Mackie J. L. *The cement of univers* // *A study of causation*. Oxford: Clarendon Press. 1974.
  17. Marr D. *Vision*. San Francisco: Freeman. 1982.
  18. McDermott D. A temporal logic for reasoning about process and plans // *Cognitive Science*, 1982, 6, 101-155.
  19. Michotte A. *La perception de la causalité*. Seconde édition. Louvain: Publications Universitaires de Louvain. 1954.
  20. Miller G. A. & Johnson-Laird P. N. *Language and perception*. Cambridge: Cambridge University Press. 1976.
  21. Schank R. & Abelson R. *Scripts, plans, goals and understanding*. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum. 1977.
  22. Searle J. R. *Intentionality*. Cambridge: Cambridge University Press. 1983.
  23. Talmy L. Semantic causative types // M. Shibatani (ed.), *The grammar of causative constructions*. *Syntax & Semantics*, 6. New York: Academic Press, 1976, 43-116.
  24. Talmy L. Force dynamics in language and cognition // *Cognitive Science*, 1988, 12, 49-100.
  25. van Dijk T. A. & Kintsch W. *Strategies of discourse comprehension*. N. Y.: Academic Press. 1983.
  26. van Dijk T. A. *Text and context*. London: Longman. 1977.
  27. van Dijk T. A. *Macrostructures*. Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum. 1980.
  28. von Wright G. H. The logic of action: A sketch // N. Rescher (Ed.), *The logic of decision and action*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. 1967.
  29. von Wright G. H. *Explanation and understanding*. London: Routledge. 1971.

Н.В. Бугорская

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ КАК КАТЕГОРИЯ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В последнее время распространенным средством самоидентификации ученых становится ссылка на антропоцентрическую парадигму исследований. Сами по себе отсылки подобного рода являются не чем иным, как важнейшим средством интродукции в научный контекст, указанием на научный канон, способствующим экономии усилий в части обоснования связи предметного поля исследования с объектом и методами, а также характера постановки проблемы. Так, ссылки на

сравнительно-исторический подход освобождают исследователя от обоснования и даже постулирования тезиса о генетическом родстве языков и объяснительной силе принципа происхождения.

В данном случае дело осложняется тем, что понятие антропоцентризма, несмотря на свою популярность, а может быть, благодаря ей, толкуется весьма широко и, что более важно, неопределенно. Между тем нечетко

определенные конструкты ограничивают применение научной теории.

Отсутствие единой номинации — термины *антропоцентрическая лингвистика*, *антропологическая лингвистика*, *антропный принцип* в лингвистике, *человеческий фактор* в языке рассматриваются как вариация одной идеи — не позволяет прояснить существо нового подхода путем обращения к философскому и общенаучному контексту, потому что по крайней мере три первых понятия (антропоцентризм, антропологизм и антропный принцип), встречающихся в философии и естествознании, далеко не тождественны.

Так, например, антропный принцип в естествознании — это элемент научного мировоззрения, получившего название глобального эволюционизма, призванный объяснить появление человека как формы жизни. И если он чем-то напоминает антропоцентризм в языкознании, то только своей неоднозначностью, а также отсутствием единства в его истолковании.

Антропоцентризм в философии принято называть характерное для западного типа обществ мировоззрение, противостоящее в части обоснования места человека в мире космоцентризму и теоцентризму. Его появление связывают с определенным историческим временем — эпохой Возрождения (хотя многие исследователи усматривают корни антропоцентризма и в античности). Представления о центральном положении человека в мире есть, с одной стороны, отрицание средневекового теоцентризма, с другой, — продукт новых экономических отношений самой эпохи. Это мировоззрение легло в основу классической рациональности и положило начало субъект-объектной схеме человеческого познания.

Антропологический поворот — это ситуация в гуманитарных науках XX в., явившаяся своего рода реакцией на обозначенную выше классическую схему познания и связанная с попытками ее преодоления. Рефлексы ее в естественных науках обнаруживаются в формулировках антропного принципа.

Отсутствие единства в понимании не помешало, однако, лингвистам — сторонникам нового направления — объединиться на основании общего корня (антропо-) и противопоставить себя традиционным лингвистическим концепциям, получившим по аналогии название системноцентристских. Терминологическая конфронтация,

преувеличенная в риторических целях, способствовала широкому распространению отчетливо проартикулированной несколько ранее (см. [10]) идеи о «бесчеловечности» традиционной лингвистики. Идеи, надо сказать, разделяемой далеко не всеми. Так, нецелесообразным представляется противопоставление антропо- и системноцентризма Л.Г. Зубковой, которая видит в том скорее риторический прием, чем настоятельную необходимость идейного размежевания. По словам исследовательницы, «лингвистика, изучающая естественный язык человека, не может не быть антропологической; изучение языка (тоже, разумеется, осуществляемое человеком) не может быть отделено от «человеческого фактора», даже если такие попытки предпринимаются. Поэтому определение современной лингвистики как антропологической в сущности избыточно. Оно может быть оправдано лишь возникшей недавно необходимостью «очеловечивания» лингвистики в ответ на угрозу ее дегуманизации в крайних течениях структурализма» [9, с.101].

Представляется, что антропоцентрическому направлению на данный момент не хватает того, с чего начинается новая теория — с критики старой, поскольку критика в адрес последней носит в основном самый общий характер, основной аргумент сводится к пресловутой бесчеловечности, а дежурный пафос к слабозащитивному «Как можно!». Более конструктивным является другое звучание — «Почему нельзя!» Почему нельзя изучать язык системноцентрически и, напротив, следует изучать иначе — антропоцентрически. Как в свое время заметил Ф. де Соссюр: «Надо почувствовать противоположность обоих подходов, чтобы извлечь из этого все вытекающие последствия» [18, с. 116].

Ответ, казалось бы, напрашивается сам: необходимость включения в число параметров при конструировании нового объекта лингвистики «антропного» измерения предопределяется неадекватностью феномену языка прежней «системно-структурной» модели языка. Подобное направление мысли отвечает наметившемуся стремлению к изучению «естественного языка», «естественной речи», что также свидетельствует о попытках дистанцироваться от «системно-структурного» образа языка, по определению «неестественного». Однако признание ограниченности системно-структурной модели языка и, как следствие, отказ от нее оказываются

слишком радикальным шагом. Как точно замечает В.А. Пищальникова, «актуализацию в современной «системоцентрической лингвистике» «антропоцентрической» парадигмы часть ученых представляет как революцию в языковедении, другая часть говорит о «новой парадигме», не уточняя ее истоков и продолжая работать в рамках традиционных воззрений на язык, третья — и увы! не самая меньшая — часть пытается анализировать языковой материал, включая в старые представления об объекте и предмете исследования новые, «модные» категории интерпретации» [15, с. 4].

Обсуждение вопроса о возможностях совмещения старых представлений об объекте и новых «антропоцентрических» категорий возвращает нас к проблеме определения самого термина, который, как уже отмечалось, толкуется, если вообще толкуется, весьма неоднозначно. Остановимся на трех пониманиях «антропоцентризма», возможно не исчерпывающих всего многообразия пониманий.

Во-первых, антропоцентризм понимается онтологически, как свойство некоторых языковых единиц, в которых непосредственно (?) представлено «слишком человеческое». В этом плане новизна подхода заключается в обнаружении данных единиц или обнаружении особых (человекообразных) свойств у каких угодно единиц языка. Часто выбор предмета произволен и зависит от рода прежних интересов исследователя. Надо сказать, что перечень этих языковых единиц остается открытым. Таковыми признаются эгоцентрические элементы (от местоимений до глаголов пропозициональной установки), экспрессивно-эмоциональная, оценочная и образная лексика, фразеология, риторический вопрос, плеоназм и т.д. [3]. А под человеческим понимается разное: динамическое в противовес статическому (системе), субъективное в противовес объективному (системе), эмоциональное — рациональному. Подобного рода исследования убеждают в том, что встраивание «человеческого фактора» в традиционную системно-структурную проблематику отнюдь не невозможно, но это свидетельствует не столько о появлении новой парадигмы, сколько о неисчерпанных возможностях старой, конфигурация объекта которой дает возможность рассматривать в том числе те свойства языковых единиц, в которых «человеческое» находится на поверхности. Философско-методологической базой таких исследований является традиционный для отечественной научной мысли принцип

отражения, часто понимаемый как зеркальное отражение. Таким образом, выходит, что одни элементы языка отражают объективную реальность и, следовательно, не обладают свойством «человекообразности», другие элементы языка отражают субъективную реальность и, следовательно, антропоцентричны. Подобная онтология слишком незамысловата и провоцирует на афоризмы вроде того, что *в языке нет ничего человеческого, кроме... самого языка.*

Более «продвинутой» онтологической трактовка антропоцентризма носит несколько иной характер: язык отражает объективную действительность через внутренний мир человека (мотивы и цели его деятельности, ценностные ориентации и т.д.) и, отражая, часто трансформирует его сообразно им. С таким пониманием «человеческого» в языке связаны исследования картины мира (языковой картины мира), чаще наивной, теоретически подкрепляемые постулатом Протагора «Человек — мера всех вещей», где акцентируются антропоморфные свойства языка. По сути, здесь под антропоцентризмом языка понимается антропоморфизм. При всем при том, что такие опусы иногда достаточно занимательны и изящны, чаще всего результат исследования не соответствует масштабности задач или представляет очевидное как невероятное: для того чтобы выяснить, что язык дает представление о человеке как о существе, у которого две ноги, два глаза и одна голова, разум в голове и чувство в душе, нет необходимости проводить научное исследование. Сошлюсь на аналогию из другой области. В 1960 г. Дж. Сомервилл, известный американский социолог, будучи человеком с юмором, опубликовал в научном журнале статью, в которой объявил о создании им новой науки — зонтикологии. Это наука, изучающая закономерности использования зонтиков людьми. Сомервилл писал, что его исследования позволили ему установить два закона зонтикологии: 1) закон цветового предпочтения, согласно которому мужчины предпочитают черные, а женщины — цветные зонтики, и 2) закон преимущественного приобретения зонтиков в условиях плохой погоды. Почему зонтикология — всего лишь шутка? Да только потому, что тут овчинка выделки не стоит: конечно, можно строить специальную науку о зонтиках, но общество не нуждается во всем том объеме знаний, который можно собрать в такой науке.

Кроме того, тезис об антропоморфном характере человеческого мировидения (далеко не новый!) у многих авторов выступает одновременно в виде логической посылки и вывода, так что само исследование сводится к пространной иллюстрации данного тезиса. Или же ущербность умозаключения камуфлируется псевдосиллогизмом: антропоморфный характер человеческого мышления и языка является следствием того, что человек — центральная фигура в мире и даже в космосе. Впрочем, причина и следствие в данной фигуре силлогизма свободно меняются местами вопреки законам формальной логики. Так, А.Г. Масалеев, например, обосновывает центральное положение человека в космосе тем, что «ничьей иной позиции, кроме как позиции самого человека, ни в науке, ни в культуре не существует и существовать не может» [12, с.38]. Последний аргумент представляется неполным без сакраментального — «потому что не может быть никогда!» Для подобной аргументации, вообще говоря, можно привести массу контраргументов в том же стиле. К примеру: человек является центром мира лишь потому, что он сам себя таким образом позиционирует.

В целом и в частности, антропоморфизм мировидения — весьма спорное основание для гордости, хотя и неизбежный эффект человеческого разума. Познание человеком окружающего его мира столь же неизбежно сопряжено с преодолением этого досадного свойства. Именно с преодолением антропоморфического мировоззрения связано становление классической рациональности у Ф. Бэкона и Р. Декарта, положенной в основу научного мировидения (см. [17]).

Во-вторых, под антропоцентризмом можно понимать метод исследования. Одной из ранних работ, посвященной проблеме соотношения антропо- и системоцентризма, является статья В.М. Алпатова [2]. В.М. Алпатов рассматривает антропоцентризм и системоцентризм как гносеологические предикаты. Их противопоставленность есть противопоставленность «двух *подходов* (курсив мой. — Н.Б.) исследователя языка к своему объекту и в какой-то степени различия самих объектов¹» [2, с.15], причем для автора

«антропоцентрический подход исторически первичен» [там же]. По сути, в данной трактовке антропоцентризм отождествляется с интуитивизмом, суть которого заключалась, с одной стороны, в расширении предметной области исследований за счет включения в нее интуиции носителей языка, а с другой — включения в инструментарий научного исследования метода интроспекции, а также в оправдании принципа психологической адекватности системных явлений как критерия научности. В таком понимании снимается проблема конфронтации: «антропоцентричный и системоцентричный подходы всегда влияли друг на друга, и не всегда их легко отграничить» [2, с.18]. Их наиболее явным отличием является, во-первых, то, что для системоцентричного подхода «важную роль играет строгая формулировка процедур исследования» [2, с. 17]. Во-вторых, подходы различаются по **целям использования**: для целей типологии системоцентричный подход необходим, ибо лишь на его основе можно отграничить общелингвистические закономерности от типологических особенностей исследуемого языка, но для обучения родному языку необходим антропоцентрический подход. Кроме того, необходимость системоцентризма (=использование исследовательских процедур) очевидна для анализа периферийных неясных случаев. Зависимость же от антропоцентризма выглядит еще более фундаментальной, когда речь идет о хорошо описанных языках и прежде всего о родном языке исследователя. Дань антропоцентризму отдается при попытке выработать определение слова в рамках системоцентризма, создать классификацию частей речи; даже системоцентристскую фонологическую теорию дифференциальных признаков нельзя считать в полной мере таковой. Последняя, по словам В.М. Алпатова, «представляет собой лишь попытку максимального отвлечения от антропоцентризма, присутствующего в ней имплицитно» [2, с. 19]. Наконец, особые трудности системоцентрический подход всегда вызывал в семантике. «Лишь обращение к антропоцентризму на новой, более высокой основе дало возможность продвинуться в ее изучении» [2, с. 20].

«Любое лингвистическое описание опирается на интуицию носителя языка... В этом смысле любое исследование языка глубоко

¹ На наш взгляд, данные категории в той степени характеризуют объект исследования, в какой последний является гносеологической категорией и тем самым отличается от языка-феномена. Иначе говоря, методология исследования включает в себя не только методы и приемы, но и объект исследования, и имплицитные этим

антропоцентрично...» [2, с. 20 — 21]. Но из всего сказанного не следует, по Алпатову, что «системоцентричный подход вообще не существует. Просто не надо понимать последний как нечто совершенно независимое от психолингвистического механизма» [2, с. 21].

Заметим, кстати, что основоположник системоцентризма — Ф. де Соссюр — сам отступал в сторону антропоцентризма, когда обосновывал язык в его синхронном состоянии в качестве объекта лингвистики, ссылаясь при этом на то, что *именно так система презентирована говорящему*, т.е. на ее психологическую реальность: «Первое, что поражает, когда приступаешь к изучению языка, — это то, что *для говорящего* (курсив мой. — Н.Б.) не существует последовательности этих фактов во времени: ему непосредственно дано только их состояние. Поэтому и лингвист, желающий понять это состояние, должен закрыть глаза на то, как оно получается, и пренебречь диахронией. Только отбросив прошлое, он может проникнуть в сознание говорящих» [18, с. 114-115].

Таким образом, по мнению В.М. Алпатова, «точнее было бы говорить о чисто антропоцентрическом и относительно системоцентрическом подходах» [2, с. 21-22], которые не отрицают, а дополняют друг друга и таким образом могут неконфликтно сосуществовать в рамках одной исследовательской практики.

Однако поиск философских оснований лингвистики — дело затруднительное; еще более затруднителен поиск теоретических пропозиций — описаний того, как соотносятся философские и лингвистические конструкты в рамках одной теории.

Долгое время в качестве философской основы языкознания рассматривался диалектический материализм. Но, не адаптированный к нуждам языкознания, он имел весьма ограниченные возможности для постановки глобальных проблем последнего, и в первую очередь потому, что был создан «под другую проблематику» (отчасти об этом [6]). Язык занимал классиков марксизма не как таковой, а в связи с проблемой происхождения человека. В самом деле, трудно вывести из хрестоматийного «язык так же древен, как и сознание» сущность языка. Кроме того, разработка Марксом проблем идеального, что могло бы способствовать созданию действительной методологической основы языкознания, не популяризировалась по вполне понятным причинам — чтобы не впасть в «ересь» идеализма. По-видимому, поэтому столь

неудачны были отдельные попытки связать напрямую некоторые философские и лингвистические категории (к числу таковых можно отнести работу Н.Б. Гвишиани [7], которая приверженность отечественных ученых материалистической идее усматривает в истолковании ими фонемы как звуковой субстанции, к тому же последнее весьма спорно).

Однако же своя философская основа была и у лингвистики. Ф.М. Березин в одном из своих обзоров [5] в качестве таковой для структуралистской теории (и сравнительно-исторической тоже) обозначил позитивизм.

Позитивизмом называют философию науки, проводившую жесткую демаркацию между наукой и метафизикой. Существование наук о духе признавалось позитивистами, но их специфичность ограничивалась спецификой предмета, в части же методов научного исследования науки о духе, чтобы оставаться науками, обязаны были использовать методы естествознания, т.е. фактически подгонялись под стандарты наук о природе. Так, язык как объект исследования приобретал черты природного объекта, организма (отсюда биологические теории языка, исследование его генеалогии и развития). Непреложным тезисом позитивизма явилось разграничение эмпирии и теории, последняя же признавалась продуктом простого обобщения опыта.

Таким образом, «философское обновление» лингвистики связано в первую очередь с преодолением позитивистских установок.

Любопытно, что становление структурного подхода в отечественном языкознании второй половины XX в. также шло под знаком борьбы с позитивизмом исторически предшествующей ему младограмматической программы. Тогда эта борьба осуществлялась в терминах оппозиции эмпирии и теории. В теоретичности структурализма виделся выход из позитивистского эмпиризма сравнительно-исторического языкознания. Однако представление о философском позитивизме как сугубом эмпиризме слишком упрощает его: теория и у позитивистов была вполне легитимной формой научного знания, другое дело, что она мыслилась как производная от опыта, как его обобщение.

Новые веяния связаны не столько с «переменой участи» каждого из обозначенных предикатов, сменой примата эмпирии приматом теории, сколько с преодолением самого противопоставления эмпирии и теории,

признанием того, что эмпирический факт есть продукт теории.

В эпоху утверждения структурализма последнему уже вменялась в вину дегуманизация лингвистики, пренебрежение человеческим фактором [1]. Защитники структурализма в ответ на это выдвигали контраргументы двойного характера. Во-первых, с полным основанием использовали известный прием «Сам такой!», подчеркивая, что и «младограмматизм... не пользовался общегуманитарным контекстом, проявлял весьма мало интереса к человеческому фактору» [8, с. 109], во-вторых, компрометировали само понятие гуманитарности (сводили ее к идеологичности и, надо полагать, к тенденциозности).

В настоящее время идея гуманизации науки вновь взята на вооружение. Однако не следует трактовать ее как замену идеалов строгости и точности методов естественных наук методическим произволом гуманитарных. В свете новых идей само противопоставление естественных и гуманитарных наук представляется далеко не бесспорным хотя бы уже потому, что идеалы научности сами формируются под влиянием общегуманитарного контекста. Так, в истории науки выделяются периоды, когда научная мысль оказывалась под влиянием различных общественных идей. Анализ работ Ф. Бэкона и Р. Декарта Д.Л. Сапрыкиным [16] иллюстрирует мысль о том, что оформление философско-научного дискурса в конце XVI — начале XVII вв. происходило в значительной степени в теологическом и юридическом контексте (отсюда сведение изучения природы к постижению ее законов, запараллеливание и субординирование знания и власти (известный афоризм *Scientia potentia est*, который ошибочно принято переводить иначе).

В XVIII — XIX вв. юридическое мышление, до того преобладавшее в западноевропейской культуре, было вытеснено естественнонаучным даже из собственно политической сферы. В числе последствий данного процесса имеет место «выведение из науки персоналистического мышления», что достигло своего логического завершения в позитивизме: «знать нечто значит знать научно, т.е. объективно, т.е. как некий естественный (пусть и как бы естественный) объект, как нечто постороннее субъекту, от него не зависящее и ему противостоящее» [4, с. 74]. На такую независимую от субъекта объективность нацелен, как известно, и структурализм, что, собственно, оставляет его в рамках философии позитивизма.

Таким образом, преодоление позитивизма связано с поиском новой рациональности, однако тут есть ряд проблем. По словам Л.А. Микешиной, «если даже философ признает правомерность изменений представлений о рациональности и необходимость обращения к целостному человеку познающему, то он часто бессилён включить в систему рассуждений описания конкретных свойств, отношений, поступков и событий. Это связано... не только с убеждением, идущим от классических представлений о рациональности и научной объективности знания, гарантированность которых понимается как элиминация субъекта, его системы ценностей и предпочтений, но также с *недостаточно развитым понятийным аппаратом традиционной теории познания*» (курсив мой. — Н.Б.) [13, с. 13-14]. Иначе говоря, изменение представлений о рациональности и отказ от ее субъект-объектной схемы требует иного понятийного аппарата для ее описания/создания.

Для философов отход от позитивистской, естественнонаучной модели научного тезауруса приобретает формы гуманитаризации самого языка научного описания, и не столько изобретения его, «поскольку требуемый массив понятий не отсутствует как таковой, в целом в мировой философии он богат и разнообразен» [13, с. 14], сколько придания этому массиву понятий легитимности и респектабельности научного языка. В основании такой замены в целом лежит все то же противопоставление наук о духе (гуманитарных) наукам о природе (естественным), а необходимость ее диктуется приведением в соответствие с предметом языка его описания: дух не может быть описан в терминах натуры.

В контексте задач гуманитаризации языка научного описания, как нам кажется, проясняется логика научного сообщества лингвистов, принявших, несомненно, стихийно, подчиняясь чувству языка, в качестве общего названия для обозначения методологических подвижек в языкознании термины, объединенные общим греческим корнем — антропо-, как известно, имеющим тот же смысл, что и латинское *humanus*, от которого производно понятие гуманитарности. Совершенно не случайным выглядит в этой связи терминологический бум в языкознании.

Однако, по-видимому, преждевременно вести речь о свершившейся революции в языкознании и переходе к новой научной парадигме. Дело осложняется тем, что ситуация в философии

науки в постпозитивистский период, которую принято называть методологическим плюрализмом, поставила на повестку дня проблему преемственности научного знания и соизмеримости научных теорий, совместимости их категориальных аппаратов. Наиболее радикальный вариант решения обозначенной проблемы, представленный в работах Т. Куна, П. Фейерабенда и др., сводится к выводам о концептуальной и, следовательно, категориальной несовместимости различных теорий. Между тем в современной лингвистике эта сфера слабо проблематизирована. Эффективность «парадигмальных прививок», иначе говоря, заимствований терминологического аппарата из параллельно существующих лингвистических теорий, а также междисциплинарных заимствований в целом под сомнение не ставится. Тогда как методологические новации обнаруживают себя в единстве: так, признание идей методологического плюрализма, отказ от исходного тезиса позитивизма — примата эмпирии — в языкознании должен приводить к смене модели языка. В свою очередь, моделирование объектов требует разработки категориального аппарата (= языка его описания), поскольку при помощи традиционного системно-структурного можно описывать только системно-структурный же объект.

Подводя итог сказанному, еще раз обозначим три понимания антропоцентризма, не сводимые друг к другу, хотя, возможно, соотносимые:

1) антропоцентризм как свойство языка (антропоморфизм),

2) антропоцентризм как метод анализа языковых явлений (интуитивизм),

3) антропоцентризм как методологический поиск, связанный с преодолением философского позитивизма в языкознании и проявляющий себя в гуманитаризации (т.е. отказе от естественнонаучной модели) языка лингвистического описания.

Представляется необходимым подчеркнуть особо несводимость различных пониманий друг к другу вопреки распространенной практике кумулировать (напомню этимологию — от латинского *simulus* «куча») различные трактовки в рамках одного определения. Несводимость, в частности, проявляется в невозможности их одновременного использования для характеристики существа того или иного языкового явления. Точнее, отчасти совместимы в рамках своих задач 1 и 2, а также 2 и 3 понимания, но 1 и 3 находятся в отношениях взаимоисключения. Требуется быть специально отмеченным и то обстоятельство, что выбор того или иного (1 или 3) понимания не зависит от желаний исследователя присоединиться к той или иной научной когорте, но жестко имплицирован характером объекта (= той или иной моделью языка).

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В.И. Лингвистический модернизм как дегуманизация науки о языке // Вопросы языкознания. — 1965. — № 3.
2. Алпатов В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходе к языку // Вопросы языкознания. — 1993. — № 3.
3. Антропоцентризм в языке и речи. — СПб., 2003.
4. Ахутин А.В. Экзистенция познания // Философия науки в историческом контексте. — СПб., 2003.
5. Березин Ф.М. О парадигмах в истории языкознания XX в. // Лингвистические исследования в конце XX в. — М., 2000.
6. Бугорская Н.В. Язык как форма сознания // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. — М.; Барнаул, 2003.
7. Гвишиани Н.Б. Категории и понятия языкознания как предмет методологического исследования. — М., 1984.
8. Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. — М., 2001.
9. Зубкова Л.Г. Антропологический подход к языку: истоки, принципы, эволюция // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. — М.; Барнаул, 2003.
10. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. — М., 1982.
11. Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Известия АН. Серия литературы и языка. — 1994. — Т. 53. — № 2.
12. Масалеев А.Г. Человеческое измерение Вселенной: космизм и антропоцентризм. — Екатеринбург, 1996.
13. Микешина Л.А. Философия познания. — М., 2002.
14. Паршин П.Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века // Вопросы языкознания. — 1996. — № 2.
15. Пищальникова В.А. Психолингвистика и современное языкознание // Методология современной психолингвистики. — М.; Барнаул, 2003.

16. Сапрыкин Д.Л. Политико-теологический и юридический контекст ранней новоевропейской философии науки // Философия науки в историческом контексте. — СПб., 2003.
17. Сергеев К.А. Ренессансные основания антропоцентризма. — СПб., 1993.
18. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. — М., 1977.

И.В. Журавлев

СТАТУС КОММУНИКАЦИИ В НЕКЛАССИЧЕСКОМ МИРЕ

...задача философии состоит в том, чтобы максимально высвободить жизнь чего-то большего, чем мы сами.
М. Мамардашвили, с. 185]

В этой статье мы постараемся эксплицировать ряд проблем, появление которых сопровождает любую попытку выстраивания неклассической онтологии коммуникации. Главной из таких проблем будет, конечно, вопрос о возможности самой этой онтологии: ведь в неклассической схеме, нами здесь воспроизводимой, акт построения онтологии вязнет в самом себе (т.е. онтология «проблемна» для самой себя). Причина этого станет понятной позднее, а пока, чтобы не отпугивать читателя, а вместе с тем и подготовить его к восприятию завершающих разделов статьи, мы рассмотрим проблемы вполне «классические» — которые наиболее четко были сформулированы в картезианской философии и от возможности решения которых зависит многое.

То, с чем неизбежно приходится считаться, когда мы говорим о коммуникации, — это *неприсутствие* двоякого рода. Как известно, реальность представления никогда не может быть критерием реальности того, что в нем представляется, а поэтому все данное мне в опыте действительности вполне могло бы быть сведено к совокупности моих представлений. Например, даже если я вижу объект, я, вслед за Декартом, могу усомниться в том, что он реально существует: объект мира мне непосредственно не дан, поскольку объект — «физический», а представление или восприятие объекта — не «физическое», а «психическое». И хотя объекты восприятия всегда характеризуются экстрапроекцией (т.е. воспринимаются и мыслятся как существующие вне и независимо от того, кто их воспринимает), эта их

характеристика *может* быть объяснена «изнутри» — например, исходя из свойств системы понятий, при помощи которых мыслится мир (понятие об объекте подразумевает его субстанциальность, тождественность во времени и т.п.). Можно сказать и иначе: сознание опредмечивает мир, и только об этом опредмеченном (оформленном) мире мы можем что-то знать — а значит, ничего не можем сказать о мире «самом по себе» (эту идею лучше всех сформулировал Кант).

С этой *проблемой мира* (ее можно с оговорками называть монадологической или психофизической проблемой) неразрывно связана, хотя связь эту и нелегко сразу обнаружить, *проблема чужого сознания*: откуда взялась моя убежденность в том, что люди, которых я вижу вокруг себя и с которыми постоянно общаюсь именно как с людьми, наделенными сознанием, в действительности не являются манекенами или автоматами, лишь искусно воспроизводящими телесный облик и поведение людей? Что позволяет мне атрибутировать некую «единицу сознания» другому телу? Насколько правомочна такая атрибуция, пусть она даже и является в моем эмпирическом сознании необходимой? И самое главное: откуда я знаю, что «другие» обладают теми или такими же представлениями о мире, что и я сам?

Хотя *проблема мира* может показаться первичной по отношению к *проблеме чужого сознания* и вопросам, связанным с ней, логика *истории субъекта* свидетельствует об обратном: если удастся конституировать интерсубъективность (как это, например, сделали Фихте, Гуссерль, Мерло-Понти или Левинас), то «эффект объективности», как и «эффект субъективности», получает вполне надежное обоснование. Все это, конечно, метафизические проблемы, и их можно было бы не упоминать,

если бы мы были способны «прописать» в мире коммуникацию каким-нибудь окольным путем — т.е. минуя наши собственные знания о том, что после Лейбница, например, в мире невозможна никакая коммуникация². Но такого способа у нас нет.

Если бросить взгляд на предпринятые в прошлом попытки конституирования intersубъективности, можно отметить интересную вещь: там, где intersубъективность мыслится принципиально возможной, рано или поздно появляется понятие тела как «тела другого» (пусть даже тело при этом мыслится только как представление). Проект intersубъективности тогда оказывается и проектом *интеркорпоральности*, т.е. коммуникации тел. С чем это может быть связано? Чтобы в этом разобраться, рассмотрим сначала сам феномен «тела другого» и попытаемся ответить на вопрос, что дает нам основания считать это тело «первым культурным объектом». Однако наша задача на данном этапе будет еще трудней: необходимо эксплицировать форму, в которую облакает себя и в которой только и может обнаружить себя человеческая мысль, делающая своим предметом указанную проблему. Только осуществив такую «двойную рефлексию», мы сможем двинуться дальше.

Обратимся прежде всего к пятому из «Картезианских размышлений» Гуссерля. Это размышление представляет собой одну из наиболее основательных попыток конституирования intersубъективности за всю историю философской мысли. В любом акте внешнего восприятия то, что присутствует (презентируется), всегда спаяно с тем, что приводится в соприсутствие (аппрезентируется): например, презентация видимой части предмета есть одновременно аппрезентация его тыльной стороны, §55]. В случае с восприятием «другого» мы имеем дело с особым видом аппрезентации, поскольку чужое сознание, в отличие от тыльной стороны предмета, никогда не может быть дано нам непосредственно (на предмет можно посмотреть и с противоположной стороны, а тело другого никогда нельзя вывернуть так, чтобы сознание оказалось снаружи). Поэтому восприятие другого требует некоей «уподобляющей апперцепции»: «только подобие, благодаря которому внутри моей первопорядковой сферы тело, находящееся там, связывается с моим телом, может служить

основанием для восприятия *по аналогии*, при котором это тело воспринимается как живое тело “другого”», §50]. Такая аппрезентация нуждается в постоянном подтверждении посредством новых аппрезентаций: именно их синтетическая согласованность позволяет нам легко исправлять ошибки своего восприятия, когда мы, например, путаем продавца с манекеном.

Итак, если некое тело выполняет аппрезентативную функцию, то «вместе с ним мной осознается *другое ego*, и прежде всего *другое ego* со своим телом как данным ему в модусе явления, принадлежащем его абсолютному “здесь”», §55]. В этом акте происходит не только конституирование другого, но и отождествление мира, воспринимаемого мной, с миром, который полагается как воспринимаемый другим; устанавливаемая таким образом intersубъективная природа в результате оказывается первой формой объективности. Как скажет об этом М. Мерло-Понти, «воспринимаемые вещи действительно могут существовать, если я пойму, что они воспринимаются и другими», с. 152].

Таким был вкратце ход «интенционального истолкования опыта “другого”», который позволил Гуссерлю конституировать объективный мир как сущностно связанный с intersубъективностью. Но само это истолкование основывалось на данности тела другого (наряду с другими объектами) как феномена первопорядковой сферы. Этот подход вызывает ряд возражений, которые, правда, чаще всего бьют мимо цели, поскольку исходят не из области феноменологии. Таково, например, возражение, согласно которому для того, чтобы в моем сознании возник некий объект, должна быть сформирована *семиотическая функция* как функция *передачи* объекта *другому*. Все то, что сознательно, с необходимостью сообщено (или сообщается) другим. Значит, чтобы я мог встретиться с другим (с телом другого), я *уже* должен быть с ним «знаком». Однако Гуссерль по этому поводу сказал бы, что не имел в виду «временного генезиса» и что после отказа от «естественной установки» нет другого способа конституировать мир, кроме как исходя из собственной трансцендентальной сферы.

Более существенное для феноменологии возражение исходит от последователей Гуссерля и во многом было подготовлено им самим. Сказав, что нет феномена там, где нет изначальной открытости другому, и Левинас, и Мерло-Понти эксплицировали диктуемый историей субъективности конец монадологии:

² А наши знания о мире, напомню, сами являются событиями этого же мира.

«разрушить монадологическую идею означает прежде всего допустить *тот разрыв имманентности*, который бы показал, что субъективность, в отличие от монадической индивидуальности, может осуществиться только на основе открытости внешнему или инаковости» [с.302]. Итак, описываемой Гуссерлем аппрезентации должна предшествовать изначальная открытость другому: конституировать интересубъективность исходя из самотождественного Я невозможно уже потому, что Я никогда не бывает самотождественным.

В ходе всего предшествующего рассуждения об интересубъективности мы неизменно предполагали возможность представленности объекта в феномене сознания. Мы также пытались «наделить» сознанием тело другого, хотя и пришли к утверждению, что любому такому акту должна предшествовать изначальная открытость Я. И все же проблема во многих отношениях окажется перевернутой, если мы зададим простой вопрос о том, как возможно, чтобы какие бы то ни было состояния сознания принадлежали *именно мне*. Один из возможных ответов на этот вопрос представлен в проекте философии сознания П. Стросона, который мы теперь и рассмотрим.

В своем знаменитом эссе «Individuals» Стросон (вслед за Беркли, Юмом и др.) предпринял попытку понять, можно ли и как можно «обладать» своими состояниями сознания. В связи с этим он формулирует следующие вопросы: 1) «Почему состояния сознания вообще чему-либо приписываются?», и 2) «Почему они приписываются тому же, чему приписываются определенные телесные характеристики?» [р. 90]. Прежде всего Стросон отмечает логическую (не эмпирическую, конечно) возможность того, чтобы сознательный опыт был связан с каким-либо другим телом, нежели с тем, которым каждый из нас «обладает». Но идентифицировать состояния сознания мы можем только в том случае, если мы способны идентифицировать физические тела, или «материальные партикулярности» (это центральный пункт в рассуждениях Стросона, к которому мы потом еще вернемся). Поэтому «необходимым условием для того, чтобы вообще приписывать состояния сознания, является то, что они должны приписываться тому же, чему приписываются и определенные телесные характеристики» [р. 102].

Теперь начинается самое интересное. Итак: откуда я, например, знаю, что могу испытывать боль (а боль — это явление сознательное)?

Мнение Стросона по этому вопросу кажется в высшей степени антикартезианским: поскольку невозможно понятие, которое применялось бы только к одной вещи, мы можем приписывать себе состояния сознания только в том случае, если можем приписывать их другим. «Необходимым условием для того, чтобы кто-то мог приписывать себе — как он это делает — состояния сознания, переживания, является его способность или готовность также приписывать их другим, которые не есть он сам» [р. 99]. Может возникнуть впечатление, что Стросон проделал работу, обратную той, которую проделал Гуссерль. Ведь одно — наделять сознанием чужое тело, и совсем другое — получать сознание от тела другого человека. Может также показаться, что способ решения всей проблемы сводится к простой формуле: либо другого выводят из Я, либо Я выводят из другого, либо предполагают их изначальное взаимопроникновение или тождество («Я это другой»). Однако, по всей видимости, указанные авторы (как и некоторые не указанные), рефлексируя саму возможность сознательного говорения о таких вещах, имели в виду «нечто другое».

Но прежде, чем это прояснить, мы должны рассказать о том, что случилось в XX веке с проектами автокоммуникации и личного языка. Мы покажем, как два наиболее ярких мыслителя XX века, воспроизводящих к тому же совершенно разные стили философствования, дискредитировали эти идеи, хотя и шли к этому с разных сторон. Перед нами «феноменолог» Гуссерль и «позитивист» Витгенштейн.

Несмотря на то, что к чужому сознанию не существует непосредственного доступа, аппрезентация другого, как ее описал Гуссерль, есть именно восприятие, но не суждение или указание посредством знака³. «Если мы придерживаемся фактического опытного познания “другого”, т.е. такого опытного познания, которое имеет место во всякий момент, то находим, что и в самом деле тело, увиденное с помощью органов чувств, сразу же опознается в

³ Гуссерль настоятельно подчеркивал, что между интуитивной презентацией и символической репрезентацией посредством образов или знаков есть непреодолимое различие: вещь, данная в восприятии, есть «знак для себя» (а потому и совсем не является знаком), в то время как в случае репрезентации нечто в сознании «отражает нечто иное или же сигнитивно указывает на таковое; обладая в поле своего созерцания одним, мы направляемся не на это одно, а через посредство фундируемого постижения на нечто иное — отображаемое, обозначаемое» [§43].

опыте как тело “другого”, а не только как некое указание на “другого”. Разве не загадочен этот факт? <...> То, что я действительно вижу, есть не знак и не простой аналог, некое отображение, понимаемое в том или ином смысле, но сам “другой”» [§55].

Этот факт действительно загадочен: ведь как только начинается коммуникация, слушающий начинает *воспринимать* говорящего как личность, которая «одновременно со звуками осуществляет определенные смыслопридающие акты, о которых она его извещает и, соответственно, смысл которых она хочет ему сообщить» [§7]. «Слушающий воспринимает извещение в том же самом смысле, в котором он воспринимает саму извещающую личность — хотя все же психические феномены, которые делают личность личностью, не могут быть даны при созерцании другого как то, что они суть», поскольку «есть большая разница между действительным схватыванием некоторого бытия в адекватном созерцании и предположительным его схватыванием на основе созерцательного, но не адекватного представления» [§7]. Анализируя теорию знаков Гуссерля, Ж. Деррида высказался по этому поводу вполне определенно: именно потому, что у нас нет изначальной интуиции живого опыта другого, коммуникация или сообщение являются сущностно указательными. «Где бы ни скрывалось непосредственное и полное присутствие означаемого, означающее всегда будет иметь указательную природу» [с. 57].

Здесь необходимо упомянуть о различии, которое в своих «Логических исследованиях» Гуссерль проводит между двумя видами знаков⁴. Знаки как *оповещения* или *указания* (Anzeigen) функционируют в том случае, когда «какие-либо предметы или положения дел, о существовании которых кто-либо обладает действительным знанием, оповещают его о существовании других определенных предметов или положений дел в том смысле, что убежденность в бытии одних переживается им как мотивация (причем сама мотивация остается непроясненной) убежденности в бытии или мотивация предположения бытия других» [§2]. Принципиально важно то, что в ситуации оповещения отсутствует очевидность: «там, где мы заключаем о существовании одного положения дел исходя из существования другого

положения дел, усматривая это с очевидностью, мы не называем последнее оповещением или знаком первого» [, §3]. На то, что представлено с очевидностью, нет нужды указывать.

От таких знаков отличаются *выражения* (Ausdruck) как «знаки, обладающие значением»⁵. В процессе коммуникации выражения извещают слушающего о том смысле, который говорящий «хочет придать» своим словам, и поэтому здесь выражения функционируют как признаки «мыслей» говорящего, т.е. выражение и оповещение оказываются неразрывно связанными. Граница между ними — это граница между невыказанным и высказанным, проводимая внутри языка [с. 52].

Отношение к другому как к *неприсутствию* не может не быть указательным: «чтобы редуцировать в языке указание и дойти, наконец, до чистого выражения, отношения с другим волей-неволей должны быть прекращены» [с. 58]. После редукции коммуникации оказывается, что «выражения развертывают свою функцию значения и в одиночестве душевной жизни, где они больше не функционируют как признаки» [§1]. Что же в действительности происходит тогда, когда я пытаюсь поговорить с самим собой?

Слово может перестать быть словом только в том случае, когда мы направляем свой интерес на него как на комплекс звуков. Если же мы вживаемся в его понимание, то оно нечто выражает, причем независимо от того, адресовано ли оно кому-либо или нет. Поэтому, говорит Гуссерль, значение выражения не может совпадать с его извещающей функцией: ведь я не нуждаюсь в том, чтобы указывать самому себе на свои состояния так, как я указываю на них другому. И хотя во внутреннем монологе слова, как и всегда, функционируют в качестве знаков, эти слова здесь лишь *воображаются*, и говорящий только *представляет* себя сообщаемым себе что-либо. «В монологической речи слова все же не могут служить нам как признаки для существования психических актов, ведь такого типа оповещение было бы здесь совершенно бесполезным. Ведь эти акты переживаются нами в тот же самый момент» [§8]. Этот вывод привел Гуссерля к фактическому признанию подлинным знаком лишь знака как

⁴ Есть, конечно, и другие классификации знаков. Однако нам здесь нужно максимально точно проследовать за мыслью Гуссерля.

⁵ Здесь есть терминологические трудности, которые связаны с переводом: ни в коем случае нельзя думать, что оповещения, в отличие от выражений, лишены значения. Знака не бывает без значения. Однако оповещение, по Гуссерлю, лишено Bedeutung, поскольку ничего не выражает.

оповещения: впоследствии он будет неоднократно повторять, что живой опыт самопредставленности есть опыт бесполезности знаков, а значит, и отсутствия коммуникации субъекта опыта с самим собой (с точки зрения генезиса, конечно, любое внутреннее содержание имеет изначально знаковую природу, но у Гуссерля речь идет совсем не об этом).

Теперь мы можем снова вернуться к разговору о боли. Дело в том, что вопрос о возможности узнать, что ты испытываешь боль (также как и узнать, что ее испытывает другой человек), мог бы быть решен достаточно легко, если бы мы доказали возможность существования языка, на котором можно общаться с самим собой (т.е. указывать самому себе на свои состояния). Мы уже показали, как Гуссерль провалил идею автокоммуникации, оставив, однако, нетронутой сферу того, что называется личным опытом. Теперь рассмотрим аргументацию Л. Витгенштейна.

Прежде всего отметим, что эта аргументация развивается как бы с противоположной стороны. Витгенштейн вполне допускает, что можно разговаривать с самим собой, а также высказывать свои внутренние переживания, пользуясь обычным языком. Можно даже изобрести собственный язык, на который мы могли бы переводить с обычного языка то, что хотим скрыть от окружающих. Но возможен ли такой язык, который указывал бы исключительно на «субъективный» опыт говорящего и при этом не был бы понятен никому другому? Отрицая это, Витгенштейн отрицает не только индивидуальность нашего «внутреннего» опыта, но также и то, что значением слова является нечто «внутреннее» и «личное» (последний вывод колоссален по своим последствиям).

Можно ли сказать, что «только я могу знать, действительно ли у меня что-то болит»? По Витгенштейну, это не только ложно, но и бессмысленно. Ложно потому, что обычное употребление слова «знать» вполне согласуется с утверждением, что другие люди очень часто знают, когда я испытываю боль. Бессмысленно потому, что «обо мне нельзя сказать, что я *знаю* свои ощущения. Они просто у меня есть» [п. 246]. Здесь не подходит и аргумент о том, что «у другого не может быть моих болей»: это утверждение бессмысленно, поскольку обычно нельзя сомневаться относительно того, чьи боли являются чьими [п. 253].

Предположим теперь, что я записываю в дневнике какой-то знак, когда у меня появляется некое ощущение. Оказывается, что я не могу

указать на ощущение, если в обычном языке этому знаку не была отведена соответствующая роль. Конечно, я могу сконцентрировать внимание на данном ощущении и указать на него «в своем внутреннем мире», закрепляя связь между знаком и ощущением. Однако этот процесс только «обеспечивает то, что впоследствии я *правильно* вспоминаю эту связь. Но ведь в данном случае я не располагаю никаким критерием правильности» [п. 258].

Что же касается слов, при помощи которых ощущения обозначаются в обычном языке, то и они, по Витгенштейну, не являются знаками чего-то «внутреннего»: когда ребенок, испытывая боль, просто кричит, взрослые учат его «болевому поведению», включающему произнесение слова «боль» [п. 244]. И поскольку такое употребление слов является доступным общему наблюдению элементом поведения, язык никогда не может быть личным. Так же, как и сама боль.

Невозможность «личного опыта» можно хорошо продемонстрировать, обратившись к данным психопатологии. Рассмотрим феномен овладения. Больные говорят об имеющих над ними власть аппаратах или влиянии со стороны других людей, в их голову «вкладываются» мысли, их движениями что-то руководит, в тело вселяется некое существо и т.д. Они испытывают и всевозможные галлюцинации, которые чаще всего являются словесными: «голоса» общаются друг с другом, обсуждают, ругают или хвалят больного, дают ему советы или приказы. Фактически личность при этом отчуждает, т.е. объективирует, «собственные» продукции: свои ощущения, движения, мысли, внутреннюю речь. Но эта патологическая объективация свидетельствует как раз о том, что было бы с опытом, если бы он был действительно личным. Представим на миг, что мы «выключили» интерсубъективность. Тогда, как мы уже отметили выше, рухнет не только мир объектов, но и мир субъекта. Тело, переставшее быть «телом другого», неизбежно отчуждается от самого себя. То же самое можно сказать и о речи: если бы автокоммуникация осуществлялась не только в «представлении», как пишет Гуссерль, но и в действительности, то мы все неизбежно стали бы галлюцинировать, чтобы «превратить» ее в коммуникацию⁶. То есть — повторим старую

⁶ Есть много зарубежных исследований, в которых шизофренический психоз рассматривается как результат «отказа» больного от коммуникации (при том, что сам этот отказ есть вариант коммуникации, и т.д.) 0]. Что касается отечественных психиатров, то они чаще всего исходят из

и емкую формулу — если бы вокруг меня не было мира, мне пришлось бы его создать.

Только сейчас мы можем приступить к разъяснению действительной сущности другого. Но прежде напомним простую вещь, о которой мы уже говорили. Известно, что после Декарта в философии существует некий запрет на описание сознательных явлений теми же способами, при помощи которых мы описываем явления пространственные. И тем не менее наш повседневный опыт упрямо свидетельствует об обратном: в нашем мире сознание как бы дискретно распределено между многими пространственными единицами (мы говорим о «моем» сознании и «его» сознании, о теле, «в котором» находится сознание, и т.д.). В чем здесь проблема?

Мы уже упоминали странную ситуацию, возникающую тогда, когда мы пытаемся объяснить саму возможность «встречи» с другим — причем первоначально именно как с «телом другого». Оказывается, что выделение в опыте тела другого (впрочем, как и любого объекта) было бы совершенно невозможным, если бы другой изначально не присутствовал в опыте, а точнее — за опытом как его условие. Это подтверждается самой *историей сознания*: мир объектов может постепенно оформиться как представленный (удвоенный) в сознании только при условии изначального не-одиночества, изначальной потребности человека передать нечто другому. Откуда бы возник этот «другой», если для того, чтобы с ним впервые встретиться, он *уже* должен быть?

Можно, конечно, сказать, что с самого начала другой не является объектом. Однако так проблема не решается: ведь с этой точки зрения именно тот другой, который сначала «диффузен» (как и объектный мир вообще), впоследствии облекается в тело и становится «дискретным». Дискретный другой, как и любой объект, который может быть представлен в сознании, по определению эмпиричен: он представляем в сознании лишь постольку, поскольку сознательный опыт есть опыт опредмечивания мира. Поэтому в погоне за *этим* другим мы, во-первых, неизбежно окажемся на пути *психологического* исследования, а во-вторых, будем вынуждены бесконечно сдвигать сроки появления первого опыта социальности ребенка все ближе и ближе к моменту его рождения (а то

и перемещать их во внутриутробный период — что и демонстрирует современная психология).

На самом деле здесь вновь проявляет себя старая дилемма: как, например, можно прийти к «общественному договору», если для того, чтобы возник этот договор, его участники *уже* должны были бы вступить в общественные отношения? Все это говорит только о нелепости исходной позиции, подразумевающей изначальное существование неких агентов, которые могут по своему произволу вступить или не вступать в отношения друг с другом.

Рассмотрим один пример, для чего снова воспроизведем уже упоминавшееся утверждение Стросона: мы не могли бы приписывать себе состояний сознания, если бы не приписывали их другим. Вполне вероятно, что кто-то спросил бы Стросона, откуда тот мог впервые узнать, что хочет, например, сходить в туалет, если другие обычно скрывают такие желания. И хотя Стросон легко нашел бы ответ на этот вопрос, его можно было бы до бесконечности спрашивать о подобных вещах. Можно, однако, отвлечься от эмпиричности этой ситуации и рассматривать атрибуцию желания другому просто как *принцип*: раз уж желание возникло, значит, оно возникло как желание другого (что, кстати, вполне соответствовало бы позиции Гегеля, Лакана и т.д.).

Итак, дискретный другой появляется в нашей предметной картине мира наряду с другими объектами, но только как эффект, как иллюзия. И здесь прав Стросон: мы не могли бы мыслить другого, не могли бы иметь с ним дело, если бы в нашем опыте он не был «локализован» в некоем теле, т.е. не обладал бы пространственными характеристиками. Однако так понимаемый другой не присутствует с самого начала. И если по поводу дискретного другого можно сказать, что он имеет «человеческую» (т.е. производную от человеческой способности опредмечивать мир) природу, то о другом как принципе, о другом как способе организации сознания это утверждать уже нельзя. Другой как принцип — не дискретен (и никогда не может таковым стать), он — основа самой возможности любого сознательного опыта, а значит, и условие возможности увидеть что-либо в мире сознательно, т.е. делая этот мир предметным, а опыт о мире — сообщимым в форме сознания.

Введенная таким способом непрерывность снова, казалось бы, указывает на невозможность коммуникации: последняя оказывается так же «представляемой», «воображаемой», как и автокоммуникация в монологе. Напомню слова

Э. Кассирера: «посредством языка и образа субъекты не сообщают друг другу то, чем уже владеют, но лишь здесь вступают в это владение» [14, с. 61]. Существование языка имеет смысл (и возможно) только в предметном мире, в мире «дискретных других»⁷. Пытаясь как-то охарактеризовать эту ситуацию и во многом вторя Канту (а Кант, как известно, «промолчал» о языке, но зато ясно высказался о мире), В. фон Гумбольдт говорил о «невидимом мире» вне языка — мире, которого никогда нельзя достигнуть, поскольку ведет к нему только язык [с. 378]. Почти то же самое потом повторит Ж. Лакан (который был последователем классиков немецкой философии в значительно большей мере, чем обычно считают): «язык создан как для того, чтобы укоренить нас в Другом, так и для того, чтобы в принципе помешать нам его понять»⁸ [с. 351]. Но каким бы тогда ни оказывался статус языка, иного мира, кроме «представляемого», у нас нет, ведь наш опыт — неизбежно предметный, сознательный. Можно довольствоваться и «представляемой» коммуникацией — ведь о мире «на первом его шаге» мы вообще сказать ничего не можем [с. 220].

Здесь нужно уточнение. Я живу в человеческом мире, смотрю на мир человеческими глазами. И именно в *этом* мире происходит «представляемая» коммуникация. Но я никогда не смог бы в нее вступить, если бы общение не было самой моей сущностью. Сущность человека (по Марксу) — это *и есть* общение. Именно это мы и хотели обозначить, вводя странную фигуру «другого как принципа». Значит, социальность должна присутствовать изначально, но именно как внеопытный принцип, а когда и как осуществляется социальный опыт в мире «дискретных других», нас здесь просто не должно интересовать — ведь, по словам М. Мамардашвили, все это случайно и абсурдно в своей случайности. Но «если мы под человеком понимаем трансцендирование своего натурального положения, то это значит, что мы соотносим законы понимания мира не со

случайным фактом, а с таким миром, который образуется в человеке в зависимости от его соотносительности с самим же этим миром поверх эмпирической, конкретной ситуации» [с. 201–202].

Итак, мы вышли к проблеме непрерывности/дискретности, которая по-разному формулируется в философии (noumena/phaenomena), психоанализе Фрейда (первичный процесс/вторичный процесс, бессознательное/сознание) и Лакана (реальное/символическое/воображаемое), семиотике и психолингвистике (проблема цифроаналоговых преобразований), психологии деятельности (событие/деятельность/предмет, процесс/образ) и т.д. Читатель, конечно же, поймет, что с этой проблемы мы и начинали.

Все это, как однажды в подобной ситуации шутливо заметил Фихте, были только предварительные замечания. Они нам были нужны для того, чтобы сместить фокус рассмотрения коммуникации из сферы психологии (в широком смысле) в сферу онтологии (а заодно и показать, что иного способа анализа коммуникации, кроме онтологического, просто не существует). Но когда мы действительно осуществляем такое перемещение, когда пытаемся задать некое непрерывное доопытное (или принципиально внеопытное) поле как фундамент того, что становится дискретным в коммуникации, мы вдруг сталкиваемся со странной ситуацией, в которой все мыслимые основания коммуникации снова — и уже в третий раз по ходу наших рассуждений — оказываются подвешенными. Проблема дискретности, чужого сознания и т.п. станет детской игрушкой по сравнению с тем, что нам теперь предстоит обсудить: ведь мы продвигаемся в область, где уже нельзя — как бы того ни требовал наш предметный язык (вспомним Лакана: «чтобы в принципе помешать...») — отделить понимаемое нами от понимания как акта, всегда *уже* включенного в то, что мы «хотели» понять.

Задумаемся над простым вопросом: может ли внеопытная непрерывность, которую мы приравнивали к «вещи в себе» или «событийному миру» (в противоположность миру опредмеченному, категоризованному и т.д.), быть гарантом непрерывности самого опыта — т.е. сообщимости и воспроизводимости, а значит, и объективности наших знаний о мире? Опредмечивали мы мир, конечно же, объективно — именно в силу априорности, т.е. необходимости и общезначимости (по Канту),

⁷ Это, кстати, интуитивно чувствовали интуитивисты — например, Бергсон, говоривший о «длительности» и «жизненном порыве». И каким бы «кантисимволистом» Бергсон ни был, он, утверждая, что длительность чужда языку (и что сознание «заменяет реальность символом» [с. 773]), сказал о природе символа почти то же, что и «символист» Кассирер, хотя и двигался с противоположной стороны.

⁸ Здесь речь идет именно о «Большом» Другом, а не о дискретном, «воображаемом» другом.

наших форм его познания. А это, по-видимому, значит, что теперь мы можем обмениваться полученными предметами друг с другом, т.е. вступать в коммуникацию, не рискуя быть неверно понятыми. Но именно в этом пункте возникает для нас непреодолимое препятствие. Здесь и появляются проблемы неклассической рациональности, которые «завязываются, распространяясь, как пожар, и на все остальное».

Если в классической картине мира была точка отсчета, позволяющая охватить весь опыт сознания и не имеющая при этом собственной «плотности» (трансцендентальный субъект), то в неклассической картине эта точка исчезла, а точнее, потеряла свою прозрачность. Мир перестал быть делимым на субъект и объект именно тогда, когда обнаружилось, что из самого мира нельзя изъять акт попытки его (и себя в нем как понимающего субъекта) зафиксировать, а значит, мир всегда уже не тот, каким мы его фиксировали, т.е. понимали. Именно это М. Мамардашвили назвал «зазором под необратимостью фактов». Субъект утратил самоотждественность, а значит, исчезла и возможность приобщаться в каждом наблюдении к «точке зрения» универсального наблюдателя, присутствие которого обеспечивало бы воспроизводимость (и тождественность) опыта, возможность передать нечто другому и т.д. Непрерывность опыта оказалась принципиально недостижимой.

Когда философия науки наткнулась на все эти вещи, рухнул классический эмпиризм: ведь невозможность разделить мир на субъект и объект оборачивается, помимо прочего, и невозможностью провести демаркационную линию между опытом и теорией: «ошеломляющий для классического эмпиризма вывод, следующий из работ Канта и Поппера, а также психологов, испытавших влияние этих мыслителей, заключается в том, что... *нет никакой естественной (т.е. психологической) демаркации между предложениями наблюдения и теоретическими предложениями*» [с. 283].

В результате мы имеем парадоксальную картину: вполне может показаться, что относительность опыта, которая связана с невозможностью его одномоментного охвата и воспроизведения, свидетельствует о том, что этот опыт навсегда перестал быть объективным, положение вещей стало непредсказуемым, коммуникация — невозможной. Впрочем, такая познания априорными (т.е. объективными), подчинив наблюдателя физическим законам (но этим был только абсолютизирован статус

позиция далеко не нова: об «одинокости говорящего» знали еще античные греки (Аристотелю, например, споры со скептиками о возможности что-то сказать доставили немало хлопот). Напомним слова Т. де Мауро, проделавшего блестящий анализ того, как различные мыслители (от Аристотеля до Соссюра, Кроче и Витгенштейна) оценивали возможность коммуникации. Цитата достаточно длинная, но она заслуживает того, чтобы привести ее полностью.

«Итак, мы убедились в невозможности доказать, что мы можем общаться, что наши слова имеют значение, что познание сущего (в том числе коммуникации и значения) осуществимо. Равно невозможно доказать, что мы живем, а мир существует. Любое доказательство такого рода, как сказал бы Аристотель, свидетельствовало бы о «невоспитанности», ибо оно было бы вынуждено опираться на возможность коммуникации (иначе его просто не было бы), на возможность существования значения у слов (иначе оно было бы бессмысленным), на наличие у нас совокупности знаний (иначе его нельзя было бы развить); к тому же такое доказательство могло бы иметь место только при условии существования живых существ и мира. Иначе говоря, любое доказательство такого рода возможно лишь при условии, что предполагается существование того, что как раз и нужно доказывать. Что же касается нас, то мы не можем доказать, мы можем только допустить и принять в качестве допущения возможность существования семантической практики и возможность ее познания» [с. 170].

Но если мы (вслед за Кантом) обосновали «внеопытную непрерывность», если вместе с Гегелем, Марксом, Лаканом (!), Ильенковым или Мамардашвили мы поставили знак равенства между человеческой сущностью и общением (введя фигуру «другого как принципа»), то нам уже не нужно что-либо допускать: коммуникация — потом, давайте сначала разберемся с природой человека, и тогда, может быть, нам вообще не придется что-либо доказывать, — сказал бы по этому поводу Маркс.

Что же касается «неклассичности», то и она отнюдь не свидетельствует о крушении мира (и мира коммуникации). Дело в том, что наблюдатель был дважды «включен» в мир: сначала Кант сделал субъективные формы трансцендентального субъекта, а затем — уже в XX веке — наблюдатель оказался еще глубже «втиснутым» в мир именно в силу утраты своей

способности быть субъектом (или приобщаться к точке универсального наблюдения). Так и происходило «соскабливание человеческого образа с бесконечности». Здесь возникает попутно масса интересных вещей, завязанных на проблеме коммуникации, которые, однако, мы обсуждать сейчас не будем — например, «смерть автора» (Р. Барт). Об этом уже много сказано.

В заключение мы должны отметить две вещи. Акт понимания — в той мере, в какой он вообще возможен — обладает свойством незаменимости (именно потому, что в нас есть «нечто большее, чем мы сами»), он уникален как акт, который не может быть воспроизведен одновременно где-либо и кем-либо еще.

«То, что мною может быть совершено, никем и никогда совершено быть не может» [с. 112]⁹.

И, наконец, последнее (возвращая читателя к первым страницам, где мы говорили об изначальной открытости и нетождественности субъекта). В любом акте понимания, коммуникации, осознания себя или обращения к другому мы никогда не возвращаемся к самим себе. У Рильке есть странная фраза о телах, лежащих в морге: «Глаза под веками перевернулись и всматриваются теперь в себя» [с. 349]. Если эту идею «обратить», получится следующее: пока я жив, пока у меня открыты глаза, я не могу совпасть с самим собой. Но когда — рано или поздно — это самосовпадение произойдет, оно окажется лишь иллюзией: ведь в Другом, с которым я тогда столкнусь, для меня уже не будет места.

⁹ О формуле «мое не-алиби в бытии» М.М. Бахтина, а также о «неклассических» идеях П.А. Флоренского, А.Н. Леонтьева и др. см. книгу А.А. Леонтьева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. — М., 1986.
2. Бергсон А. Непосредственные данные сознания // Анри Бергсон. Творческая эволюция. Материя и память. — Минск, 1999.
3. Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций: изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия. — М., 2000.
4. Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира / Сост. К. Королев. — М.-СПб., 2003.
5. Вульф Э. Перечеркнувшая себя интенциональность: бред как попытка субъекта изъять себя из общественных отношений и истории // Независимый психиатрический журнал. — 1994. — №2.
6. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. — М., 2000.
7. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. — М., 1985.
8. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. — М., 1999.
9. Гуссерль Э. Картезианские размышления // Эдмунд Гуссерль. Логические исследования. Картезианские размышления. (и др.). — Минск-М., 2000.
10. Гуссерль Э. Логические исследования: Исследования по феноменологии и теории познания. — М., 2001.
11. Деррида Ж. Голос и феномен. — СПб., 1999.
12. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. — М., 1997.
13. Кассирер Э. Логика наук о культуре // Эрнст Кассирер. Избранное. Опыт о человеке. — М., 1998.
14. Лакан Ж. Семинары. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. Книга 2. — М., 1999.
15. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Т. Кун. Структура научных революций / Сост. В.Ю. Кузнецов. — М., 2002.
16. Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека. — СПб., 1998.
17. Леонтьев А.А. Деятельный ум. — М., 2001.
18. Мамардашвили М. Классический и неклассический идеалы рациональности. — М., 1994.
19. Мамардашвили М. Мой опыт нетипичен. — М., 2000.
20. Мауро Т. де. Введение в семантику. — М., 2000.
21. Мерло-Понти М. В защиту философии. — М., 1996.
22. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. — СПб., 1999.
23. Михайлов Ф.Т. В поисках *causa sui* психического // Михайлов Ф.Т. Избранное. — М., 2001.
24. Михайлов Ф.Т. Общественное сознание и самосознание индивида. — М., 1990.
25. Рено А. Эра индивида: К истории субъективности. — СПб., 2002.
26. Рильке Р.М. Избранные сочинения. — М., 1998.
27. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. — М., 1989.
28. Bergeret J. (ed). *Psychologie pathologique: théorique et clinique*. — Paris, 2000.
29. Birdwhistell R.L. Contribution of Linguistic-Kinesic Studies to the Understanding of Schizophrenia // Schizophrenia. An Integrated Approach / A. Auerback (ed.). — N.Y., 1959.
30. Strawson P. Individuals: An Essay in Descriptive Metaphysics. — London, 1959.

Е.Ф. Тарасов

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ

1.1. Актуальные проблемы анализа языкового сознания

Языковое сознание — новый объект психолингвистического анализа, сформированный за последние 20 лет.

В качестве материала для анализа языкового сознания стало использоваться ассоциативное поле — экспериментально создаваемый артефакт, который авторы «Ассоциативного тезауруса русского языка» (1993-1999) ставят в один ряд с такими формами фиксации общенационального

словаря, как академические грамматики и толковые словари.

Отечественная психолингвистика, пытаясь исследовать внутренние психические процессы, обеспечивающие производство и восприятие речи — центральные проблемы любой психолингвистической школы, последние 20 лет интенсивно занимается проблемами языкового сознания, и это не случайно.

В процессах производства и восприятия речи существуют, и их целесообразно различать в анализе, две стороны: (1) производство тел

языковых знаков (в устной и письменной форме) и создание из этих тел речевых высказываний и (2) их восприятие (слуховое или зрительное) с одной стороны, и манипулирование знаниями в виде образов сознания различной психической модальности, с другой. В этом случае имеется в виду (1) «одевание» бессловесной мысли, формируемой говорящим в начале высказывания, в слово при производстве речи и (2) конструирование реципиентом из имеющихся у него образов сознания содержания воспринимаемой речи.

В предельно упрощенном виде этот тезис можно объяснить так: коммуниканты при общении пытаются указать друг другу на свои мысли, которые, как они считают, необходимо продемонстрировать собеседнику. Так как мысли нельзя непосредственно воспринять органами чувств, то собеседники используют знаки, т.е. предметы в знаковой функции, предметы, специально приспособленные людьми для указания на свои мысли и, следовательно, для их опосредованного обнаружения. Этими предметами являются воздух, колеблемый органами речи (и поэтому звучащий), графические знаки, а также множество неязыковых знаков, в основном воспринимаемых зрительно.

Материал речевых патологий показывает, что нарушение производства речевой цепи (афазии Брока и Вернике), нарушение производства тел языковых знаков и построение знаковой цепи может протекать при определенной сохранности операций манипулирования знаниями (образами сознания).

Если мы отвлечемся от метафоры, описывающей человеческую речь как «передачу информации», т.е. передачу знаний в процессе производства речи (письмо и говорение), производства, тел знаков, предъявляемых для восприятия собеседнику, то мы неизбежно вынуждены будем различать два рода знаний. Во-первых, это постоянные знания коммуникантов, с которыми они входят в процесс общения, и во-вторых, знания, которые коммуниканты формируют в самом процессе общения из своих постоянных знаний.

Различие двух родов знания известно в психологии и лингвистике. В психологии это различие трактуют как различие первичных и вторичных образов сознания. В упрощенном виде это можно представить как формирование образов сознания в ходе предметной (познавательной) деятельности — это первичные образы — и как формирование новых образов

сознания — это вторичные образы в ходе обработки и часто контаминации первичных образов (А.А. Леонтьев). Эти два процесса, естественно, неразрывны, и поэтому в психологии весь образ сознания рассматривают как явление, состоящее из умственной и чувственной частей, полагая, что чувственная часть формируется в предметной (познавательной) деятельности, а умственная в общении, где субъект сознания формирует новые знания в ходе речевого общения, когда он воспринимает речевые сообщения и формирует новые знания как содержание воспринятых сообщений.

Эту традицию различения двух видов знания, локализованных в образе сознания, можно возвести в ближайшей ретроспективе к Л.С. Выготскому, показавшему наличие в сознании двух уровней — бытийного и рефлексивного; бытийный уровень содержит знания, сформированные при познании внешнего, предметного мира, на рефлексивном уровне находятся знания, полученные при рефлексии над знаниями бытийного уровня.

В лингвистике различие двух видов знания Ю.С. Степанов связывает со значениями корня *зна-* (знание, относящееся к высшей сфере, к мудрости, к истинному знанию) и корня *вед-* (знание, переданное, поведенное другому человеку) [13, с.339 и сл.]. В современном русском языке глаголы с корнем *зна-*, описывающие процессы познания, указывают на знания, полученные в предметной (познавательной) деятельности, а глаголы с корнем *вед-* — на знания, обретаемые в ходе общения.

Вернемся к анализу двух сторон речевых процессов, позволяющему различать производство и восприятие тел языковых знаков (звуков и графем), с одной стороны, и овнешнение своих мыслей говорящим (и пишущим) в речевой цепи и формирование реципиентом знаний при смысловом восприятии речевой цепи. Иначе говоря, мы настаиваем на необходимости различать процесс производства и восприятия овнешнителей, т.е. процесс производства и восприятия цепи предметов-знаков, с одной стороны, и процесс манипулирования знаниями, т.е. процесс производства мысли адресантом, предшествующий «одеванию» её в слово, и процесс производства мысли (содержания воспринятой цепи предметов-знаков) адресатом, который ориентируется в этом производстве

мысли на семантические и грамматические характеристики цепи предметов-знаков.

Развитие когнитивной психологии позволило сформировать в виде так называемой компьютерной метафоры представление о знаниях, которые суть достояние сознания человека, и об их внешних «носителях», существующих за пределами тела человека. Анализ познавательных процессов за последние полвека привел к выраженному делению когнитивных процессов на ментальные, внутренние (по отношению к человеку), ведущие, в конечном счете, к идеальным образованиям, и внешние предметы, являющиеся носителями этих идеальных образов, в естественном языке эти две стороны известны как значения (слов) и как звуковая и графическая оболочка слов. Такое разделение знаний и их материальных носителей и, самое главное, осознание преимуществ этого разделения для анализа речевого общения делает его привлекательным.

Создание речевых сообщений — не только объект лингвистики, анализом знаний пытаются заниматься и философия, особенно философская семантика, и логика, и герменевтика, а также психология, особенно психология сознания, и когнитивная психология.

Проанализируем эвристические возможности понятия образ (языкового) сознания для анализа значения слова и содержания языковых высказываний.

Языковое сознание в отечественной психолингвистике трактуется как совокупность образов сознания, овнешняемых при помощи языковых средств — слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей. Главное в этой дихотомии «сознание и язык», естественно, сознание.

Для дальнейшего изложения необходимо ответить на вопрос, где же возникают новые знания? Один из возможных ответов может быть таким: новые знания возникают при формировании образов сознания в предметной деятельности, в ходе которой субъект деятельности воздействует на предметы-объекты. Они реагируют на это воздействие, и реакции позволяют субъекту судить о свойствах объектов, языковые знаки выполняют функцию носителя знаний, медиатора (В.П. Зинченко). Знания, ассоциированные в нашем сознании с этим медиатором, дают возможность субъекту категоризировать сенсорные данные, получаемые от органов чувств при познании объекта деятельности. Очевидно, что в предметной

деятельности на долю языка выпадает роль *средства организации* фиксации, переработки и хранения знаний, полученных в предметной деятельности.

При продуктивной мыслительной деятельности, которая выступает аналогом и деривативом предметной деятельности, объект на основе знаний, аккумулированных в первичных образах сознания в ходе предметной деятельности, формирует вторичные образы сознания. При этом во внутренней мыслительной деятельности субъект использует не знаки-предметы, а знаки-образы предметов. Если продукт мыслительной деятельности предназначен самому себе и если решаемая при этом проблема была стандартной и привычной, то организация фиксации, переработки и хранения новых знаний может осуществляться и без образов языковых средств. (См. по этому вопросу работы А.Н. Соколова и Н.И. Жинкина). Однако если результаты мыслительной деятельности должны быть переданы другому, они овнешняются предметами-знаками и предъявляются другому для восприятия. При этом мысль другого не только оформляется в слове, но и неизбежно формируется принятым для данного сообщества способом [16].

Речевое общение можно рассматривать как процесс взаимного управления общающимися внешним и внутренним коммуникативным и посткоммуникативным поведением.

В норме коммуниканты вступают в общение для регуляции своей совместной деятельности, которая, как правило, следует за актом общения. Отсюда возможен вывод, что активность коммуникантов распадается на активность по организации самого общения (привлечение произвольного и произвольного внимания, ориентировки в собеседнике и ориентирование собеседника в себе, установление социальных отношений и создание желаемой атмосферы общения) и по организации совместной деятельности (мотивирование участия в совместной деятельности, ориентирование в этой деятельности, определение её цели и мотива).

Управление внутренней активностью собеседника целесообразно понимать как управление его мыслительным процессом или как побуждение его к формированию мыслей, которые, необходимы субъекту речевого воздействия (РВ). В общем виде это достигается путем предъявления объекту РВ речевых сообщений, понимание которых должно вызвать мысли, необходимые субъекту РВ. Предпосылкой для достижения требуемого

результата является общность сознаний коммуникантов, которая достоверно позволяет прогнозировать знания, ассоциированные у объекта РФ с употребляемыми языковыми знаками. Общность сознаний коммуникантов, необходимая для речевого общения, состоит и общности знаний о мире и общности знаний о языке. Эта общность формируется при присвоении идентичной этнической культуры и при овладении одним и тем же национальным языком.

Необходимо подчеркнуть, что коммуниканты вступают в контакт на базе этой общности сознаний; все остальные знания, которые возникнут в ходе общения, будут новыми, сиюминутно сформированными, хотя степень их оригинальности будет различной, но это не важно, главное, что мысли, возбуждаемые смысловым восприятием речевых сообщений формируются каждый раз заново, здесь и сейчас, и не существовали в данной конкретной конфигурации ранее.

Следует также подчеркнуть, что сами тела знаков никаких знаний, существенных для общения, не содержат, для каждого человека предмет является знаком только потому, что с ним ассоциированы знания, которые хранятся только в сознании человека и больше нигде. Мы настаиваем на этом утверждении, которое, по нашему мнению, является трюизмом, только потому, что существует так называемая гипотеза Р. Поппера о третьем мире — мире знаний.

Прежде чем мы перейдем к анализу гипотезы Р. Поппера о третьем; мире, необходимо указать на две характеристики культурных предметов, используемых в общении в качестве тел знаков. Вне ситуации общения культурный предмет находится с человеком-изготовителем этого предмета в субъект-объектных отношениях: человек — это субъект, а культурный предмет, следовательно, объект. Культурный предмет возникает в процессе обработки человеком-деятелем некоторого природного материала, последний изменяет свою форму, и это изменение не было случайным: изготовитель культурного предмета соотносил его становящуюся форму с тем образом результата который находился в его сознании еще до начала обработки природного материала, а кроме того, в его форме отразились, «застыли», опредметились в превращенной форме действия по его изготовлению. Процесс изготовления культурного предмета описывается категориями опредмечивания и распредмечивания [1, с.154-155]. Естественно, изготовление культурного

предмета сопровождается производством идеального — это отображение в сознании деятеля (1) природного материала, (2) действий и (3) формирования способов операций их осуществления, (4) изготовленного культурного предмета, а также (5) формирование идеального культурного предмета в качестве образа результата.

Таким образом, культурный предмет в превращенном виде в своей форме опредметил действия, в ходе которых он был создан. В процессе деятельности по его созданию было произведено идеальное, т.е. созданы знания. Но все эти качества, в том числе свойства субстанции культурного предмета, безразличны для его функции быть знаком: с культурным предметом как знаком ассоциированы другие знания, которые называются его значением. Это значение формируется членом общества в ходе присвоения культуры этого общества и «поселяется» в его сознании, оно связывает всех членов общества, присвоивших одну и ту же культуру. Для обнаружения значения, которое *никогда* не покидает голову, точнее, тело человека, оно нуждается в овнешнителях, которыми служат культурные предметы, ассоциированные с ними.

Подчеркнем ещё раз, воспользовавшись словами И.С. Нарского, что «материал знака, взятый сам по себе, в изоляции от значения, вообще теряет отношение к структуре знака, а знак в такой изоляции «гибнет» его знаковое бытие прекращается, бывший же материал знака остается тем же, чем он был до включения в знак, т.е. сочетанием звуков, черточек на бумаге, световых вспышек и т.д. И было бы неточностью сказать что знак «имеет» значение, словно значение «присоединяется» к знаку. В действительности знак есть единство материала знака т.е. «носителя» или вещественной основы значения» [11, с.85-86]. Из этой мысли И.С. Нарского следует, что тело знака приобретает «знаковые» свойства, т.е. становится элементом знака только в единстве со значением, которое хранится в теле человека общающегося и поэтому, неизбежен вывод, что культурный предмет становится знаком в *общении*, где присутствуют интерпретаторы-носители значений.

Теперь вернемся к К. Попперу с его идеей третьего мира — мира знаний. По Попперу, существуют «...три мира, универсума: во-первых, мир физических объектов или физических состояний; во-вторых, мир состояний сознания, мыслительных ментальных состояний, и,

возможно, диспозиций к действию; в-третьих, мир *объективного содержания мышления*, прежде всего содержания научных идей, поэтических мыслей и произведений искусства» (К. Поппер).

Возражения оппонентов Поппера, которые он приводит, сводятся к утверждению, что средства существования третьего мира «представляют собой средства *коммуникации*, так сказать, символические или лингвистические средства вызывать у других людей подобные ментальные состояния и поведенческие диспозиции к действию» (К. Поппер).

В доказательство существования своего третьего мира он предлагает рассмотреть два мысленных эксперимента, из которых мы приведем только второй. Предположим, пишет Поппер, что разрушены машины и орудия труда, а также наши знания о машинах, орудиях труда и умение ими пользоваться, сверх того, уничтожены и все библиотеки (которые мы относим к третьему миру), и это делает невозможным обучение при пользовании книгами. Вывод Поппера не вызывает возражения, но не потому, что библиотеки содержат знания, а потому, что библиотеки содержат книги с текстами, чтение и понимание которых заставляет читателя, *используя свои прежние знания, порождать новые знания о машинах, орудиях труда, и на основе этих новых знаний возникает возможность формировать умение пользоваться ими.*

Лингвистическая или, что вернее, семиотическая некомпетентность Поппера не позволяет ему согласиться с его критиками. Совершенно очевидно, что книги не содержат знания, но они содержат цепочки культурных предметов — цепочки тел языковых знаков, построенных по законам грамматики конкретного национального языка, и если к этим цепочкам тел языковых знаков «присоединить» интерпретатора, в сознании которого есть знания о языке и о мире, описанном в текстах, то этот интерпретатор породит новые знания.

В связи с этим возникает любопытная ситуация с книгой «Константы. Словарь русской культуры», автор которой солидаризируется с Поппером, отвечая на критику своих оппонентов, которые полагают, «что представленные в нем (в Словаре. — Е.Т.) концепты не являются объективными сущностями, ... а представляют собой всего лишь некоторое объективированное выражение субъективных состояний некоторых людей — тех именно, мнения которых под соответствующими концептами приводятся, в

том числе и субъективные идеи самого автора Словаря» [13, с.347].

Сначала о том, являются ли представленные в словаре концепты объективными сущностями. В качестве ментефактов концепты объективно существуют, формируясь в сознании при чтении Словаря, а затем сохраняясь в долговременной памяти интерпретатора текста Словаря, правда, уже не с опорой на тела языковых знаков Словаря, а с опорой на образы сознания различной психической модальности, которые создавались при чтении Словаря.

Теперь о том, являются ли концепты объективированным выражением субъективных состояний некоторых людей и самого автора. Без всякого сомнения, автор Словаря читал мнения других людей о концептах русской культуры, на основе этого чтения он сформировал свои идеи и зафиксировал их в тексте Словаря при помощи грамматически отмеченных цепочек языковых знаков. Текст Словаря — это знаковая форма существования ментефактов.

Автор Словаря Ю.С. Степанов создал уникальную энциклопедию концептов русской культуры, тексты Словаря суть знаковая форма существования концептов. Однако концепты как ментефакты не «живут» в Словаре. Строго говоря, в Словаре содержатся не овнешнители самих концептов, а овнешнители рефлексии автора Словаря над этими концептами: ментефакты как объект анализа существуют всегда только в чьей-либо рефлексии, ибо в момент производства ментефакты не доступны для анализа, они анализируются только *post hoc*.

Теперь подведем промежуточный итог, прежде чем перейдем к анализу ассоциативных полей (АП) как внешней формы существования образов сознания, ассоциированных со словами-стимулами, из слов-реакций, из которых сконструировано АП.

АП формируется исследователем из ответов-реакций носителей языка на одно слово-стимул. На вопрос, что овнешняет АП, нет однозначных ответов. Можно полагать, что АП овнешняет знания, ассоциированные со словом-стимулом в данной конкретной национальной культуре. Если речь идет об «Ассоциативном тезаурусе современного русского языка», то можно утверждать, что слова-реакции — суть те слова, которые, вероятно, непосредственно связаны в ассоциативной вербальной сети, охватывающей с определенной полнотой весь лексикон современного среднестатистического носителя русского языка, другие слова этой сети, связаны со словом-стимулом уже опосредовано.

Приведем для примера случайно взятое из названного тезауруса АП:

АЛМАЗ: камень 33; глаз 8; бриллиант, граненый, твердый 5; дорогой 4; богатство, драгоценный камень, кольцо 3; блеснит, драгоценность, изумруд, фальшивый 2; алмазные подвески, белый, блеск, блестящий, большой, гранит, графит, деньги, дерьмо, драгоценный, искры, как глаз, кинотеатр, корунд, красиво, красивый, кремь, крепкий, непобедимый, огранка, окись углерода, природный, прочный, рубин, сверкать, сверкающий, сокровища, топаз, точеный, точность, углерод, украшение, ум, хороший, чистой воды 1; 103+49+0+36.

Это поле содержит реакции на стимул **АЛМАЗ**, в качестве реакции это же слово *алмаз* появилось в ответах испытуемых, и эти ответы собраны в АП:

АЛМАЗ — бриллиант 8; бесценный 4; углерод 3; великолепный, грань, редкость, твердость, ценность 2; сверкать, Сократ 1; 29+13.

Пытаясь анализировать АП с целью ответить на вопрос, какие знания в сознании испытуемых ассоциированы со словом-стимулом, исследователь оказывается в той же ситуации, что и Ю.С. Степанов, когда он читает статьи этимологических словарей, или, к примеру, В.В. Колесов, автор другой замечательной книги о ментефактах «Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека» [7], когда он анализирует древнерусские летописи: они оба формируют новые знания как содержание читаемых ими текстов. Это формируемое ими новое знание, кстати, как мы уже упоминали, не действительные ментефакты прежних носителей русской культуры, а только гипотетические, однако для всех читателей указанных книг они отныне будут, подчеркнем этот факт, неотделимы от этой рефлексии.

Но познавательная ситуация для исследователя АП ассоциативного тезауруса существенно отличается от познавательной ситуации автора Словаря и автора «Древней Руси...» в одном пункте: конструкт АП в качестве объекта анализа является новым и непривычным объектом, навыки анализа которого ещё не сложились, поэтому, заметим мимоходом, эвристические возможности ассоциативных словарей оказались не умопостижимыми для многих современных русистов. Очевидно, что способ презентации слов в АП нуждается в некоторой реорганизации, которая приблизила бы внешнюю форму АП к имеющимся образцам лингвистических объектов.

Каждая статья тезауруса представляет собой список слов-реакций, ранжированных по частоте и расположенных по алфавиту в пределах одного ранга. В статье четко различимы частотные реакции и одиночные, частотная часть АП устойчива во времени и, вероятно, содержит реакции, обладающие узуальными связями со словом-стимулом.

Усилия исследователей на протяжении, по крайней мере, двух столетий были направлены на группировку и интерпретацию АП как овнешнителей сознания. Попытки группировки реакций в АП показывают необходимость разных способов группировки реакций, вызванных стимулами, принадлежащими к разным частям речи, к разным классам слов.

Анализ процессов производства и восприятия речи упирается в нерешенность проблем анализа языкового сознания, которые, как становится очевидным, не вскрываются при анализе таких овнешнителей, как тексты.

Поэтому появление такого нового способа овнешнения сознания, как АП, обещает определенный прогресс в анализе сознания, но требует, в свою очередь, решения традиционных, предстающих в новой форме проблем соотношения сознания и метасознания, соотношения форм существования сознания в претекстах, текстах, и метатекстах, и, наконец в виде проблемы адаптации формы АП (как овнешнителя сознания) к возможностям памяти человека.

1.2. Межкультурное общение — новая онтология анализа языкового сознания

Межкультурное общение (МО) целесообразно понимать как общение носителей разных культур (и обычно разных языков). При помощи метафоры «носитель национальной культуры» обычно описывают качества сознания человека, которое сформировалось при «присвоении» определенной национальной культуры. Под этими качествами сознания в современной когнитивной психологии в первую очередь имеют в виду знания: перцептивные (сформулированные в результате переработки перцептивных данных, полученных от органов чувств), концептуальные (формируемые в ходе мыслительной деятельности, не опирающейся непосредственно на перцептивные данные), процедурные (описывающие способы и последовательность использования перцептивных и концептуальных данных) [27; 34; 40; 41]. Например носитель русской культуры

имеет сознание, состоящее из психических образов и представлений, бытующих в русской культуре.

Эти знания в виде образов сознания и представлений (в лингвистике они описываются чаще всего понятием значения слова), ассоциированные со словами — точнее, с телами языковых знаков, — используются коммуникантами для построения мыслей при кодировании и декодировании речевых сообщений. Если говорящий производит высказывание «Я тебя люблю», то его можно рассматривать как отображение, как речевую форму мысли, которая сначала была построена говорящим в своем сознании, а затем воплощена во внешней речи. Слушающий, восприняв речевое сообщение «Я тебя люблю», декодирует его и строит мысль, используя для этого образы, ассоциированные со словами «Я, ты, любить» и руководствуясь при этом строением синтаксической структуры высказывания. Это обобщенная и весьма приблизительная схема достижения взаимопонимания в знаковом общении при использовании любого национального языка.

Специфика общения при использовании конкретного национального языка состоит 1) в специфике построения речевой цепи, осуществляемого по грамматическим правилам этого языка, и 2) в специфике образов сознания, отображающих предметы конкретной национальной культуры. Следовательно, для достижения взаимопонимания необходимо, чтобы коммуниканты обладали 1) общностью знаний об используемом языке (и общностью навыков речевого общения), а также 2) общностью знаний о мире в форме образов сознаний. Если носитель русского и носитель английского языков, общаясь по-английски, используют слово *house* или же оба, общаясь на русском, используют слово «дом» (как жилище), то в обоих случаях для понимания слов *house* и *дом* англичанин использует один и тот же образ сознания, аналогично поступает и русский, используя для понимания двух слов *house* и *дом* один образ сознания, но образ, бытующий в русской культуре. Эта картина, естественно, меняется при более глубоком знакомстве с чужой культурой: например, русский, постигая английскую культуру, со словом *house* будет ассоциировать образ, сходный с образом носителей английской культуры. Носители английского и русского языков будут понимать друг друга в той мере, в какой образы их сознаний пересекаются (обладают общностью),

несовпадение этих образов будет служить причиной неизбежного непонимания при межкультурном общении.

Есть основание полагать, что главная причина непонимания при МО не различие языков — сформировать навыки говорения (письма) и слушания (чтения) сравнительно просто, — а различие национальных сознаний коммуникантов.

Для анализа проблем взаимопонимания (непонимания) в МО целесообразно проблему общения носителей разных национальных культур понимать как проблему общения носителей разных национальных сознаний. Такое уточнение необходимо, т.к. для описания МО не прозрачны метафоры: «влияние одной культуры на другую», «передача достижений одной культурно-исторической традиции другой», «диалог культур» (см. [10, с.228]). Все эти метафоры могут заслонить реальный процесс МО, который происходит, по выражению Л.С. Выготского, только в форме «общения сознаний». Диалог культур может проходить как обмен культурными предметами, деятельностями (точнее, в виде обмена способами осуществления деятельностей, т.е. обмена операциями) и как обмен образами сознания, ассоциированными с конкретными словами и описанными в текстах, но в любом случае и заимствуемый предмет, и новая инокультурная овладеваемая деятельность постигаются при помощи образов предметов и деятельностей твоей культуры только потому, что другого способа, как понять новое через старое, не существует. Иначе говоря, любой диалог культур реально протекает только в сознании носителя конкретной культуры, которому удалось постигнуть образы сознания носителей другой (чужой) культуры в ходе рефлексии над различиями квазиидентичных образов своей и чужой культур.

Представление о том, что диалог культур не столько общение разных сознаний, сколько общение образов разных культур в рамках одного сознания, является хорошо развитым и освоенным [2; 3, 4]. Следует настоятельно подчеркнуть мысль, что первоначальный диалог культур происходит в сознании бикультурного билингва который, владея образами сознания своей и чужой культур, рефлексивует над различием этих образов и описывает это различие в текстах, которые затем осмысливаются, интерпретируются, комментируются, тиражируются и т.п.

Образы сознания как совокупность перцептивных и концептуальных знаний личности об объекте реального мира для своего ментального существования у личности и, в первую очередь, в обществе требуют овнешнений, доступных для стороннего наблюдения. Эти овнешнения (интерсубъектная форма существования образов сознания) могут быть предметами, действиями, словами (последние, строго говоря, являются также предметами).

Овнешнения необходимы для «передачи» образов сознания от одного поколения к другому. Образы сознания как принадлежность сознания конкретного человека не могут покинуть его тело, но подобные образы сознания могут быть сформированы его ближайшими и дальними потомками, если им предьявить для «присвоения» овнешнения этих образов.

Образ дома, например, у русского, можно сформировать, предьявив ему для восприятия дом снаружи и изнутри, позволив пожить в семье русских, занимающих дом, и показав ему атмосферу тепла, которая обычно царит в русских семьях, и убедив его в незащищенности русского жилища от вторжения любой власти и любого насильника — поэтому русский не может назвать свой дом крепостью.

Овнешнениями образа сознания *дом* являются предмет (дом), действия с этим предметом (пожить в доме) и слово *дом*, а также текст, в котором при помощи других образов сознания (т.е. при помощи значений других слов) описан и зафиксирован образ дома. Отсюда очевидно, что языковое сознание — это образы сознания, овнешняемые языковыми знаками, практически большинство образов сознания имеют языковое овнешнение, хотя и не все. Постоянно в обществе формируются новые образы сознания при помощи старых образов в процессе производства и восприятия развернутых текстовых описаний и только затем получают овнешнение в виде отдельного слова.

В период перестройки и сейчас, в постперестроечное время, в России происходит интенсивное создание новых культурных предметов, новых образов сознания и новых языковых и неязыковых овнешнений. Например, путем реформирования КГБ на основе определенного представления — образа сознания — были созданы два новых органа и подобраны языковые овнешнения: СВР (Служба Внешней Разведки) и ФСК (Федеральная Служба Контрразведки). В Москве вновь построен Храм Христа Спасителя как новое предметное

овнешнение для реанимированных старых и формируемых новых образов российского национального сознания.

Постановка проблемы МО и ЯС, на первый взгляд, не вносит ничего нового в исследовательский обиход лингвистов: МО — это один из видов общения, образ сознания, ассоциированный со словом, — это одна из многих попыток, хотя может быть и более полная, описать знания, используемые коммуникантами при производстве и восприятии речевых сообщений.

Но такой вывод был бы поспешным. Обращение лингвистов к анализу МО оправдано и связано с надеждами получить данные о закономерностях речевого общения. Дело в том, что МО является в известной мере патологичным, отклоняющимся от нормы, т.к. в МО общность сознаний коммуникантов не оптимальна, и поэтому нарушается обычно автоматизированный процесс речевого общения и становятся заметны составляющие его части, не различимые в норме.

Использование психологического представления *образ сознания* вместо привычного понятия *значение* как знания, ассоциированного со словом, общего для всех носителей языка, также связано с надеждой получить дополнительные выгоды. Когда лингвист исследует знания, используемые носителями языка в речевом общении, обслуживаемом языковыми знаками, он выходит на периферию своей профессиональной деятельности и даже покидает ее и действует во многом как профан: поэтому закономерны попытки сотрудничества лингвистов в этой области и с философами, и с логиками, и с психологами. Для того, чтобы воспользоваться выгодами корректного сотрудничества лингвистов с психологами и возникла психолингвистика. Поэтому обращение к образу сознания при анализе содержательной стороны речи характерно прежде всего для психолингвистов, которые более четко ориентируются в психологических представлениях об образах сознания.

Достаточно упомянуть, что последние четыре Всесоюзных симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, организованные Институтом языкознания РАН, были посвящены проблемам МО и образа сознания, анализируемого на стыке национальных культур. Более того, в отечественной психолингвистике существует мнение, что психолингвистика XXI века — это психолингвистика сознания. Это

мнение представляется вполне оправданным, если учесть прогресс в разработке проблемы знаний в когнитивной лингвистике. Закономерно, что XII Всероссийский симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации 1997 года назывался «Образ мира и языковое сознание».

Естественно предположить, что интерес к МО и образам сознания возник не на пустом месте — действительно для этого были внешние (прагматические) и внутренние (научные) причины. Сейчас во всем мире и особенно в Европе чрезвычайно велик интерес к проблемам МО: этим в первую очередь занимаются психологи, лингвисты, культурологи, политологи. Европа второй половины XX века — это континент, в западной части которого сформировались мультикультурные государства, где различные национальные общины сосуществуют, не ассимилируя друг друга. Экономическая заинтересованность в таком совместном сосуществовании преобладала над культурным и национальным эгоизмом и неизбежным антагонизмом и вынуждала искать оптимальные формы МО.

Особенно интенсивно проблемы МО разрабатывались в ФРГ, которая в значительных количествах принимала преследуемых по политическим мотивам и интегрировала их в немецкое общество [23; 25; 26]. После распада социалистического лагеря в ФРГ усилился поток этнических немцев из России и других стран Восточной Европы, что в свою очередь поставило проблему их интеграции в немецкую культуру [20; 21; 30; 39].

Экономическая интеграция стран Западной Европы стимулировала создание межнациональных фирм и зарубежных филиалов многих национальных компаний, а это вызвало необходимость работы сотрудников в инокультурной сфере и совместную работу в одной фирме представителей разных культур. Сейчас существуют несколько областей деятельности, где происходит интенсивный «межкультурный» обмен людьми: политика и дипломатия (в многочисленных международных организациях, которые созданы в объединенной Европе, сотрудничают носители разных национальных культур); СМИ (обслуживаемые зарубежными корреспондентами, которые работают в инокультурной среде); частные фирмы с зарубежными филиалами; зарубежный туризм; обучение иностранных студентов; культурный обмен — гастроли деятелей искусства за рубежом [24].

Необходимо подчеркнуть, что основная масса психологических работ, пытавшихся исследовать биологическую и культурную детерминацию психических процессов, появилась в англо-американском культурном пространстве. Психологические работы в этой области тяготеют к двум подходам, противоположным по своим установкам: универсализму и культурному релятивизму. Практические проблемы конкретного культурного пространства влияли на постановку научных задач: психологи США в основном занимались анализом адаптации к американской культуре носителей других культур: иммигрантов, студентов, обучающихся в вузах США, и т.п.

Европейский культурный регион, прежде всего Германия и Франция, до 80-х годов занимались импортом научной продукции в области сравнительного изучения психических процессов у носителей разных культур.

В Европе, кроме процессов адаптации к чужой культуре, изучались также и новые проблемы — проблемы создания мультикультурного общества, которое предполагает не ассимиляцию культуры пришельцев культурой коренных жителей страны, а диалог культур. Практически этот диалог культур выливается, например, в возможность для турецкого меньшинства в ФРГ иметь определенную культурную автономию, позволяющую туркам сохранять свою национальную и культурную идентичность при наличии антагонизма на бытовом уровне.

Анализ проблем мультикультурного общества и межкультурного общения стимулируется не только фактом существования национальных общин в рамках одного государства (это, в основном, проблема ФРГ, имеющей на своей территории крупную общину турок), сколько фактом создания объединенной Европы и неизбежным увеличением общности сознаний жителей европейских стран, которое осмысливается как «европейское сознание».

Наличие европейского сознания — некоторой общности представлений о мире, присущей народам европейского культурного региона и выражающейся в заметной схожести образов предметов и образцов общения и деятельности европейцев, — никогда не оспаривалось и объяснялось единством источников европейских национальных культур (античной культурой, римским правом и христианством). Более того, европейское сознание являлось всегда предметом культивирования, хотя это не вело к нивелированию национальных культур, так как в

Европе было всегда сильно стремление к утверждению национального своеобразия.

Сейчас, когда экономическое единство Европы воспринимается и поддерживается как несомненная ценность (Sussmith 1993), возникает опасность дисбаланса между центробежными и центростремительными тенденциями в культурном развитии Европы, которая (опасность) осознается как возможность утраты национального и культурного своеобразия отдельных европейских стран. Формируется представление, что действие центростремительных экономических сил, грозящих разрушить многообразие европейских стран, может быть нейтрализовано стремлением к культурной автономии. Отсюда идея мультикультурности и отчасти гипертрофированное внимание к МО (Boteram 1993) [31; 44]. МО рассматривается не только как средство создания общего европейского сознания, но и как средство сохранения и поддержания собственной культуры: оригинальность собственной культуры осознается только в МО на рубеже культур, точнее — на границе двух сознаний. Другими словами, экономическая интеграция и неизбежная интенсификация МО обращаются во благо: МО может быть трансформировано в межкультурное обучение, которое понимается как познание чужих культур (Interkulturelles Lernen) [42]. Таким образом, экономическая и политическая жизнь Европы (и ее традиционная культурная экспансия стимулировали интерес к проблемам МО.

Этот интерес к проблемам МО совпал по времени с вытеснением бихейвиоризма из психологии и формированием интереса к анализу процессов приема, передачи, переработки и хранения информации, что привело к созданию теории информации, когнитивной психологии, когнитивной лингвистики и даже когнитивной науки. Смена бихейвиористской парадигмы, внимание психологов к исследованию познавательных процессов, формирование новых подходов к исследованию общения и использование моделей коммуникативного акта как методологических схем анализа (так называемый коммуникативный подход), применение ЭВМ и компьютерных программ для изучения мыслительных процессов человека (искусственный интеллект) — все это получило название когнитивного поворота (См. по этому поводу обобщающие работы [22; 29; 36; 37; 38].

МО всегда в той или иной степени входило в объектную область лингвистики, но в настоящее

время стало объектом исследования не только собственно лингвистики, а, что особенно важно, объектом стыковых дисциплин: психолингвистики, социолингвистики, когнитивной психологии и когнитивной лингвистики, объяснительные возможности которых существенно возросли [5; 9; 18].

Когнитивную психологию (КП) и когнитивную лингвистику без всякого сомнения можно отнести к стыковым (пограничным) дисциплинам: КП, охватывающая традиционные области психологии восприятия, научения, языка и памяти, в своем понятийном аппарате использует, хотя и в качестве методологических схем, представления из психологии, лингвистики, нейрофизиологии, искусственного интеллекта. Поэтому современный этап исследования МО можно рассматривать как принципиально новый период анализа традиционного объекта лингвистики: изменился и стал сложнее сам объект анализа (возрос объем, интенсивность, многообразие межкультурных контактов), существенно изменился исследовательский инструментарий (коммуникативный подход, нейрофизиологический функционализм, компьютерная метафора, новые углубленные знания о памяти человека, о процессах переработки и восприятия речи).

Когнитивный поворот в психологии естественным образом обусловил и очертил предметную область в анализе МО: это, в первую очередь, закономерности использования знаний при достижении взаимопонимания в МО.

Итак, в качестве промежуточного вывода следует указать, что МО стало новой онтологией анализа сознания. Дело в том, что функционирование образов сознания в человеческой психике может исследоваться, например, в их генезисе, в восприятии, в индивидуальной предметной деятельности, при производстве и восприятии речевых сообщений во внутрикультурном общении и в МО. Исследование сознания, и, прежде всего, языкового сознания, функционирующего в МО, обладает неоспоримыми преимуществами: сопоставление образов сознания, овнешняемых квазиэквивалентными словами в двух языках, например английским *house* и русским *дом* (жилище), дает возможность рефлексировать над неосознаваемыми знаниями в образе сознания своей культуры, которые не осознаются и, естественно, не замечаются.

Роль своей культуры в качестве средства познания чужой культуры, а также и чужой для познания своей, хорошо осознается и достаточно

широко используется в преподавании иностранных языков как интеркультура (Hullen 1995). Интеркультура возникает в межкультурном общении как совокупность 1) познавательных средств своей культуры, привлеченных для познания средств культуры чужой; 2) нового знания о чужой культуре, сформированного в процессе ее познания; 3) нового знания о своей культуре, созданного при познании чужой культуры.

Для такого межкультурного сопоставления образов сознания необходимо предварительно описать и зафиксировать знания, входящие в эти образы. Трудность подобного описания состоит в том, что знания — это достояние сознания конкретного человека и оно недоступно для внешнего наблюдения — оно раскрывается только самому субъекту сознания в интроспекции и может быть описано для стороннего наблюдателя при помощи других образов сознания, которые являются общими для субъекта сознания и стороннего наблюдателя.

Действительно, можно составить себе представление о содержании образа сознания, функционирующего в конкретной национальной культуре, если прочитать тексты, в которых описывается этот образ. При этом нужно иметь в виду, что чтение этих текстов приведет в лучшем случае к формированию у читателя только представления об образе сознания чужой культуры, т.е. то, что я знаю о чужой культуре — это только мои знания о чужих знаниях, чужие знания описаны мной для меня при помощи моих же знаний. Другой человек, который захочет воспользоваться моими знаниями о чужой культуре (а это стандартный способ постижения чужой культуры, когда знания специалиста по конкретной национальной культуре в форме текстов, написанных им, служат источником знаний), должен составить себе представление о моих знаниях.

Но приблизительность знаний о чужой культуре — это удел любого сознания, которое никогда не покидает «головы» субъекта сознания и доступно для стороннего наблюдателя только через свои овнешнения: предметы, действия, слова. Поэтому при описании образов сознания носителей чужой культуры желательнее найти такие овнешнения, форма которых в наименьшей мере искажала бы содержание описываемых образов. Форма овнешнений образов сознания непрямо, незеркально, превращенно отображает их содержание.

Визуальный образ человека, например, описанный в тексте, не имеет ничего общего с

речевой формой этого текста, так как форма текста отвечает логике языка описания (т.е. форма текста зависит от грамматических правил конкретного языка), а не логике визуального образа (визуальный образ в значительной мере прямо, зеркально, непревращенно отображает реальность — человека).

Искажение образов сознания в их овнешнениях — это, пожалуй, наиболее существенная трудность описания сознания, но не единственная, другая трудность — описание неосознаваемых или неполностью осознаваемых слоев сознания.

При описании в речевом высказывании (тексте) образов сознания наиболее полно осознается (контролируется) объект описания, далее при лексическом, грамматическом, фонологическом, звуковом оформлении степень осознанности различных уровней языкового оформления мысли уменьшается от лексического уровня к звуковому. Но описывается в тексте только то, что осознается, неосознаваемые фрагменты образа поэтому и не могут описываться в текстах.

Неосознаваемые знания, входящие в образ сознания, могут быть овнешнены в речевом поведении испытуемых в свободном ассоциативном эксперименте (САЭ).

При анализе инокультурного национального сознания (ИНС) целесообразно исходить из некоторых гипотез о механизме восприятия чужой национальной культуры. Эмпирические включенные наблюдения автора позволяют утверждать, что чужая культура воспринимается как «отклоняющаяся от нормы», при этом естественным образом нормою считаются образы своей культуры и чужая культура постигается путем приведения чужих образов сознания к образам своей культуры.

При таком постижении чужой культуры возможны по крайней мере два пути. Первый путь — это такое понимание чужой культуры, когда в своей культуре подыскивается «эквивалентный» образ и знания, входящие в содержание чувственной и умственной части образа, переносятся на предмет чужой культуры, отображаемый постигаемым чужим образом. Иллюстрацией такого способа постижения чужой культуры может служить пояснение из путеводителя по Москве для немцев и англичан: «Московский Кремль для русских то же, что и Биг Бен для европейцев». Такое знакомство с чужой культурой не ведет к увеличению знаний у субъекта анализа: познавательная ситуация

вынуждает не к выработке нового знания, а только к манипулированию со старым знанием.

Другой способ познания чужой культуры, формирование которого связывают с именами Бахтина и Гадамера, состоит в поиске различий в сопоставляемых (и сравниваемых) образах чужой и своей культур и в рефлексии над этим различием: предмет чужой культуры при знакомстве с ним не должен терять чуждости, т.е. образ своей культуры не должен заслонять образ чужой культуры, а побуждать к поиску различий, рефлексии над ними, следовательно, к выработке нового знания, которое «обогащает человека при знакомстве с чужой культурой».

Из этого следует важный вывод: нет одинаковых национальных культур, более того, нет одинаковых образов сознания, отображающих одинаковые или даже один и тот же культурный предмет. Если бы даже культурный предмет был перенесен из одной национальной культуры в другую, то, следовательно, чувственный образ должен был бы быть одинаковым, но этого не происходит, т.к. для его формирования используются не только перцептивные данные, полученные при чувственном восприятии этого предмета, но и априорные знания (перцептивные эталоны), содержащие концептуальные, культурные по природе, знания. Умственный образ этого предмета (перенесенного из одной культуры в другую) всегда несет в себе элементы национально культурной специфики.

Следовательно, новые знания при постижении чужой культуры формируются познающим только тогда, когда он побуждается к этому необходимостью искать различия между образами своей и чужой культур и выяснять суть этих различий, а это происходит в случае, когда познаваемый образ воспринимается как чужой, еще сохраняющий нечто непознанное. При таком способе познания чужой культуры нужно помнить, что новые знания о ней формируются (конструируются) из старых знаний субъекта анализа.

В связи с этим необходимо учитывать те качества сознания как объекта научного анализа, которые существуют у него как трансцендентального феномена, не доступного прямому наблюдению. Эта трансцендентальность сознания обуславливает зависимость результатов его исследования от используемых «приборов», таковыми могут считаться метасознания

исследователей и используемые ими овнешнения. Результаты анализа сознания-объекта при помощи разных «приборов» можно рассматривать как непротиворечивые и дополнительные по отношению друг к другу.

Представления, например, англичан и русских о немцах могут быть достоверными, но различными, хотя и непротиворечивыми и дополнительными. Это различие неизбежно, и рефлексия над этим различием — источник новых знаний, но уже, естественно, не о немцах, а об англичанах и русских.

Очевидно, что онтология межкультурного общения создает оптимальные условия для анализа национальных языковых сознаний, и эта оптимальность в первую очередь определена тем, что она нарушает автоматизм восприятия языкового сознания благодаря использованию нового «прибора» — инокультурного сознания.

Нарушение автоматизма восприятия своего национального сознания — а это привычный объект анализа — делает контролируемыми такие уровни образа сознания, которые обычно не осознаются.

Никто не сомневается, что образ женщины в русской культуре ассоциируется с образом матери, но необходимо было проведение сопоставления ассоциативных полей на стимул «женщина» русских и болгарских респондентов, чтобы увидеть, что реакция на этот стимул у русских является одной из самых частотных, а у болгар находится на периферии. Самая частотная реакция на этот же стимул у русских и немецких респондентов «мужчина» и при этом можно сделать достоверный вывод, что его высокая частотность вызвана в основном ответами респондентов-женщин.

Именно межкультурные сопоставления дают возможность утверждать наличие значительной доли образа матери в образе женщины в русской национальной культуре. И эти же сопоставления позволяют делать вывод о соположенности образов женщины и мужчины по крайней мере в картине мира современных русских и немцев.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что межкультурное общение — это действительно новая и многообещающая онтология анализа языкового сознания, но ставящая новые теоретические проблемы и требующая их решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батищев Г. Опредмечивание и распредмечивание // *Философская энциклопедия*. Т. 4. — М., 1967.
2. Бахтин ММ. Проблемы поэтики Достоевского. — М., 1972.
3. Библер В. С. Михаил Михайлович Бахтин или поэтика культуры. — М., 1991.
4. Библер В.С. От наукоучения — к логике культуры. — М., 1991.
5. Вайнрайх У. Языковые контакты. — Киев, 1979.
6. Иванов А. Мышление и сознание. — М., 1995.
7. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. — СПб., 2000.
8. Леонтьев А.А. Национальные особенности коммуникации как междисциплинарная проблема. Объем, задачи и методы этнопсихолингвистики // Леонтьев А.А., Сорокин Ю.М., Тарасов Е.Ф., Национально культурная специфика речевого поведения. — М., 1977.
9. Леонтьев А. А. Сорокин Ю.А. Тарасов Е. Ф. Национально культурная специфика речевого поведения. — М., 1977.
10. Лотман Ю.М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // *Византия и Русь*. — М., 1989.
11. Нарский И. С. Диалектическое противоречие и логика познания. — М., 1969.
12. Сорокин Ю.А. Метод установления лакун как один из способов выявления специфики локальных культур (Художественная литература в культурологическом аспекте) // Леонтьев А.А. Сорокин Ю.А. Тарасов Е.Ф. Национально культурная специфика речевого поведения. — М., 1977.
13. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. — М., 1997.
14. Тарасов Е.Ф., Тарасова М.Е. Исследование ассоциативных полей представителей разных культур // Дубов И.О. (Ред.) *Ментальность россиян*. — М., 1997.
15. Тарасов Е.Ф. Сорокин Ю.А. Национально культурная специфика речевого и не речевого поведения // Леонтьев А.А., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Национально культурная специфика речевого поведения. — М., 1977.
16. Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В. Становление символической функции в онтогенезе // *Исследование речевого мышления в психолингвистике*. — М., 1985.
17. Успенский Б.Л. Языковая ситуация и языковое сознание в Московской Руси восприятие церковнославянского и русского языка // *Византия и Русь*. — М., 1989.
18. Шахнарович А.М. Национальное и универсальное в речи ребенка // Леонтьев А.А., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Национально культурная специфика речевого поведения. — М., 1977.
19. Aullen W. Interkultur als alter und neuer Inhalt des fremdsprachlichen Unterrichts. In: *Fremdsprachliches Handeln*, 1995.
20. Bade K.J. (Hrsg). *Deutsche im Ausland — Fremde in Deutschland. Migration im Geschichte und Gegenwart*. München, Beck, 1992.
21. Baumeister H.P. (Hrsg) *Integration von Aussiedlern. Eine Herausforderung für die Weiterbildung*. Weinheim: Deutscher Studien Verlag, 1991.
22. Bobrow D.G. Collins A. (Eds) *Representation und Understalding: Studies in Cognitive Science*, N.Y.: Academic Press, 1975.
23. Cropley A.J., Ruddat H., Dehn D. & Lucassen (Hrsg). *Probleme der Zuwanderung. Bd. 2. Theorien, Modelle und Befunde der Weiterbildung*. Gottingen. Verlag für Angewandte Psychologie, 1995.
24. Danckwortt D. Forschungs- und Praxisfelder interkulturellen Personenaustausches. In: Thomas, 1996.
25. Emminghaus W.B. Kultur-Kontakt und Konfliktlösung: Psychologische Aspekte in der interkulturellen Beratung. In: Cropley, Ruddat, Dehn & Lucassen, 1995.
26. Emminghaus W.B., Hauptert B. Flüchtlingsberatung als Basis interkultureller Erfahrungen und theoretischer Kontextualisierung. In: Thomas, 1996.
27. Felix SW.W., KanngieBer S., Rickheit G. (Hrsg) *Sprache und Wissen. Studien zur Kognitiven Linguistik*. Westdeutscher Verlag. Opladen, 1990.
28. *Fremdsprachliches Handeln im Spannungsfeld von Prozess und Inhalt. Vorauspublikationen für den 16. Kongress für Fremdsprachendidaktik veranstaltet von der Deutschen Gesellschaft für Fremdsprachenforschung Halle (Saale) 4-6. October 1995. Berlin, 1995.*
29. Gardner H. *The Mind's New Science*. N.Y.: Basic Books, 1995.
30. Haberland J. *Eingliederung von Aussiedlern und Zuwandern*. Leverkusen. Heggen, 1988.
31. Hofmann M., Reich H.H. (Hrsg). *Ein Europa für Mehrheiten und Minderheiten — Diskussion und inderkulturelle Erziehung*. Münster, Maxmann 1989.
32. Knapp T.J. *The Emergence of Cognitive Psychology in the Latter Half of the Twentieth Century*. In: Knapp, Robertson, 1986.
33. Knapp T.J., Robertson (Eds) *Approaches to Cognition: Contrasts an Condroversies*. Hillsdale. N.Y.: Erlbaum, 1986.
34. Maturana H.R. *Erkennen: Die Organisation und Verkörperung von Wirklichkeiten. Ausgewdte Arbeiten zur biologischen Epistemologie*. Friedr. Vieweg & Sohn, Braunschweig / Wiesbaden, 1982.
35. Palmer S.E. *Fundamental Aspects of Cognitive Representation*. In: [38]
36. Rickheit G., Strohmmer H. *Grundlagen der kognitiven Sprachverarbeitung. Modelle, Methoden, Ergebnisse*. Franke Verlag. Tübingen und Basel, 1994.
37. Robinson D.N. *Cognitive Psychology and Philosophy of Mind*. In: [33].
38. Rosch E., Lloyd B.B. (Eds) *Cognition and Categorisation*. Hillsdale, N.Y. Erlbaum, 1978.

39. Scmitt-Rodermund E. & Silbereisen R.K. Akkulturation und Jugendentwicklung in Aussiedlerfamilien. In: [43].
40. Seel N.M. Weltwissen und mentale Modelle. Hogrefe. Verlag für Psychologie, Göttingen, Toronto, Zürich, 1991.
41. Spinner H.F. Die Wissensordnung: Ein Leitkonzept für die dritte Grundsordnung des Informationszeitalters. Liaske+Budrich. Opladen 1994.
42. Tarasov E. Russen und Deutsche in interkulturellen Lernen. In: Fremdsprachliches Handeln... 1995. S. 108.
43. Thomas A. (Hrsg) Kulturvergleichende Psychologie. Göttingen, Bern, Toronto, Seattle. Hogrefe. Verlag für Psychologie, 1993.
44. Thomas A. Psychologie interkulturellen Handelns. Göttingen, Bern, Toronto, Seattle. Hogrefe. Verlag für Psychologie, 1996.

ТЕКСТ: ВОСПРИЯТИЕ, ПОНИМАНИЕ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Е.А. Елина

ОСОБЕННОСТИ СИНЕСТЕЗИИ В ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

В изобразительном искусстве материал лишен реального движения, звучания, объемных, весовых, температурно-осязательных качеств, но и движение, и звучание, и теплота присутствуют на полотне, «довоспринимаюсь», «домысливаясь» синестетически [9, с.136]. Это синестетическое домысливание отражается, прежде всего, в специальном подъязыке искусствоведения, который отличают специфические средства номинации, основанные на действии эстетической синестезии.

Наиболее ярко и эффектно выглядят основанные на синестезии метафоры и сравнения в развернутых вербальных характеристиках специалистов-искусствоведов и художников: «Надо добиться умения верно петь карандашом или кистью... Точность формы — это то же самое, что и точность звуков» [16, с.56]; «Некоторые рисовальщики отличаются нервной манерой работы, что сообщает их технике нечто своеобразное, вроде звучания, присущего скрипке. Таковы, например, Домье, Лансон. Манера же других, скажем, Гаверни или Бодмера, напоминает фортепиано. А у Милле она, вероятно, походит на величественный звук органа» [5, с.164]; «Не ищите моцартовской гармонии в фигурах и лицах, изображенных Модильяни... веет от этого уже не Моцартом, а, скорее, Достоевским...» [6, с.120]; «Будьте уверены, что живопись цвета входит в музыкальную фазу. Сезанн... постоянно играет на большом органе, это побуждает меня сказать, что он полифоничен» (Гоген. Цит. по: [12, с.163]).

Создание синестетических сочетаний в сфере искусства можно считать вынужденной мерой, поскольку, как писал Стендаль, «не существует языка, который способен выразить все тонкости формы и все многообразие цветовых эффектов. А не имея возможности выразить то, что чувствуешь, обычно описываешь другие ощущения, понятные всем» (Цит. по: [1, с. 75]). Еще более критичен по отношению к возможностям языковой синестезии Л. Арагон: «Критики взяли за правило, говоря о том, что видит глаз, употреблять слова, связанные с осязанием, а о том, что слышит ухо, говорить словами, связанными с обонянием» [Там же]. Однако, активно функционируя в языке и в

специальных подъязыках, синестетические сочетания становятся стабильной и достаточно многочисленной частью языковой системы и заслуживают отдельного рассмотрения.

Функционирующие в искусствоведческих текстах синестетические сочетания имеют исходное ощущение общей ядерной зрительной модальности, с которым взаимодействуют и которое характеризуют соседствующие с ним ощущения других модальностей, образуя периферийные группы ощущений. Поскольку все синестетические сочетания в искусствоведческом материале имеют общую исходную зрительную модальность, на основе которой происходит перенос значения второго компонента словосочетания, мы не будем в дальнейшем указывать на этот постоянный компонент эстетической синестезии.

Синестетические ассоциации по сходству, значимые для искусства, связаны не только с элементарными типами ощущений («внутренними» интроцептивными, проприоцептивными и «внешними» экстероцептивными), но и с восприятиями, психическими особенностями и состояниями, а также высшими эмоциями, «поэтому в формировании эстетических синестезий можно усмотреть участие мыслительных операций. В связи с этим эстетическую синестезию следует отнести к сложным специфическим формам невербального мышления» [8, с. 7], возникающим не только в виде со-ощущения (как это трактуется согласно этимологии слова), но и в виде со-восприятия, со-чувствования.

На материале искусствоведческих текстов нами было собрано более 6 тысяч эстетических синестетических сочетаний (в дальнейшем — ЭСС), чем, безусловно, не исчерпываются все ЭСС, зафиксированные и все вновь появляющиеся в искусствоведческих текстах, но их исследованное количество вполне репрезентативно и достаточно для выявления тенденций использования тех или иных типов синестезий при искусствоведческих номинативных единицах, для определения частотности данных ЭСС, для возможности описания подъязыка искусствоведения в части метафорической терминологии. Было подсчитано

количественное соотношение групп сочетаний и частота использования каждой единицы.

Ядерные компоненты ЭСС представлены наиболее часто встречающимися в искусствоведческих текстах специальными понятиями, описывающими способы и результаты изображения объекта. К таким понятиям относятся три выделенных нами группы искусствоведческих терминов. В первую группу, названную «Живописные приемы и средства», входят следующие лексические единицы: *цвет (цветовое пятно), мазок, линия (штрих), краска, кисть, форма, тон (оттенки)*. Вторая группа изобразительных терминов («Общие живописные понятия») представлена лексикой более общей семантики: *живопись (искусство), картина (произведение, холст, полотно, пейзаж, натюрморт и др.), рисунок, композиция, колорит*. Перечисленными в этих двух группах терминологическими единицами, их варьированием, по существу, ограничиваются исходные номинации ЭСС в искусствоведческих текстах. Другие терминологические единицы (*объем, плоскость, контур, свет*) нами не рассматриваются ввиду их несистематического употребления. Третья группа «Цветономинации» представляет собой конкретные цветовые характеристики и их сочетаемость.

Периферийные ощущения, ассоциативно возникающие и актуализирующиеся под действием базового зрительного, представлены ощущениями тринадцати модальностей с возможными субмодальностями. Вероятно, со строго психологической точки зрения выделение некоторых ощущений в отдельные группы не вполне корректно, но применительно к классификации номинативных единиц специального языка представляется оправданным, так как складывание и функционирование вербализованной системы ощущений не во всем совпадает с психофизиологической. Некоторые ощущения не обозначены в нашей классификации вовсе, так как они не встречаются в ЭСС (например, interoцептивные органические ощущения *голода, жажды* и др.)

При характеристике живописных приемов и средств экстероцептивные ощущения представлены слуховыми (*музыка красок*), обонятельными (*аромат живописи*), вкусовыми (*сочный мазок*), тактильными (*жесткий рисунок*); interoцептивные — температурными (*горячие краски*), болевыми (*удары красного*); proprioцептивные — гравитационными (*равновесие форм*), вибрационными

(*вибрирующий колорит*) (см. Таб.1).

Слуховые ощущения классифицированы в три субмодальности: *звуковую, музыкальную и языковую*. Нам приходится формально различать эти акустические наименования, чтобы иметь возможность выделить в отдельный подвид ощущения общего звучания (*звучные краски, негромкая кисть, глухой синий, кричащий красный*), отличать их от ощущений музыкального характера (*певучие линии, оркестровка цвета*) и языкового содержания (*разговор линий, диалог тонов*) — все они при всем их разнообразии относятся к слуховым, но при этом качественно очень разнородны и потому отнесены к разным субмодальностям.

Группа психических особенностей и состояний подразделяется на две субмодальности — эмоции и характер. Аффекты, чувства, настроения включены в субмодальность *эмоций* (*радостные линии, беспокойный рисунок, агрессивный колорит*); психические особенности, составляющие субмодальность *характер*, отличаются от первой стабильностью и постоянством проявления признаков (*уверенная живопись, свободная форма, наивный цвет*).

Восприятие, являясь более сложным, чем ощущения, наглядно-образным отражением предметов и явлений, представлено в нашей классификации тремя модальностями. Восприятие пространства — чувственно-наглядное отражение величины, формы, расположения на плоскости и в глубину (*объемность форм, глубокий тон, плоские оттенки*); восприятие времени — отражение длительности, скорости и последовательности явлений (*форсирование цвета, неторопливые линии, быстрота кисти*); восприятие движения — отражение перемещающегося объекта (*движения рисунка, динамическая форма, стремительная живопись*).

Категория интенсивности, которая является лишь количественной характеристикой, степенью выраженности какого-либо ощущения, тем не менее выделена в отдельную группу ощущений как самостоятельный энергетический параметр, так как нет другого определителя для таких единиц, как *мощный мазок, вялый колорит, интенсивная живопись*. Интенсивность в таких ЭСС не характеризует никакое другое ощущение, кроме ядерного зрительного, и потому рассматривается как самостоятельная, связанная с базовой, модальность.

В каждой графе таблицы выделены две цифры, соответствующие наивысшей частотности данной модальности ощущений.

Таблица 1

Живописные приемы и средства

Виды ощущений и восприятий	Цвет, пятно	Линия, штрих	Тон, оттенок	Мазок	Краска	Форма	Кисть
Слуховые:							
<i>звуковые</i>	248	27	66	6	57	--	--
<i>музыкальные</i>	304	36	27	2	72	3	--
<i>языковые</i>	32	6	2	4	9	7	--
Обонятельные	--	--	--	--	--	--	--
Вкусовые	21	5	4	16	27	--	--
Тактильные	72	70	42	19	15	72	--
Температурные	157	--	212	--	60	--	--
Двигательные	48	160	3	180	13	30	51
Гравитационные	30	33	18	26	20	39	18
Пространственные	8	18	20	4	6	3	--
Временные	12	36	--	15	3	--	15
Вибрационные	64	42	6	42	33	21	2
Болевые	27	12	--	13	12	--	33
Степень интенс.	112	48	24	22	21	18	18
Психич. состояния							
<i>эмоции</i>	244	180	57	74	63	30	18
<i>характер</i>	114	69	18	78	21	18	58
Всего:	1493	742	499	501	432	241	211

Согласно приведенным в таблице данным, наибольшее число ЭСС относится к ядерной номинации *цвет*. Номинация *цвет* актуализирует прежде всего слуховую (584 — самая высокая частотность) и психическую (358) модальности. Ассоциация зрительной модальности со слуховой вполне ожидаема — многочисленные описания синестезий более всего опираются на данный вид переноса ощущений: понятие «цветной слух» (соответственно — «звучащий цвет») даже является общим определением синестезии [2, с.227] (музыкальные — *оркестровка* цветов, *симфонический*, *ноктюрн* цвета, *цветовая напевность*, *многоголосый хор* цветов — 304; звуковые — *приглушенный*, *звучный*, *звонкий*, *крикливый* цвет, *цветовой выкрик* — 248; языковые — *диалог* цветов, *цвета переговариваются*, *прозаический* цвет, *цветовой акцент*, *поэзия* цвета — 32).

Однако ряд ощущений слуховой модальности в ЭСС оказывается количественно сопоставимым с психическими ощущениями. Тесно связанной с цветовыми показателями оказывается эмоциональная сфера — зрительные ощущения, идущие от цветового раздражителя, вызывают различные эмоциональные переживания, от резко негативных до определенно положительных (*скорбный*, *угнетающий*, *тревожный*, *печальный*, *тоскливый*, *сдержанный*, *возбуждающий*,

эвзволнованный, *радостный*, *ликующий* цвет — 244). Цвету свойственны также характерологические качества (*трагический*, *активный*, *дерзкий*, *загадочный*, *смелый*, *неназойливый*, *аскетичный* — 114).

Показатель степени интенсивности в номинации *цвет* с большим отрывом опережает этот же показатель в остальных номинациях (112), нигде это качество не играет такой важной роли, как в данном компоненте (*мощный*, *интенсивный*, *насыщенный*, *сильный* цвет, *сила* цвета и др.) Относительно высок этот показатель в номинации *линия* и *цветономинациях* (48 : 37): *сила* линий, *сильная*, *дряблая* линия; *сильный* коричнево-красный, *интенсивное* звучание зеленого, *мощные* красные.

В соотношении видов ЭСС в зависимости от ядерного компонента отмечена следующая закономерность: номинации *цвет*, *тон*, *краска*, близкие по общей направленности семантики (окрашенность), образуют одни из наиболее частотных ЭСС со слуховой и температурной периферийными модальностями (эти модальности занимают по частотности первые места при названных ядерных компонентах). Значительное число единиц температурной модальности (самое большое при номинации *тон* — 212) связано с традиционным отнесением цветов спектра к группам «холодных» и

«теплых» тонов. Вербальные модификации первичного грубого деления на два температурных вектора привели к появлению более тонких и разнообразных номинаций температурной модальности (*жаркий, холодноватый, разогретый, горячий, пылающий* и др.), хотя основными и наиболее частотными единицами остаются *теплый* и *холодный*. А временная, пространственная, двигательная модальности — все типы восприятия — вообще мало свойственны номинациям «окрашенности».

В то же время ядерные номинации *линия* (*штрих*), *мазок, кисть* (пластические элементы изображения) прежде всего актуализируют двигательный периферийный компонент по его наибольшей частотности: *линия — подвижная, динамичная, натирает, беглая, смещается — 160; мазок — шевелящийся, порывистый, скользящий, стремительный, медленный — 180; кисть — движение, стремительная, динамичная — 51*. Очень значителен здесь и психический компонент: *линия — ленивая, капризная, радостная (249); мазок — нервный, энергичный, буйный, темпераментный (147); кисть — импульсивная, дерзкая, робкая (76)*. Температурная модальность в этих трех номинациях не представлена вообще, количество единиц слуховой модальности незначительно или отсутствует.

Механизм такого соотношения периферийных модальностей состоит, по-видимому, в следующем. В семантике единиц *линия, мазок, кисть* содержится представление о процессе изображения, хотя визуально заметен лишь его результат. По определению, «штрих — это линия, выполняемая одним движением руки» [13, с.186], поэтому, при неизбежной статичности изображения, кинетический характер линии, мазка и рисующей (двигающейся) кисти оставляет свой след в ЭСС.

С модальностью движения тесно связана временная модальность (так как любое передвижение темпорально), и хотя абсолютное количество единиц временной модальности во всем материале невелико, оно оказывается относительно значительным именно при двигательных ядерных компонентах (*линия — мазок — кисть*): самое частотное — 36 — *линия (медлительная, быстрая, поспешная); 15 — мазок (тепл, быстрые, неторопливый,*

скорость); 15 — кисть (медленная, быстрая, торопливая).

Вибрационная модальность также должна быть свойственна данным ядерным компонентам как показатель определенного вида движения (колебательного), но это предположение оказывается верным только для двух номинаций — *линии* и *мазка* (по 42): *вибрирующая, колеблющаяся, пружинящая линия; судорожный, конвульсивный, вибрирующий мазок*.

При номинации *кисть* вопреки ожиданиям (описанные выше ЭСС уже продемонстрировали стабильную согласованность всех трех пластических компонентов) ощущение вибрационной модальности встречается крайне редко — 2 случая: *упругая* и *вибрирующая кисть*. В то же время только с номинацией *кисть* (из трех пластических) ассоциируется первое по количеству во всем материале число ощущений болевой модальности (33): *удары, сила ударов, свобода ударов кисти*.

Абсолютное отсутствие при номинациях *линия, мазок, кисть* температурных ощущений, видимо, следует связать с нейрофизиологическим механизмом синестезий. Можно предположить, что импульсы, идущие от температурного и двигательного раздражителей, не индуцируют друг друга. Незначительное число ощущений слуховой модальности в данных номинациях также объясняется, вероятно, относительной отдаленностью друг от друга нейропроводящих путей, ответственных за слуховые и двигательные ощущения.

В ЭСС с ядерным компонентом *форма* наиболее частотны ассоциативные связи с тактильными, гравитационными и двигательными ощущениями. Определение сущности формы как «внешнего очертания, наружного вида предмета» ассоциативно связывается с другими характеристиками предмета как трехмерного объекта — фактурой его поверхности, весом и способностью менять положение. Тактильные, гравитационные и двигательные сенсорные характеристики определяют ЭСС с компонентом *форма* (*жестковатая, мягкая, острая, плотная, осязаемая — 72; весомость, перегрузка, равновесие, тяжеловесность формы — 39; плавные, динамические, текучие, стремительные формы — 30*).

Таблица 2

Общие живописные понятия

Виды ощущений и восприятий	Живопись искусство	Картина и др.	Колорит	Рисунок	Композиция	Цветонаминации
Слуховые:						
<i>звуковые</i>	18	60	3	--	6	90
<i>музыкальные</i>	24	75	36	19	12	9
<i>языковые</i>	51	45	3	16	6	
Обонятельные	2	--	--	--	--	--
Вкусовые	15	6	12	--	--	9
Тактильные	54	18	15	50	3	21
Температурные	3	--	30	--	6	137
Двигательные	27	18	6	18	75	26
Гравитационные	27	6	--	15	27	12
Пространственные	6	6	--	3	3	7
Временные	--	--	--	6	--	--
Вибрационные	12	6	--	3	--	10
болевые	3		6	--	--	21
Степень интенс.	9		12	9	3	37
Психич. состояния:						
<i>эмоции</i>	60	117	66	33	36	91
<i>характер</i>	55	3	51	42	24	53
Всего:	366	360	243	214	201	523

Как свидетельствуют приведенные данные, с наибольшей частотой функционируют ЭСС, связанные с номинацией картина (сюда же относятся всевозможные наименования произведения живописи (*произведение, холст, полотно*) и его жанровые обозначения (*натюрморт, пейзаж, портрет, этюд*). Наибольшее количество периферийных компонентов этой группы приходится на модальность психических состояний. Показательно, что практически все они относятся к субмодальности *эмоции* — 117, компонент *характер* (3) можно считать вообще не активизированным, что позволяет сделать вывод о косвенной зависимости частотности эмоциональной субмодальности от эстетического статуса картины: поскольку целостное произведение должно вызывать эстетические чувства — переживания, наслаждение, эмпатию, то косвенным показателем эмоциональных впечатлений оказывается высокая частотность синестетического эмоционального компонента (*ликующий холст, взволнованность пейзажа, нервно-напряженный портрет, экспрессия картины*).

Второе место по частотности периферических компонентов этой же номинации занимает слуховая модальность с количественно сопоставимыми субмодальностями (60 : 75 : 45)

— *глухой портрет, звучание пейзажа; музыка и мелодия картины, оркестровка холста; синтаксис картины, немногословная картина*. По сравнению с другими группами компонентов высока частотность субмодальности *язык* (второе место среди данных обеих таблиц).

При компоненте *живопись* обращает на себя внимание большое количество ЭСС на основе психической модальности — *мрачная, печальная живопись, тревожность искусства; свободная, уверенная, мужественная живопись* и др. (115). Высока частотность ощущений тактильной модальности (54), что является показателем иллюзорной осязаемости, фактурности художественного отражения предметного мира на плоскости: *осязательная, жестковато-колючая, шероховатая живопись*. По той же причине так же велик этот параметр (50) при ядре *рисунок* (*жесткий, острый, твердый, мягкий рисунок*).

При номинации *живопись* неожиданно оказывается крайне высоким (самое высокое как внутри слуховой модальности — 18 : 24 : 51, так и во всем материале в целом) содержание периферической субмодальности *язык* (51), выразившееся в неожиданных метафорических ЭСС: *поэтика искусства, живописный афоризм, разговорные интонации живописи, живописная метафора, велеречивый язык живописи*. Именно

здесь теснее всего синестетически сближаются две формы искусства — живописная и литературная.

Ядерный компонент *композиция*, являясь структурой элементов художественного произведения, активизирует прежде всего двигательную периферическую модальность (75) как параметр размещения, перестановки предметов на плоскости; зритель как бы участвует в процессе оптимального «расставления» изображенных объектов. Отсюда и соответствующие ЭСС (*бурное движение* композиции, *динамика* композиции, композиционная *текучесть*). С иллюзорной объемностью, трехмерностью композиционного построения связано также относительно большое количество единиц гравитационной модальности (27) — *уравновешенность* композиции, *устойчивая* композиция, *равновесие* композиции.

Для номинации *колорит* характерна высокая

психические состояния	30 %	гравитационные	4,4 %
слуховые	21 %	вибрационные	4,3 %
двигательные	10,37 %	пространственные	2 %
температурные	10 %	болевые	1,9 %
тактильные	7,5 %	вкусовые	1,8 %
степень интенсивности	5,5 %	временные	1,2 %
		обонятельные	0,03 %

Обобщая полученные данные, нужно отметить (согласно результатам таблиц), что психическая сфера является важнейшей при образовании и функционировании ЭСС. Психические параметры оказываются одними из самых частотных при всех без исключения базовых номинациях — на них приходится почти 30 % от 6 тысяч синестетических единиц (абсолютный процентный приоритет среди всех видов ощущений). В этом состоит специфика эстетической синестезии — активная вербальная выраженность тесной связи между произведением и *чувствующим* субъектом. «Искусство порождает и стимулирует высокую активность ряда психических процессов, которые содержат в себе источник почти всех видов художественного наслаждения, свободных от каких-либо неприятных ощущений и никогда не угрожающих нам страданием» [3, с.64]. Если считать функционирование ЭСС одним из вербальных показателей активизации психических процессов, связанных с произведением, то высказывание Б. Бернсона абсолютно верно, но лишь в первой части. При общей «высокой активности психических процессов» утверждение об отсутствии среди них «неприятных ощущений», «никогда не вызывающих страдания», не соответствует

частотность *музыкальной* субмодальности на фоне очевидно малого количества звуковой и языковой (3 : 36 : 3) — *симфония* колорита, *мажорный*, *поющий* колорит и др., а также большое количество единиц психических состояний (117) — *спокойствие* колорита, *мрачный*, *жизнерадостный*, *суровый* колорит.

Группа «Цветоминации», являясь конкретной реализацией номинации *цвет*, также ассоциируется прежде всего с психической (144), температурной (137) и слуховой (101) модальностями — *звучный* желтый, *капризные* черно-белые, *кричащий* красный (подробнее о цветоминативных ЭСС см.: [11, с.180–188]).

Ощущения и восприятия в ЭСС соотносятся в процентном отношении ко всему рассмотренному материалу следующим образом (по мере убывания):

действительности. Среди вербализованных психических состояний, входящих в состав ЭСС, достаточно велико количество негативных эмоций, аффектов, угнетенных состояний с различными ядерными модальностями: *агрессивный* колорит, *мрачная*, *печальная* живопись, *тревожность* искусства, *похоронный* цвет, *депрессивная* линия, *страшный* тон, *тревожный*, *напряженный* рисунок, *безнадежный* коричневый, *трагический* фиолетовый, *грозный* красный, *скорбный* синий, *угнетающий* зеленый, *тоскливый* желтый, *траурный* серый и др.

Следовательно, при восприятии эстетического объекта активизируются не только эстетические удовольствие и наслаждение, но и полярные им отрицательные эмоции широкого спектра (в соответствии с замыслом художника) как ответ на сильнодействующие изобразительные средства того же эмоционально-негативного порядка. Эмпатия при восприятии произведения совсем не обязательно должна означать удовольствие, радость, восторг; если изображение призвано вызвать у субъекта эмоцию гнева, тревоги, страха и т. д., и субъект действительно испытывает эти эмоции, значит, налицо достигнутый эмпатический эффект, для которого главное — *сопереживание* независимо

от его эмоционального вектора. Наличие большого количества ЭСС с негативными эмоциональными характеристиками (как и с положительными) свидетельствует о вербальном воплощении достигнутой субъектом эмпатии.

Перенос звука на цвет — основа зрительно-слуховых синестезий — общепринятый (хотя в подъязыке музыковедения перенос «цвет → звук» еще более традиционен и распространен) и наиболее распространенный способ организации ЭСС. Действительно, слуховые ощущения, вызываемые цветовыми воздействиями, — устойчивый принцип синестетических образований. В нашем материале слуховая модальность составляет 21 % (2-е место после психической сферы). ЭСС на основе слухового переноса наиболее тривиальны по своему лексическому составу: большая часть из них — штампы, клише, давно утратившие первоначальный метафорический характер (*звучание* цвета, красочный *аккорд*, *созвучие*, *музыка*, *язык* красок, *звонкие* цвета, цветовая *гамма* и т. д.).

Практически не активизированными являются ощущения обонятельной модальности: 2 единицы, относящиеся к номинации *живопись*, представлены одной, повторенной дважды лексической единицей *аромат*. Следовательно, эстетический зрительный ряд в норме не вызывает каких-либо отчетливых обонятельных ассоциаций, синестезия не возникает, так как нет психофизиологической основы для образования интермодальных зрительно-обонятельных ощущений.

Ощущения вкусовой модальности, будучи частотнее выше, чем временные, отличаются от разнообразных последних постоянной повторяемостью двух единиц — *сочный* и *терпкий*. В этом смысле вкусовые ощущения, лексически не развиваясь, играют весьма второстепенную роль в образовании ЭСС.

Таким образом, при определении «весомости» ощущений следует учитывать, с одной стороны, количество единиц данной модальности ощущений ко всему объему исследуемого материала (что выражено в процентах) и, с другой, — частотность и разнообразие единиц периферических модальностей внутри определенной ядерной номинации. Эта вторая сторона функционирования ЭСС, отраженная в двух таблицах и словаре, представляется не менее существенной, так как реальный подъязык искусствоведения оперирует не «вообще искусствоведческим материалом», а конкретными номинативными единицами со

свойственным каждой из них собственным спектром ассоциативных сенсорных связей. (Например, при ничтожном «абсолютном» количестве *болевых* ощущений в целом синестетическом объеме (1,9 %), в группе ядерной номинации *кисть* на них приходится 33 единицы — это самая высокая «относительная» частотность; и наоборот, при 21 % *слуховых* ощущений во всем материале, при той же номинации *кисть* его нет вовсе, и т. д.). Из этих частностей и складывается реальное функционирование ЭСС с ассоциативными периферийными компонентами. Поэтому при рассмотрении степени участия ощущений той или иной модальности в формировании ЭСС необходимо иметь в виду как их абсолютную, так и относительную частотность.

Вообще же представление о приоритетности типов ощущений при формировании синестезии часто представляется достаточно случайным. Некоторые суждения о значимости той или иной модальности ощущений в ЭСС некорректны, так как, во-первых, не обоснованы статистически, и, во-вторых, не учитывают различия общей и относительной частотности компонентов. Б.М. Галеев, например, исследуя синестезию в искусстве, делает следующий вывод: «В живописи заметнее всего проявляется синестетическое восприятие тепловых, моторно-осязательных качеств цвета и пластики... Слуховые синестезии дают себя знать в живописи в меньшей степени, ибо визуальный ее материал психологически не так активен, как звук...» [9, с.136]. Как свидетельствует наш синестетический материал, роль слуховых ощущений в данном выводе определенно занижена и так же отчетливо завышено общее значение температурных (тепловых) и тактильных (моторно-осязательных) ощущений. Важнейшие психические компоненты синестезии при этом не названы вообще.

«... самое существенное в искусстве живописи — способность возбуждать наше чувство осязания», — считает Б. Бернсон [3, с.73]. Можно было бы сразу не согласиться с этим, на наш взгляд, явно ошибочным утверждением (по нашим подсчетам, на осязание приходится только тринадцатая часть всех ощущений — 7,5 %), но далее автор приходит к интуитивно верному суждению: «Самым главным в живописи является передача осязательной ценности изображения, потому что только таким путем искусство может заставить нас воспринимать *форму*...»; и далее: «...мы знаем, что ощутить *форму* можно только посредством

осязательных свойств, которыми мы наделяем наше зрительное восприятие...» [Там же]. Здесь упоминается *форма* — как раз тот компонент ЭСС, при котором частотность тактильных ощущений наиболее высока. Иначе говоря, когда автор переходит от «абсолютной» синестезии к «относительной» и правильно выбирает «точку отсчета» — номинацию *форма*, соединив ее с тактильной модальностью, его выводы оказываются сходными с нашими.

Г. Гегель в «Эстетике» указывал, что «эстетическое наслаждение, испытываемое от произведения искусства, связано лишь с двумя теоретически выделяемыми чувствами — зрением и слухом, тогда как запах, вкус и осязание остаются вне связи с эстетическим наслаждением» (Цит. по: [2, с.88]). Гегель преследует свою цель: он рассматривает зрительное и слуховое ощущения как дистантные, а вкусовое, осязательное и обонятельное — как в той или иной степени контактные, противоречащие как «пуриганскому» уклону, так и «беспристрастной» эстетической позиции наблюдателя (в классическом эстетическом представлении). Однако применительно к функционированию ЭСС здесь интуитивно верно отмечены приоритетная роль слуховой модальности и практически нулевая — обонятельной.

Специфическое функционирование ЭСС в подъязыке искусствоведения подводит к решению вопроса об индивидуальном творческом акте при образовании ЭСС. О субъективности процесса формирования ЭСС, в частности, читаем: «...эффект синестезии не может быть запрограммированным. Это *сугубо субъективный акт*... Считая процесс возникновения потенциальных синестезийных эффектов сугубо авторским волеизъявлением, надо иметь в виду, что рецептивная функция *субъективна*» [10, с.39]; «Отличительные свойства синестезии состоят в том, что она возникает, как правило, спонтанно и бессознательно, ее актуализация может произойти, а может и нет; для нее характерна абсолютная свобода сопряжения чувств и проявления *субъективной* реакции, большая зависимость от *индивидуальных особенностей* психофизиологического аппарата» [14, с.21]; «Цветовой тон, насыщенность, светлота, характеризующие свет, преломленный через человеческое восприятие, с трудом поддаются количественным измерениям и расчетам... Цветовые ощущения *индивидуальны*» [15, с.33]

(езде курсив наш. — Е.Е.).

Однако ЭСС, зафиксированные нами в подъязыке искусствоведения, заставляют сомневаться в справедливости процитированных положений. Среди 6 тысяч ЭСС встречаются, конечно, свежие авторские метафоры, но на фоне общих подъязыковых синестетических проявлений они достаточно редки и не составляют основного массива ЭСС. *Недобрые линии, ушедший в себя синий* (В. Кандинский), *чувственная страсть тонов* (С. Моэм), *опьяненная светом кисть* (Р. Эсколье), *грамматическая недосказанность рисунка* (В. Виленкин), *лживые неуголимые линии*, (О. Кочик), *гимны мазков* (Е. Матусовская), *топорщатся пейзажи* (Д. Ревалд) — эти и подобные им авторские ЭСС субъективны, но для автора мотивированны и в целом не случайны; такие синестетические образования, встреченные в нашем материале один раз, скорее всего, свидетельствуют об индивидуальном способе лингвистической номинации и потому носят творческий характер.

Основной же объем ЭСС, нормативных для узуального употребления (в специальном подъязыке), — это стабильно и в той или иной степени часто повторяющиеся синестетические образования, формирующие достаточно стандартную искусствоведческую терминологию. Например, ЭСС *нервная линия, симфония красок, звонкие цвета, свободный мазок, конфликт цветов* и т. д., кажущиеся в восприятии неподготовленного читателя яркими метафорами, узуально являются терминологическими синестетическими образованиями.

Терминологичность, стандартизованность многих ЭСС подтверждает частота их использования (ЭСС *звучный цвет, звучность цвета* употребляется 144 раза, *теплые тона* — 81, *вибрирующий мазок* — 28, *нервная линия* — 21, *напряженный колорит* — 20 и т. д.), следовательно, существует определенная закономерность (и отчетливая мотивированность) синестетических единиц (что противоречит представлению синестезии как сугубо индивидуального, случайного субъективного акта). В основе повторяемых, «готовых к употреблению» узуальных ЭСС лежат, естественно, когда-то индивидуальные (и в то же время не случайные, а психофизиологически мотивированные) синестетические образования. Но привычные специальные ЭСС, находящиеся в массовом профессиональном использовании, разумеется, давно отчуждены от индивидуального творческого акта как готовые

номинативные единицы, выражающие специальное понятие, которое не вызывает возражений и используется адекватно и закономерно.

Данную метафорическую часть искусствоведческой терминологии иногда называют *квазитерминами*, мотивируя такое название преобладанием экспрессивности над информативностью при затруднении толкования: «...т. н. квазитермины — это частотные в конкретном дискурсе отрезки речи, имеющие большую степень устойчивости и сочетающие в семантике дескриптивное и оценочное значения (упругий звук, мужественные пропорции, могучие обертоны...). Будучи изначально общеупотребительными словами естественного языка, которые начинают использоваться особым образом, но при этом сохраняют шлейф повседневного употребления, квазитермины составляют замкнутую группу... Экспрессивность преобладает над информативностью, а четкое терминологическое значение утрачивается, заменяясь ощущением самодостаточности выражения и плохо вербализуемым представлением о его смысле» [4, с.38]. На наш взгляд, в описываемом случае не представляется убедительным как само наименование «квазитерминология», так и понимание роли метафорической терминологии в подъязыке искусствоведения. Частотность употребления вышеприведенных ЭСС в различных искусствоведческих текстах должна свидетельствовать о достаточно определенной терминологической функции данных единиц — внутри профессионального подъязыка у носителей данного языка такие термины имеют вполне специальное значение, они регулярно используются и понимаются специалистами, профессионально владеющими семантикой данных единиц, а «шлейф повседневности» и «смутное представление о смысле» усматривает в них только «наивный», неподготовленный читатель. Не случайно «квазитермины» практически не встречаются в текстах, посвященных произведениям изобразительного искусства, которые составлены не профессионалами-искусствоведами, а неспециалистами (дилетантами) — «повседневная семантика» таких терминов остается ими невостребованной, но и как специальные понятия они не употребляются интерпретаторами, не знакомыми с терминологией. Что касается абсолютного преобладания в данных лексических единицах оценочного характера, то это утверждение также

представляется не достаточно убедительным, так как первичная оценочность к моменту частотного функционирования ЭСС в текстах давно подавлена терминологичностью. (Для сравнения хочется привести некоторые из многочисленного ряда формально оценочных терминов медицинской сферы, таких как *острый живот*, *бархатный тон*, *симптом трепетания век*, *широчайшая мышца спины* и др., реальный оценочный характер которых давно и полностью утрачен и которые являются строгими медицинскими терминами с точной семантикой.)

Ниже приведен фрагмент узкоспециального искусствоведческого текста, в котором мы указали общую частотность встречающихся в нем ЭСС во всем исследованном нами объеме искусствоведческих текстов. Этот пример, на наш взгляд, хорошо иллюстрирует терминологичность ЭСС, частотность большинства которых достаточно высока в текстах разных авторов-искусствоведов: «...живописцы барокко писали свободными (32) и смелыми (11) мазками, но сколь различны характер (4) и экспрессия (26) мазка у Ван Дейка, Маньяско, Тьеполо! У Рубенса мазки мощные (14), но мягкие (6), закругленные и сочные (14). У Ван Дейка — взволнованные (4), бурные (2), как бы взрывающиеся (1). У Франса Гальса — жалящие (1) и меланхолические (2)... Синий тон у Мурильо — сочный (9), мечтательно-нежный (6), у Греко — прозрачный, холодный (93)...» [7, с.161].

Исследование функционирования искусствоведческих ЭСС позволяет сделать вывод, что в подъязыке искусствоведения сформирована обширная база специфических ЭСС, позволяющая воспользоваться готовыми синестетическими конструкциями, и только в относительно немногих случаях порождается новая окказиональная номинация.

Вышеописанный синестетический материал доказывает, во-первых, возможность психофизиологической обусловленности соощущений на словосочетательном уровне; во-вторых, мотивированность возникновения ЭСС в конкретной соотнесенности ядерной (искусствоведческой) номинации с периферическими ощущениями различных модальностей; в-третьих, обусловленность создания стабильной искусствоведческой терминосистемы на базе ЭСС отображением в звуковом комплексе мотивирующего признака в его вторичном, специальном значении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арагон Л. Анри Матисс, роман. В 2 т. Т. 1. — М., 1978.
2. Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства. — М., 1994.
3. Бернсон Б. Живописцы итальянского Возрождения. — М., 1965.
4. Булатова А.П. Концептуализация знания в искусствоведческом дискурсе // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. — 1999. — №4.
5. Ван Гог В. Письма. — М.; Л., 1966.
6. Виленкин В.Я. Модильяни. — М., 1970.
7. Виппер Б.Р. Введение в историческое изучение искусства. — М., 1985.
8. Галеев Б.М. Проблема синестезии в эстетике // Современный Лаокоон. Эстетические проблемы синестезии. — М., 1992.
9. Галеев Б.М. Человек, искусство, техника. — Казань, 1987.
10. Дьякова Т.А. Скрытый механизм синестезии // Современный Лаокоон. Эстетические проблемы синестезии. — М., 1992.
11. Елина Е.А. Вербальные интерпретации произведений изобразительного искусства. — Волгоград; Саратов, 2002.
12. Кочик О.Я. Мир Гогена. — М., 1991.
13. Краткий словарь терминов изобразительного искусства. — М., 1965.
14. Оганов А.А. Синестезия и синтез в искусстве // Современный Лаокоон. Эстетические проблемы синестезии. — М., 1992.
15. Рождественская Г.А. Архитектура и синестезия // Современный Лаокоон. Эстетические проблемы синестезии. — М., 1992.
16. Энгр Ж. Энгр об искусстве. — М., 1962.

ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКА

И.Ю. Марковина

МЕТОД УСТАНОВЛЕНИЯ ЛАКУН В ИССЛЕДОВАНИИ
ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКИ КУЛЬТУР**1. Межкультурное общение и проблема понимания. Этнокультурная специфика языкового сознания.**

Межкультурное общение, как следует из самого термина, это общение представителей разных лингвокультурных общностей. Сознание каждого из участников межкультурного общения формируется в процессе «присвоения» определенной национальной культуры и представляет собой набор знаний, подразделяемых в когнитивной психологии на *перцептивные, концептуальные, процедурные* (Подр. см.: [10]).

Благодаря этим знаниям, существующим как представления и образы сознания и имеющим эквиваленты в виде слов языка и их значений, оказывается возможным общение между людьми, в первую очередь, в рамках одной культуры. Взаимопонимание в такой ситуации будет основываться на общности сознаний коммуникантов.

Современная психолингвистика / этнопсихолингвистика оперирует термином **языковое сознание**, под которым понимается комплекс вербально овнешненных (психических) образов сознания, фиксирующих представления носителей той или иной культуры об объектах и явлениях окружающего мира, о самом человеке, его действиях и состояниях. Общаясь, носители каждой отдельно взятой культуры достигают той или иной степени взаимопонимания в результате использования единого/общего лексикона (закрепляющего языковые эквиваленты за образами национального сознания), а также правил грамматики для построения речевых сообщений [10].

Следовательно, для организации эффективного межкультурного диалога (т.е. для достижения взаимопонимания между инокультурными коммуникантами), необходимо знание не только языка, но и того психического содержания, которое овнешнено словами, т.е. необходима общность знаний и представлений об окружающем мире, необходима **общность сознаний**. Поскольку у участников межкультурного диалога такой общности, как правило, нет (или она лишь частична), возникает

различной степени **непонимание**. Непонимание в таком случае является следствием несовпадения образов сознания коммуникантов. В ситуации межкультурного общения основное препятствие в достижении взаимопонимания — это **разница образов национальных сознаний коммуникантов** [10].

Вербальный эквивалент национального сознания — языковое сознание — существует в форме таких семиотических продуктов как **язык и текст**. Национальные языки и особенно тексты, созданные носителями этих языков, могут рассматриваться как формы существования не только языкового сознания, но и соответствующей национальной культуры. Следовательно, сопоставительное изучение различных национальных языков и текстов, созданных в различных культурах, может быть использовано для получения научных данных о **специфике языкового сознания** (и, в известной степени, сознания в целом) и **культуры** реальных или же потенциальных участников межкультурного общения. Исследуя специфику языкового сознания носителей различных культур, этнопсихолингвистика использует межкультурное общение как объект и как средство научного анализа.

2. Феномен лакунизации. Основные признаки лакун. Классификационная сетка лакун.

Межкультурное общение рассматривается в этнопсихолингвистике как в высшей степени оппозитивный диалог сознаний, оспаривающих «чужие» когнитивные, эмотивные и аксиологические установки, защищающих свои «точки зрения», пытающихся совместить и согласовать «свое» и «чужое», зачастую исходя из недооценки «чужого» и переоценки «своего» [3, с. 3-9]. **Культурная константа** (термин Ю.С. Степанова, см.: [8, с.84-85] «свой-чужой») занимает особое место в системе бинарных оппозиций, лежащей в основе модели мира. Модель мира складывается в результате «первичной» классификации окружающей действительности на основе архетипических представлений, прежде всего, о структуре пространства (оппозиции «верх-низ», «правый-левый», «близкий-далекий» и т.п.), а также на

основе представлений о других характеристиках природного и «человеческого» мира (оппозиции «жизнь-смерть», «природа-культура», «мужской-женский», «старший-младший» и т.п.) (подр. см.: [12; 14]. Оппозиция «свой-чужой» является парой противопоставленных признаков, формирующих коллективное, массовое, народное мироощущение. Как постоянный принцип культуры, она лежит в основе этнического самосознания [8, с. 84, 126-143].

«Свое» — значит *хорошее, правильное, естественное, необходимое*, «чужое» — наоборот. Именно разница, несовпадения в языковом сознании (и в сознании в целом) носителей общающихся культур является причиной непонимания, а, следовательно, нарушения коммуникации. То, что не совпадает, различается, воспринимается как *странное, чужое/чуждое, неестественное, неправильное*. Элементы вербального и невербального аспектов «чужой» культуры, вызывающие реакцию недооценки, неприятия, несогласия, непонимания, обозначаются в этнопсихолингвистике термином «лакуна» [4; 5].

Выявленные нами основные оппозиционные признаки лакун фиксируют отличия «своего» от «чужого» в восприятии психологически, лингвистически и культурологически иного мира: естественное — *чуждое*, привычное — *экзотичное*, знакомое — *незнакомое/новое*, понятное — *непонятное*, верное — *ошибочное*. Дополнительные признаки лакунарности, маркирующие разницу между «своим» от «чужим» — (хорошее) — *плохое*, (необходимое) — *избыточное*, (предсказуемое) — *неожиданное* — можно рассматривать как части бинарных оппозиций, отражающих проекцию постоянного принципа культуры «свой-чужой» на аксиологическую ось модели мира [6; 7; 11; 14].

Перефразируя определение, принадлежащее акад. Ю.С. Степанову [9], можно сказать, что *лакуны* это *пробелы, «белые пятна» на семантической карте языка, текста или культуры в целом*, незаметные изнутри, при рассмотрении одного языка текста или культуры, но выявляющиеся при их сопоставлении. Такое сопоставление, как правило, имеет место в условиях диалога, а точнее, *межкультурного общения*. Отсюда ясно, каким образом, межкультурное общение является, с одной стороны, объектом этнопсихолингвистики, а с другой — средством научного анализа.

Метод установления лакун широко используется для выявления и описания

этнокультурной специфики (см. работы Ю.А. Сорокина, И.Ю. Марковиной, В.И. Жельвиса, И.А. Стернина, Г.В. Быковой, а также таких авторов, как Н. Schroder, А. Ertelt-Vieth, I. Panasiuk, E. Grodzki). Лакуны, выявленные при сопоставлении некоторых двух культур, являются сигналами их специфики и позволяют вполне обоснованно судить о мере совместимости одной культуры с другой, о характере и степени различий, указывающих на дистанцию, которая будет разделять потенциальных субъектов общения, принадлежащих этим двум культурам. Обнаруживаются такие различия как факты/случаи непонимания, неполного или неадекватного понимания (1) участниками коммуникации друг друга или же (2) фрагментов текста инокультурным реципиентом.

Все выявляемые лакуны принято делить на две основные группы: *лингвистические* и *культурологические лакуны*. Лингвистические лакуны возникают, во-первых, при сопоставлении языков как систем — *языковые лакуны*; во-вторых, при сопоставлении текстов (например, оригинала и перевода) — *речевые лакуны*. Культурологические лакуны являются сигналами специфики (1) участников коммуникации — *субъектные лакуны*; (2) деятельности, осуществляемой коммуникантами в «родной» культуре — *деятельностно-коммуникативные лакуны*, а также (3) культурного контекста, в котором существуют субъекты общения, и на фоне которого происходит восприятие, как партнера, так и содержания самого межкультурного диалога — *лакуны культурного пространства* (подр. см.: [11]).

3. *Опыт описания лингвистических лакун. Языковые лакуны.*

Языковые лакуны, как уже отмечалось, выявляются при сопоставлении языков как систем и фиксируют разницу на лексическом, грамматическом и стилистическом уровнях. Лексические лакуны могут возникать по разным причинам. Одной из причин является несовпадение в национальном объеме понятий. Любопытным примером может служить сравнение объемов русского понятия «масло» и его английских эквивалентов «butter» и «oil». Несвязанные между собой английские понятия «oil» и «butter» *объединяются* в русском понятии «масло», а английское «oil» *объединяет* некоторое семантическое множество, элементы которого не имеют компактного *объединяющего* понятия в русском языке:

butter масло (сливочное)
vegetable oil масло (растительное)
lubricating oil масло (машинное)
oil нефть
drying oil олифа
cod liver oil рыбий жир
whale oil ворвань
blasting oil нитроглицерин [1].

Примером грамматической англо-русской лакуны может служить отсутствие родовой категоризации существительных в английском языке. Благодаря этой грамматической особенности, род может приписываться английским существительным произвольно, что грамматическая система русского языка сделать не позволяет. Данная специфическая черта английского языка (по сравнению с русским) нередко используется в литературе с целью создания определенного художественного эффекта.

Так в романе Э. Хемингуэя «Старик и море» рыба, с которой борется главный герой — мужского рода. Таким образом, в оригинальной версии борьба, и физическая, и духовная, (буквально, не на жизнь, а насмерть) происходит между двумя сильными мужчинами (напр.: “**God let him jump**” — букв. «Господи, пусть он вынырнет!»). В русской же версии произведения рыба, как и предписывает грамматическая система языка, женского рода, а, следовательно, и авторский художественный прием оказывается утраченным: “Господи! Заставь ее вынырнуть!!”

Полученные в последнее время сопоставительные данные английских и русских ассоциативных норм иллюстрируют лакунизированный характер психологического содержания понятий, представленных в качестве эквивалентных в двуязычных словарях. Знание таких расхождений необходимо всем специалистам, профессионально организующим или опосредующим межкультурный диалог, от переводчика, преподавателя иностранного языка до политолога-консультанта.

Понятие **друг** в сознании русских представлено такими определениями, как *верный, надежный, настоящий, старый, преданный, закадычный, любимый, сердечный, лучший, единственный*; **друг** ассоциируется с понятиями *детство, верность, защита, помощь, тепло, счастье, брат*. Английский словарь ассоциативных норм представляет во многом иную картину. Во-первых, слово **friend** занимает

лишь 73-ю позицию в ядре языкового сознания англичан, в отличие от 8-й позиции слова **друг** в сознании русских. Во-вторых, количество ассоциативных связей у слова **friend** в английском языковом сознании значительно меньше, чем в русском у слова **друг**. В-третьих, ассоциативное поле английского **friend** существенным образом отличается от его русского эквивалента: *враг (enemy), противник (foe), девушка (girl), хороший (good)*, данное слово чаще всего встречается в качестве реакции на такие стимулы, как *знакомство (acquaintance), товарищ (companion), коллега (colleague), дружнице (buddy), сосед (neighbour), союзник (ally)* [13].

Таким образом, слова **друг** и **friend** в строгом смысле эквивалентами не являются и должны использоваться в ситуации межкультурного общения с поправкой на описанную выше разницу, с учетом их лакунизированного характера. Данный вывод очень важен, если помнить о том, что сопоставление и изучение специфики языков и культур ведется с целью оптимизировать межкультурный диалог, устранить препятствия для субъектов такой коммуникации на пути к взаимопониманию.

4. Опыт описания культурологических лакун.

Как уже отмечалось, культурологические лакуны, представляющие экстралингвистические проблемы межкультурного общения, мы подразделяем на три большие группы: **субъектные лакуны** (национально-психологические или характерологические, эмотивные, «карнавальные»); **деятельностно-коммуникативные лакуны** (ментальные, поведенческие, коммуникативные, конфликтологические и др.); **лакуны культурного пространства** (перцептивные, этнографические, лакуны культурного фонда и др.) (подробнее см.: [11]).

Лакуны этой группы выявляются при непосредственном общении представителей разных культур, либо при восприятии инокультурного текста. Особый интерес представляют лакуны, причина возникновения которых — специфика различных видов деятельности, осуществляемой коммуникантами (реальными или потенциальными) в «родной» культуре. Так **ментальные лакуны** отражают особенности мыслительных стратегий (thought patterns), свойственных носителям разных культур.

Вот, к примеру, к каким выводам пришли ученые, сопоставляя традиционные мыслительные стратегии американцев и японцев.

Американцы мыслят, прежде всего, **абстрактно и аналитически, структурируя** материал и затем **соединяя** составляющие на основе **причинно-следственной** взаимосвязи. Для них типичен **количественный** подход и **индуктивная** стратегия мышления.

Японцы мыслят **ассоциативно** и являются «**релятивистами**» и «**холистами**», рассматривая материал **в целом, соотнося** его с другим материалом на основе **аналогии**. Для них типичен **качественный** подход и **дедуктивная** стратегия мышления [11].

Этнокультурную окраску может иметь и восприятие и интерпретация конфликтной ситуации. Для описания таких расхождений в культурах выделяются **конфликтологические** деятельностно-коммуникативные лакуны. Противоположные подходы к интерпретации одной и той же спорной ситуации, характерные для американцев и арабов, иллюстрирует следующий пример.

Менеджер-американец, проходя мимо своих энергично спорящих сотрудников-арабов, понимает, что конфликт вызван столкновением **личных интересов** участников, в результате ссоры позиция **одного из них** окажется сильнее и потому он докажет **свою правоту**, а уважение личной/частной жизни других людей предписывает менеджеру **не вмешиваться** в спор.

Спорящие арабы «видят» ситуацию принципиально иначе. Для них причиной любого конфликта является нарушение **групповой гармонии**. Для ее восстановления необходимо констатировать **правоту обоих (всех)** участников спора. При этом они нуждаются в **участии посредника**, ждут **вмешательства со стороны** [22; 23].

Совершенно очевидно, что в условиях межнационального спора использование каждой из сторон культурно-специфических подходов в интерпретации причин конфликта и способов его разрешения в лучшем случае оставит проблему неразрешенной, в худшем — еще больше обострит конфликтную ситуацию.

5. *Оптимизация межкультурного общения. Способы элиминирования лакун.*

Межкультурное общение, как указывалось выше, это, прежде всего, диалог сознаний, и трудности в достижении взаимопонимания никак не могут сводиться к узко языковым

проблемам. Основная причина непонимания, неполного понимания, неадекватного понимания — это различной степени несовпадения в сознании коммуникантов, принадлежащих к разным культурам.

Таким образом, диалог культур реально протекает только в сознании носителя конкретной культуры и представляет собой попытку постигнуть образы сознания носителя другой («чужой») культуры, используя образы собственного сознания (как носителя «родной» культуры). Иными словами, понять «чужое» можно только через «свое», устанавливая сходство и различия между ними. Точнее говоря, познание «чужого» может осуществляться, по-видимому, двумя основными путями (подр. см.: [10]).

Первый путь — это поиск квази-эквивалента, некоей параллели в своей культуре (или подбор *сходного* образа в своем сознании). При этом происходит элиминирование (ликвидация) существующей лакуны путем **компенсации**.

Данный прием рекомендуется использовать, к примеру, в такой ситуации межкультурного общения как рекламная деятельность, а также в любой другой ситуации, когда цель общения — не столько познакомить реципиента с «чужой» культурой, сколько вызвать у него реакцию на инокультурное явление, аналогичную той, которую оно вызывает у реципиентов в «родной» культуре. В таком случае важно не раскрыть суть специфического инокультурного понятия, а представить «чужое» на, так сказать, функциональном уровне (т.е., побудить к действию вообще или вызвать у реципиента желание приобрести тот или иной товар, в частности). Поэтому и возникает необходимость поиска/подбора эквивалента в «своей» культуре. Иными словами, компенсация лакун при создании рекламы одного и того же товара для различной в этнокультурном отношении аудитории будет выражаться в использовании характерных для данной национальной культуры стратегий убеждения, которые будут варьировать в зависимости от специфики объекта воздействия.

Вот известный пример: в северных странах апельсиновый сок рекламируют как «концентрированную мощь южного солнца», а в южных странах данная символика неубедительна, так что в Италии в рекламе этого вида товара указывается на пользу содержащихся в апельсиновом соке витаминов [2].

При переводе (который по существу является процессом межкультурного общения) такой способ элиминирования лакун нередко оказывается эффективным в решении задачи максимального облегчения восприятия «чуждого», непонятного (т.е., в значительной степени лакунизированного) фрагмента текста (культуры) инокультурным реципиентом/читателем.

При переводе Библии для индейцев Северной Мексики в тексте истории о путешествии за море был использован близкий им образ болота: без такой замены текст не оказал бы нужного убеждающего воздействия на живущих в пустыне индейцев, не имеющих представления о море [2].

Компенсация абсолютно неизбежна при переводе на арабский язык 18-го сонета Шекспира «Сравню ли с летним днем твои черты...», поскольку образ знойного летнего дня вряд ли вызовет у арабского читателя те же положительные и поэтические ассоциации, что и у англичанина [16].

Отметим, однако, важную деталь: компенсация как путь к пониманию и познанию иной культуры, имеет существенные ограничения, т.к. не ведет к выработке нового знания, а лишь подменяет «чужое» «своим», непонятное — понятным. Тем не менее, при общении существенно различных (дистантных) культур компенсация нередко является единственно приемлемым (хотя и небезупречным) способом элиминирования лакун.

При переводе «Войны и мира» Л.Н. Толстого на бирманский язык внешность Наташи Ростовской («Черноглазая, с большим ртом, некрасивая, но живая девочка...») претерпевает принципиальные изменения: «... сияющие, как драгоценные камни, черные глаза и красивые, словно бутон лотоса, губы...». Русская девушка превратилась в бирманку и приобрела внешность местной красавицы. Переводчики «подчинились» национальной бирманской традиции, в соответствии с которой положительная героиня классического романа «по определению» должна быть красивой — иначе она не героиня и не положительная. Если инокультурному читателю не подсказать таким способом, как относиться к Наташе Ростовской, он попросту окажется дезориентированным, не сможет в дальнейшем разобраться в «русских» поступках персонажей романа Л.Н. Толстого [15].

Второй способ — это поиск различий в образах своей и чужой культуры и размышление

над найденным различием, причем «предмет чужой культуры при знакомстве с ним не должен терять чуждости, т.е. образ своей культуры не должен заслонять образ чужой культуры, а побуждать к выработке нового знания» [10, с.19]. Этот способ элиминирования лакун получил название **заполнение**.

Примером заполнения лакуны могут служить различного рода сноски, комментарии, с той или иной степенью подробности разъясняющие элемент «чужой» специфики. Приведем типичный случай заполнения лакуны, являющейся, одновременно и лексической (из группы языковых), и этнографической (из группы культурологических):

«Когда говорят о маме, вспоминают детство, родной очаг, отчий край. Все это связано у меня с материнским керчэхом. Керчэх — это якутское блюдо, приготовляемое из сливок, взбитых до такой степени, что можно есть вилоккой» (из периодической печати).

Как видно из примера, для более полного понимания русскоязычным читателем якутской реалии в текст вводится не только описание способа приготовления национального блюда, но и определяется его место в системе ценностей носителя национальной культуры.

Заполнение лакуны может быть различной «глубины» — от поверхностного (самые общие сведения об инокультурном явлении), до глубокого (детальная информация, подробные разъяснения), в зависимости от целей автора текста или специфики участников коммуникации. Так известны случаи, когда переводчики (которых мы рассматриваем как профессиональных посредников в межкультурном диалоге) включают собственные разъяснения поведения персонажей в авторский текст, созданный в дистантной культуре, элиминируя лакуну путем заполнения.

Эпизод из романа Л.Н. Толстого «Война и мир», когда Анатолий и Долохов похищают Наташу Ростовую «Нет, стой! — сказал Анатолий. — Затвори дверь, сесть надо. Вот так...» в переводе на бирманский язык (или точнее, при переориентации его на бирманского читателя) содержит переводческую адаптацию: «Нет, стой! Затвори, чтобы все было хорошо, помолимся, — сказал Анатолий. Закрыли двери, все сели, помолились» [15].

Ради своего читателя бирманский переводчик «дописал» текст Л.Н. Толстого, включив в него

разъяснения непонятого поведения инокультурных персонажей.

Как видно из примера, приём заполнения лакун лишен недостатков, свойственных компенсации, т.к. ведет к выработке нового знания о «чужой» культуре, способствует ее пониманию. Хотя использование этого приема также может иметь ряд ограничений в силу, прежде всего, его «громоздкости», а также неизбежного в таком случае искажения авторского текста.

б. Заключение

Разработанная в отечественной этнопсихолингвистике теория лакун в настоящее время широко используется в исследованиях, посвященных изучению этнокультурной специфики, где инструментом служит метод установления лакун, а классификационная сетка лакун применяется в качестве терминологической номенклатуры для описания

и «квалификации» выявляемых расхождений, как в языках, так и в культурах в целом. Исследования такого характера имеют широкомасштабную цель оптимизации межкультурного общения, а именно

- изучают (в сопоставительном аспекте) различные культуры, выявляя сходство и различия между ними (т.е. описывают новые разновидности лакун);
- разрабатывают стратегии прогнозирования «зон коллизий сознания» или «зон непонимания», возникающих в условиях диалога культур;
- предлагают специалистам эффективные приемы элиминирования лакун в качестве способов достижения взаимопонимания между партнерами по межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жельвис В.И. О некоторых национальных особенностях взаимоотношения языка и мышления // Сборник научных трудов ЯГПИ. — Ярославль. — 1976. — Вып. 146.
2. Райс К. Классификация текстов и методы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. — М., 1978.
3. Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология. — Самара, 1994.
4. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Культура и ее этнопсихолингвистическая ценность // Этнопсихолингвистика. — М., 1988.
5. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Опыт классификации лакун как один из способов описания национальной специфики // Теория лингвистических классификаций. — М., 1987.
6. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Понятие «чужой» в языковом и культурном контексте // Язык: этнокультурный и прагматический аспекты. — Днепропетровск, 1988.
7. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Социоментальные картины мира: опыт моделирования коллизий сознания // Язык и сознание. Парадоксальная рациональность. — М., 1993.
8. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. — М., 2001.
9. Степанов Ю.С. Французская стилистика. — М., 1965.
10. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение — новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. — М., 1996.
11. Текст как явление культуры. — Новосибирск, 1989.
12. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. — М., 2001.
13. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. — М., 2001.
14. Степанов Ю.С. Французская стилистика. — М., 1965.
15. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение — новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. — М., 1996.
16. Текст как явление культуры. — Новосибирск, 1989.
17. Топоров В.Н. Модель мира // Мифы народов мира. — Т. II. — М., 1988.
18. Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. — М., 1996.
19. Цивьян Т.В. Модель мира и (аван) текст // Slavic Almanach. The South African Year Book For Slavic, Central And East European Studies. Vol 7/10, 2001.
20. Черкасский Л.Е. Русская классика на Востоке. Экстра- и социолингвистические аспекты перевода // Взаимодействие культур Востока и Запада. — М., 1987.
21. Швейцер А.Д. Некоторые аспекты проблемы «язык и культура» в освещении зарубежных лингвистов и социологов // Национальный язык и национальная культура. — М., 1978.
22. Ertelt-Vieth, A. Culture and “Hidden Culture” in Moscow: A Contrastive Analysis of West German and Soviet Perceptions // Mediating Languages and Cultures/ Buttjes, D., Byram, M. (Eds). Multilingual Matters. — Clevedon, Philadelphia, 1990.

23. Grodzki, Erika. Using Lacuna Theory to Detect Cultural Differences in American and German Automotive Advertising — Peter Lang GmbH, 2003.
24. Hall E., The Hidden Dimension. — N.Y., 1966.
25. Panasiuk, Igor. Methoden interkultureller Forschung: Lakunen-Theorie und Optimierung interkultureller Kommunikation // Medientransformationsprozesse, Gesellschaftlicher Wandel und Demokratisierung in Sudosteuroopa. Peter Lang GmbH. — Frankfurt am Main, 2003.
26. Schroder, H. "Lacunae" and the Covert Problems of Understanding Texts From Foreign Cultures // Hartmut Schroder/Jerry Schuchalter/Brett Dellinger: Lacunaology. Studies in Intercultural Communication. — Vaasa, 1995.
27. Weaver Gary R., Culture, Communication, and Conflict. Needham Heights, MA, 1994.
28. Weaver Gary R., Understanding the Influence of Culture. Japan Related. — 1995. — №12.

Т.Б. Резникова

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ НОРМ ОБЩЕНИЯ В ОЦЕНКЕ ЯПОНЦАМИ ЭЛЕМЕНТОВ СВОЕЙ КИНЕСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Материалом для написания данной статьи послужили результаты анкетирования и интервью, проведенных в Японии в 2002 году с преподавателями, студентами, сотрудниками Университета г. Сидзуока и жителями г. Токио, а также с японскими студентами и стажерами в Москве (общая численность информантов составляет 75 человек). Поскольку в данном исследовании невозможно было охватить весь корпус описанных в литературе японских жестов, отбор их производился в основном с точки зрения эмблематичности жестов, их этнической специфичности, с учетом предварительных данных о варьировании употребления жестов мужчинами и женщинами и т.д. В анкету были включены вопросы по 39 жестам; количество обсуждаемых на устных интервью жестов (от 15 до 53) варьировалось в зависимости от обстоятельств — наличия времени, интереса к теме у интервьюируемых и т.д. Анкета содержала вопросы по номинациям и семантике жестов, их физическому выполнению, условиям употребления, частоте использования, вербальному сопровождению, половозрастным различиям и др.

При сборе и анализе сведений о японских жестах внимание уделялось не только этим общепринятым характеристикам кинем, но и оценке самими японцами жестовых форм (по этическому, эстетическому и др. критериям). Такой подход позволяет, на наш взгляд, понять «культурную логику» кинесического поведения японцев и восприятия ими кинесического поведения представителей иных лингвокультурных общностей, что может способствовать оптимизации межкультурной коммуникации.

При предварительной обработке анкет и интервью мы сводили вместе все данные по каждому жесту с указанием возраста и пола интервьюируемых, что позволило проследить половозрастные различия в нюансах выполнения жестов, в частоте употребления, в отношении к жестам.

По замечаниям наших респондентов, заметная доля описанных в литературе (см., напр., [9]) японских жестов в повседневной жизни не используется или используется очень редко, и этот факт представляется нам заслуживающим специального анализа. Мы попытались структурировать жесты, по поводу которых было высказано такое мнение, и проанализировать причины их редкого использования, опираясь на оценки самих респондентов.

Существует группа жестов, значения которых большинство респондентов (особенно молодых) не понимает. В основном это так называемые «уходящие» традиционные жесты, исчезновение которых связано с постепенным исчезновением реалий, которых эти жесты касаются, в частности, адапторов): *соробан о хадзюку* «подсчитывать» (*соробан* — японские счеты); *хидариутива* (букв. «веер в левой руке») «вести праздную жизнь»; *содэ но сита* (букв. «низ рукава кимоно», который образует нечто вроде кармана) «взятка»; *буракумин* («представитель касты париев», является жестом-табу) и некоторые другие жесты. В эту группу входит также небольшое количество жестов, которые функционировали в кинесической системе японцев недолгое время, их можно назвать «жестами одного поколения» (*ми ко* «пай-девочка», *сэксу* «сексуальные отношения» и др.).

Кроме того, существует достаточно большая группа жестов, значение которых известно большинству носителей японской культуры, но, как отмечают наши респонденты, употребляются они редко. Мы считаем возможным разделить их на следующие подгруппы, опираясь на комментарии респондентов в анкетах и интервью: 1) «невежливые» («оказывающие давление на партнера», «выражающие пренебрежение к партнеру» т.д.); 2) «не очень приличные»; 3) т.н. «театральные»; 4) «не японские».

Остановимся подробнее на каждой из подгрупп.

1) То, что чаще всего комментируется респондентами — вежливо или невежливо употребление данного жеста по отношению к партнеру. Этого аспекта касаются почти все замечания, в том числе по нюансам выполнения (так, более широкие, с большей амплитудой жесты считаются менее вежливыми, в некоторых жестах с позиций вежливости фиксируется угол наклона, разворот кисти и т.д.), ситуации употребления (особенно в плане *мэуэ* — *мэсита* отношений <старший — младший по статусу>) и т.д. Приведем реакции респондентов на некоторые жесты из этой подгруппы. *Соппо о муку* «отворачиваться»: «Думаю, немногие откровенно выполняют этот жест, просто стараются избегать общения» (женщина, 26 лет); «поскольку жест производит не очень хорошее впечатление, его лучше не использовать» (женщина, 27 лет); «нехороший жест» (женщина, 58 лет). *Атама* размышление (букв. «голова»): «Так как жестикулирующий показывает на голову, у партнера может возникнуть двойное толкование жеста — и «умный» и «глупый», в быту лучше не использовать» (женщина 27 лет); «по отношению к партнеру несколько высокомерный жест» (женщина 34 лет). *Нираму* «враждебно смотреть»: «Данный жест не использую, так как он производит неприятное впечатление» (женщина 26 лет). *Тоодзакэру* «отстранять, отмахиваться»: «Так как человеку, которому адресуется жест, это неприятно, к близким людям он не применяется» (мужчина 20 лет); «выражение лица несколько сердитое, почти не используют» (женщина 28 лет); «очень редко используется, так как приводит к ссоре» (мужчина 47 лет); «жест использовать нежелательно, я ни разу его не использовала» (женщина 25 лет).

Ко многим жестам большинство респондентов дает одинаковые комментарии: «По отношению к старшему невежливо» или «употребляется только

при непринужденных, близких отношениях». Некоторые респонденты обобщают: «В повседневной жизни жесты используются в общении с людьми своего уровня, равного статуса (друзья, коллеги) или же с близкими родственниками, а по отношению к людям более высокого социального положения это невежливо» (женщина 26 лет).

2) Некоторые жесты считаются неприличными, употребление их ограничено. Речь идет не о собственно сексуальных жестах, а о жестах, в которых содержится сообщение о чьих-то интимных отношениях (*канодзэ* «любовница»; *карэси то канодзэ* «любовники»; *окама* «гомосексуалист»).

3) По поводу достаточно большого числа жестов респонденты отмечали, что их используют в основном в теледрамах, телешоу или в комиксах-*манга* (*атама о какаэру* «взяться за голову в растерянности, страдании»; *атама о татаку* «постучать себя по голове» — при оплошности, когда вдруг вспомнил что-то; *хиясэ таратара* «холодный пот прошиб» — от страха, стыда и др.), а в реальной жизни они их не видели. Приведем комментарии по поводу некоторых жестов. *Дзуккокэру* (букв. «поскользнуться») — при разочаровании от чьей-то неудачной шутки и т.д.: «Сейчас уже не используют этот жест, только артисты используют» (мужчина 23 лет). *Онамида тэ:дай* пожалейте меня: «Встречается в сценах телефильмов, созданных специально, чтобы вызвать слезы» (женщина 23 лет).

Большинство жестов этой подгруппы относится к эмоционально-экспрессивным. Точнее было бы назвать их «кинематографическими жестами». Название «театральные жесты» (более близкое русскоязычному читателю) мы дали условно, чтобы подчеркнуть, что японцы не считают их приемлемыми для употребления в повседневной жизни, так как они излишне экспрессивны и демонстративны. Нельзя путать их со стилизованными фиксированными позами и жестами классического японского театра. Специфические сценические жесты часто используют в театре Кабуки, когда эмоциональность действия достигает наивысшей точки. В японском языке существует фразеологизм *оомиэ о киру* «принимать впечатляющую позу, делать преувеличенные жесты».

4) Некоторые жесты респонденты комментировали следующим образом: «Японцы их не употребляют» или «употребляют те, кто

заимствовал их из американских фильмов», т.е. налицо некоторое неприятие их как «не японских», не присущих японцам, причем это характерно не только для консервативной старшей возрастной группы.

Например, рукопожатие, хорошо знакомый японцам жест, респонденты четко воспринимают как «не японский» и используют его только в официальной обстановке. В комментарии на жест *гамбаро*: (жестикулирующие сжимают кисти поднятых до уровня подбородка полусогнутых рук в знак сплоченности, пожелания успеха и т.д., жест заимствованный, выполняется только близкими друзьями) указание респондентов на «не японский» характер жеста связано с отношением к рукопожатию: «Японцы почти не используют этот жест, что, возможно, связано с редким по сравнению с Западом распространением рукопожатия (мужчина 24 лет); «замечал, что иностранцы часто используют его, но японцы на людях этот жест почти не выполняют, допускаю, что, может быть, среди молодых японцев он встречается» (мужчина, 51 год) и т.д.

По поводу жеста «воздушный поцелуй» респонденты давали следующие пояснения: «Японцы не используют этот жест»; «видел раза два в жизни шутовское исполнение»; «в обычной жизни японцам это кажется странным, они стесняются, выполняют этот жест разве что в семье или среди близких друзей, но перед чужими — нет» и др. Речь идет не о стеснительности в отношении к телесной сфере в целом и взаимоотношениям полов в частности. В этом японцы могут в некоторых проявлениях даже шокировать западного человека (к примеру, разговоры о естественных отправлениях организма и совместные купания в горячих источниках, в отличие от европейской культуры, считаются абсолютно приличными), а именно к поцелуям. Возможно, в отношении к поцелуям, как и у жеста «прикрывание рта женщинами при смехе и разговоре», есть связь с *хагуро* — чернением зубов — обычаем, практиковавшимся японскими женщинами¹ с древних времен и встречавшемся в народе вплоть до начала 20 века, корни которого, по-видимому, очень глубоки и связаны, возможно, с обрядами инициации и защитной магией.

Жест «развести руки в стороны» в значении непонимания, затруднения респонденты также воспринимают как «не японский», отмечая, что

«его употребляют те, кто заимствовал американский стиль из фильмов». В ситуации недоумения японец может пожать плечами, существует и жестовый фразеологизм *куби о сукумэру* (букв. «втянуть шею»), но руки не разводят в стороны, как это делают русские или американцы, а оставляют опущенными вниз [5, с.118]. Жест *уинку* «подмигивание» также используют немногие. Как выразился один молодой человек (24 года), «число молодых японцев, использующих этот жест, наверно, близко к нулю, имидж у него не очень хороший».

Речь идет о заимствованных жестах, но так воспринимаются не все заимствованные жесты. Например, заимствованный жест *V-sайн* («виктори») со значением «все идет отлично» достаточно широко распространен. Этот жест не выражает особых эмоций, он скорее ритуальный, модный, часто выполняется при фотографировании. Акцентируемые японцами как «не японские» жесты воспринимаются таким образом именно потому, что они противоречат японским нормам поведения.

Наш материал свидетельствует о том, что определяющим в кинесическом поведении японцев является императив «ненарушения гармонии» коммуникантов², который в первую очередь подразумевает иерархичность отношений и сдержанность в выражении эмоций. При характеристике речевого поведения японцев всегда подчеркивается его некатегоричность, также связанная с общим принципом необходимости соблюдать гармонию между коммуникантами. Это в полной мере можно отметить и в кинесическом поведении японцев. Приведем замечание, высказанное нашими респондентами, которые объясняют сдержанность жестикуляции японцев (особенно это касается эмоциональных и оценочных жестов): «Жест больше подчеркивает (чем слова)»; «жестами понятнее, но лучше смотреть на глаза». Одна женщина (58 лет) в анкете почти к каждому жесту упорно давала комментарий «лучше словами». Нередко в ответ на наши вопросы о японских жестах следовал ответ: «Японцы не жестикулируют», что, скорее всего, подразумевает избегание категоричности. Не навязывать собеседнику своих чувств, мнений, не задевать его чувства очень важно для японца. Например, женщина 26 лет считает указанное в

¹ Был широко распространен в Юго-Восточной Азии, до сих пор существует в Индонезии.

² Об особенностях японской культуры, которые позволяют называть ее *сасси-но бунка* («культурой догадки чуткости»), *омоияри-но бунка* «культурой сочувствования», см. в работах: [8; 3;6] и др.

словаре — справочнике [9, с.55] название жеста — «онамида тэ:дай» («пожалейте меня») — не очень удачным, т.к. оно подразумевает требование от людей сочувствия; она предложила название *кандосите накэта* («тронут до слёз»).

Среди достаточно часто используемых жестов — этикетные (приглашение, поклоны, кивок — поддакивание, обмен визитными карточками, вручение и принятие даров и т.д., провозглашение тоста, жест обращения с просьбой; жесты практического характера, без которых не обойтись на расстоянии или из-за невозможности говорить по другой причине и т.д., то есть жесты, не нарушающие общих поведенческих норм японской культуры. Этикетные жесты в большинстве своем относятся к разряду *сигуса*. Японцы различают понятия *мибури* и *сигуса*. Оба слова переводятся как жест, но *сигуса* — понятие более широкое, чем жест, включающее также значения «манера поведения», «манера двигаться», «поведение, обращение с кем-либо», «манера игры на сцене». Манеры — социально обусловленные ритуализованные формы поведения, приспособленные к определенным ситуациям (за столом, этикет беседы и т.д.), т.е. комплексные динамические знаковые формы, знания о которых приобретаются в опыте и в результате обучения (например, в японских школах проводятся специальные уроки обучения правилам японского поклона). К *сигуса* относятся поклоны, прикрывание рта рукой у женщин при смехе и смущении и т.п. А *мибури* и *тэбури* (букв. «телодвижения и движения рук») — это жесты с конкретной целью показать или выразить что-то партнеру. *Сигуса*, выполняющие метакоммуникативную функцию, играют в общении японцев более существенную роль.

В исследовании уделено достаточно большое внимание различиям по полу и возрасту в кинесическом поведении японцев. При составлении анкеты мы обратились к респондентам с просьбой упоминать об этих различиях при описании каждого жеста, во время интервью уточняли разницу в мужском и женском выполнении жестов, задавали общие вопросы об особенностях кинесического поведения мужчин и женщин разных возрастов. Далее мы попытаемся обобщить полученные сведения, изложив также замечания общего характера, полученные в интервью.

В японской кинесической системе выделяется значительное количество мужских и женских жестов, а также существуют мужские и женские варианты многих «общих» жестов. Среди

женских и преимущественно женских жестов назовем жесты *кути ни тэ о атэру* («прикрывать рот рукой при смехе, оговорке»), *тэ о ториаттэ суру* («браться за руки и радостно трясти ими при встрече»). Кроме того, только женщины выполняют следующий жест при какой-то неожиданности (например, когда внезапно узнают, что будет экзамен): слегка отшатываются и делают следующий жест — изогнутая ладонь расположена у угла рта, но достаточно далеко от лица — со словами «э! *коматта!*» («ой, что же делать?!»). Как заметил респондент, описавший данный жест, «раньше аристократки использовали веер, может быть, чтобы скрыть лицо от посторонних, когда плачут или смеются». Эмоциональные жесты, особенно жесты, выражающие сильное волнение (*мунэ ни тэ о атэру* «прикладывать руку к груди», *атама о какаэру* «обхватить голову руками», *хиясэ тара тара* «холодный пот», *онамида тэдай* «пожалейте меня» и др.), также чаще используют женщины.

Есть и мужские жесты, не используемые женщинами: *атама о каку* («чесать голову» — при затруднении, неловкости); *сакэ о ному* («приглашение выпить»); *тэгатана* букв. «рука-меч» — если надо пройти (женщина в таком случае извинится вербально: «*сигурэй симас*» или «*гомэн насай!*»); «указание подбородком»; «смех с хлопком в ладоши» и указанием на человека, вызвавшего смех в значении «забавно!», «отличная идея!» и др. Респонденты отмечают, что жест «показывать пальцем», который японцы стараются вообще не употреблять по отношению к людям, женщины выполняют реже, чем мужчины, что неудивительно, так как это жест человека с более высоким статусом, а статус женщины в японском обществе заведомо ниже. Во время интервью мы попросили японцев прокомментировать результаты эксперимента Раффлера-Энджела, в котором парам (мужчина и женщина) из разных стран было предложено перевести записанный на аудиопленку диалог, в котором сестра обвиняет брата [см. в: 2, с.217-219]. В эксперименте фиксировалось с помощью видеозаписи жестовое поведение переводчиков (представительницы большинства культур, кроме исландцев, японцев и носителей языка урду, указывали на «брата» пальцем со словами «это ты виноват»), на основании чего утверждается, что «статус женщины в Японии делает невозможным употребление обвинительных жестов женщины в адрес мужчины». Комментарии наших респондентов были следующими: «В этой

ситуации женщина покажет рукой со словами «*аната га варуй*» (это ты виноват), потому что рукой вежливее, чем пальцем»; «жена по отношению к мужу не может использовать данный жест, старшая сестра по отношению к младшему брату может, а младшая сестра к старшему брату — нет». Таким образом, утверждение о недопустимости для женщины обвинительных жестов, адресованных мужчине, не совсем корректно, они в принципе возможны, а допустимость их определяется статусом участников коммуникации. По поводу жеста «подзывание официанта в ресторане» респонденты заметили, что мужчины поднимают руку, а женщины предпочитают вербальные варианты, если нет звонка. Молодые женщины не исключают поднятия руки, но обычно ждут, когда официантка пройдет мимо и обращаются к ней. Большинство (и мужчины, и женщины) считают, что если есть возможность (официант близко, услышит и т.д.), лучше обратиться вербально («допустимо поднять руку, но не очень прилично»), но все-таки среди женщин больше ответивших «звонят словами», «без жестов, только словами». Поднятие руки вообще не очень женский жест (например, в знак приветствия женщины предпочитают помахать рукой на уровне лица, а мужчины — поднять согнутую в локте руку выше головы). К мужским жестам относится и *гамбаро*: — жест моральной поддержки, поздравления с успехом; выполнение его женщинами встречается в редких случаях — у спортсменов или в различных шоу. Жест *гаццупо:дзу* (поза выдержки, уверенности в победе) также используется только мужчинами. «Бить себя в грудь» (ладонью, реже — кулаком) со значением «уверенность в себе» — также мужской жест.

Жесты, которые примерно в равной степени используют и мужчины, и женщины, часто имеют мужской и женский варианты исполнения. Так, при исполнении жеста *доодзо* («приглашение») женщины меньше отводят локоть от туловища, при выполнении жеста «указание на себя» (*дзибун о сасу*) женщины, особенно молодые, чаще подносят палец не к носу (как мужчины), а к щеке, подбородку или к груди и т.д. В традиционном японском поклоне *одзиги* у мужчин и женщин различается угол наклона туловища (у женщин спина круглее, чем у мужчин); у мужчин при выполнении очень вежливого поклона руки по швам (в менее церемонной форме руки могут быть слегка отведены за спину), а у женщин ладони сложены перед собой одна на другой; носки у женщин

направлены немного вовнутрь; мужчины кланяются не так долго, как женщины. Есть нюансы и в ситуациях употребления «общих» жестов. Жест *канкэй о утикиру* «разрывать отношения» (рубящие движения по ладони сверху вниз ладонью другой руки) — «очень сильный жест», как заметила одна молодая женщина, мужчина может использовать его, говоря о себе, если очень сердит, а женщина — только в разговоре о другом.

Трактовка некоторых жестов у женщин имеет более эмоциональную окраску. Например, в толкованиях преимущественно женского жеста *соппо о муку* (отворачиваться, выражая недовольство) у женщин чаще фигурировали «обида», «возмущение», а у мужчин чаще — «отказ», иногда — «сердиться». Как отмечалось в интервью, японка (но не японец) может (очень редко), всплеснуть руками. Такая сильная эмоция как ревность считается у японцев женским чувством, сам жест *они* (черт, а также ревность) трактуется во фразеологическом словаре исключительно как «женская ревность». В театре Но есть маска с рогами (*Ханья*), в которой появляется дух ревнивой женщины. Глагол *фусубэру* во фразеологическом словаре переводится как «чадить, дымить; выражать не прямо свое недовольство; ревновать, упрекать мужчину(!) из ревности» [1, с.383]. Интересно, что по поводу жеста *обакэ* (привидение) молодая японка сказала, что привидения бывают только женского пола. На мой вопрос «почему привидениями бывают только женщины?» она ответила: «Покойники уходят в иной мир, а привидения не уходят, потому что их привязывают к этому миру сильные эмоции — о детях беспокоятся или сильно рассердились; долго испытывать и помнить чувства характерно для женщин, а мужчины легко забывают, думают о том, что сейчас».

В то же время в трактовке жестов женщинами меньше выражена оценочность действий партнера по коммуникации или третьего лица. Например, в жест *гомасури* («лесть») мужчины обычно вкладывают порицание: «Насмешливый жест, когда кто-то говорит вышестоящим льстивые слова» (мужчина, 55 лет); «используют, когда порицают чьи-то действия, когда дразнят кого-то» (мужчина, 49 лет); «лестить другим (в не совсем хороших случаях)» (мужчина, 51 год); «лестить начальству, вышестоящим» (мужчины 37 и 47 лет); «когда хочешь показать, что человек угождает кому-то» (мужчина, 23 года). Женщины зачастую вообще не трактуют этот жест со смыслом «порицание» или выражают его мягче:

«Когда стараются заслужить расположение партнера», «кокетничать, заигрывать, превознося до небес», «когда хвалят достоинства партнера», «улучшать настроение партнера», «когда хотят, чтобы у партнера все было наилучшим образом», «совет сделать что-то как следует, искусно, тактично». В некоторых случаях трактовка женщин вообще не связана с лестью: «Когда осенила какая-то интересная мысль» (женщина 29 лет); «а-а, поняла!» (женщина 23 лет). Мужчины четко связывают жест *дзуккокэру* (поскользнуться) с реакцией на неудачные слова собеседника: «Когда удивлен или разочарован тем, что говорит собеседник» (мужчина, 23 года); «жест выполняется по отношению к человеку, который сказал не очень удачную шутку» (мужчина, 24 года); «в ситуации, когда портится настроение, общая атмосфера, если собеседник сказал что-то вразрез с течением беседы, что-то совсем не то» (мужчина, 55 лет). В большинстве ответов женщин нет столь четкого осуждения партнера, скорее жест рассматривается как реакция на ситуацию в целом: «при какой-то неожиданности» (женщина, 28 лет); «удивление, когда внезапно произошло что-то глупое, нелепое, абсурдное, чего совсем не ожидал» (женщина, 23 года).

Наблюдаются и возрастные различия. От возраста зависят нюансы физического выполнения некоторых жестов. Например, жест «приглашение» пожилые женщины выполняют на более низком уровне (на уровне талии), чем молодые, возможно из-за того, что они чаще носят кимоно и привыкли следить за тем, чтобы не спадал его широкий рукав. Указывая на себя, молодые женщины реже подносят палец к носу, чем пожилые, предпочитая подносить его к щеке и т.д. Иногда возрастной фактор сказывается и на длительности исполнения жеста. Пожилые женщины имеют обыкновение выполнять *одзиги* (японский поклон) значительно дольше молодых. Как заметил один из интервьюируемых, «бабушки кланяются чуть не по 5 минут и благодарят за все, что было со времени последней встречи».

Старшее поколение, безусловно, лучше знает и чаще употребляет традиционные японские жесты, мало использует заимствованные и новые модные жесты. Молодежь, соответственно, наоборот. В последнее время молодые девушки стали использовать некоторые мужские жесты и позы, которые раньше не использовали — жест «курить», «постучать по плечу» (но значительно мягче, чем мужчины), позу *агура* (сидеть со скрещенными ногами) и т.д. Немолодые люди

строже следят за впечатлением, которое жест производит на окружающих. Например, немолодые люди, в отличие от молодых, иногда отмечают, что жест *оканэ* («деньги») «используется чаще в плохом смысле, поэтому его лучше избегать». Некоторые немолодые люди считают, что в тех случаях, когда жест *куби о касигэру* («наклонить голову к плечу») выражает недоверие к партнеру, сомнение в его намерениях, его не стоит использовать и т.д. То же можно сказать и в отношении жеста *атама* («голова»). Немолодые люди давали меньше значений, содержащих негативную оценку чьих-то умственных качеств. Немолодые люди дают больше комментариев по поводу неприличности, вульгарности жестов (*канодзё* и др.). Но стоит отметить, что молодые (особенно женщины) едва ли не чаще представителей старшего поколения, комментировали употребительность жестов в аспекте *мэуэ-мэсита* (статусность) отношений, что, впрочем, неудивительно, так как именно молодежи необходимо уделять этому особое внимание, вступая в самостоятельную жизнь в иерархически организованном японском обществе.

Некоторые респонденты в отведенной для свободного комментария графе анкеты изложили свое мнение об особенностях кинесики японцев (по поводу не вошедших в анкету жестов, поз и т.д.), в том числе касающихся изменений в кинесическом поведении за последнее время. Женщина 26 лет отметила, что походка жителей тихой (по сравнению с Токио) Сидзуоки менее напряженная, более уверенная и спокойная. Другие респонденты отмечали, что провинциальные жители допускают меньшую дистанцию при общении (у японцев обычная коммуникативная дистанция — 3 шага, а не 2, как у русских). О дистанции были также следующие добавления: «Раньше было принято, что жена идет на 3 шага позади мужа, сейчас это сохранилось лишь при дворе императора» (женщина 58 лет); «Раньше жена ходила позади меня, а теперь — я позади нее (мужчина 50 лет).

В ходе интервью обсуждались вопросы о различиях в невербальном поведении мужчин и женщин не только по отдельным жестам, но и в общих чертах — что для японцев считается типичным, красивым, некрасивым и т.д. Некоторые высказывания по этому вопросу мы представим далее, указывая пол и возраст респондентов.

Молодой человек 28 лет: «Красива женщина в кимоно. В нем трудно вести себя как в европейской одежде (например, садиться), и

женщина в кимоно ведет себя по-другому — ходит мелкими шагами, осанка меняется. Часто отмечают, что женщина в кимоно красива, т.к. волосы подняты вверх, и шея открыта (у *майко* — ученицы *гейши* — еще и воротник особым образом отодвинут от шеи — Т.Р.). Красивым считается, когда женщина в европейской одежде тоже следует этим нормам. Например, когда секретарь-женщина показывает клиенту комнату, характер движений ее больше напоминает традиционный (как в кимоно), так как это иерархическая ситуация, и необходимо вести себя традиционно — ходить мелкими шагами, не смотреть в глаза и т.д. Кимоно особенно подходит пожилым женщинам маленького роста — оно улучшает пропорции при низком росте, а вот на высоких и очень тонких оно смотрится не очень красиво (моей жене больше идет европейская одежда). Подобрать узор, цвет кимоно — целое искусство, например, крупным женщинам не подходит кимоно с мелким простым узором. Парадоксальная ситуация — японцы считают, что если женщина тихая, неактивная, то это хорошо, но если японка занимается *тайко* (игра на японских барабанах), *айкидо*, *каратэ*, это тоже считается красивым, а если боксом — нет; если финка бросает копье, это красиво, а японка — некрасиво». (В этом можно усмотреть определенную логику, ведь в перечисленных японских искусствах мускульная сила — не главное, а движения соответствуют японским представлениям о красоте — Т.Р.).

Мужчина 47 лет: «Мужчины считают, что красивая женщина — неактивная, двигается тихо, медленно, действует «за мужчиной». Старшее поколение считает, что идеальная женщина говорит негромко; поступает по совету мужчины; она хорошая домохозяйка; смеется, прикрывая рот рукой, так как ей стыдно, что рот открыт; стыдно также есть открыто, накладывать косметику; неприлично также громко смеяться, расставлять ноги. Женщины ходят, отставив таз чуть-чуть назад, а мужчины — выдвинув немного вперед, ноги у мужчин расставлены, а у женщин вместе. Роли в жизни у мужчин и женщин различны и определены: например, гостей встречает женщина (мужчина не выходит), к телефону подходит женщина и сообщает об этом мужчине; алкогольные напитки мужчинам наливает женщина; деньги муж отдает жене».

Женщина 34 лет: «Слышала, что с точки зрения мужчин, женственным считается прикрывать рот рукой, подавать и брать стакан как на чайной церемонии, отставлять мизинец,

держа стакан, поправлять волосы *хантай-но тэ* (т.е. с правой стороны левой рукой и наоборот). Снимая обувь (с молнией, например), поворачиваются боком и присаживаются, не разводя коленей и не поднимая ноги (хотя японцы предпочитают обувь, которую легко снимать, так как часто приходится это делать на публике, например в японском ресторане — Т.Р.). В последнее время многое изменилось: женщины работают, их сознание изменилось³; можно даже увидеть девушек в мини-юбках, севших на земле в круг и едящих *о-бэнто* (ланч в коробке, взятый из дома или купленный в магазине) в позе *агура* (со скрещенными ногами), что не очень-то красиво. Чертами идеального мужчины являются, по-моему, мужественность, честность, сила духа» (на вопрос об идеале мужчины — Т.Р.).

Женщина 28 лет: «Женщины более вежливы, женственным считалось употреблять *хомэкотоба* (букв. «хвалебные слова и формы», они сохранились лишь частично). Только по отношению к женщинам употребляется слово (*о*)*ситоякана* «грациозный; спокойный и элегантный» (оно является, в сущности, синонимом слова «женственный» — Т.Р.). Мужчинам не пристали женственные жесты, например, мужчины не носят пакеты, повесив их на предплечье. Чертами настоящего мужчины являются, по-моему, рассудительность, честность, достоинство».

Как можно заметить, в нескольких интервью упомянуты такие черты японских женщин, как грациозность движений (существует фразеологизм *э ни кайта моно но химэгими* красавица словно с картинки в книжке, сравнение для красивой, но не обладающей грациозностью движений женщины) и скромность, которая в кинесике проявляется, например, в нежелательности разведения ног при движениях и некоторых позах. Так называемая «открытая поза» (колени не сдвинуты) в Европе и Америке для женщин считается вполне допустимой и даже оценивается скорее положительно (считается, что она демонстрирует открытый характер), в

³ Об изменении жестового поведения в связи с этим пишут многие японские исследователи. Напр., М. Накамура объясняет использование современными японками жеста «скрещивание рук на груди», который многие авторы считают проявлением упорства (оборонительной или наступательной позиции в зависимости от деталей исполнения жеста) именно тем, что изменились времена (*«гамбару дзидай кара цуппару дзидай ни натта»* «эпоха выдержки сменилась эпохой упорства, настаивания на своем» [4, с.10]; кстати, глагол *цуппару* означает также «вести себя вызывающе»).

Японии же она недопустима. В.А. Пронников и И.Д. Ладанов, ссылаясь на статью в Japan Times за 1979 год, приводят слова японки, проживающей в США: «Я не могу удержаться от того, чтобы не сделать замечания своей 19-летней дочери, когда вижу, что она спит в неподобающей позе. С моей точки зрения, это нескромно. Моя мать называет это неумением контролировать себя». Речь идет о том, что японская женщина не должна терять своего достоинства и во сне. Подобающая поза — на спине со сложенными вместе ногами и вытянутыми вдоль тела руками. В самурайских семьях к ней приучали, связывая перед сном ноги [7, с.126]. Мы не хотим сказать, что такие представления сохранились в полной мере по сей день (о переменах свидетельствует многое, в том числе результаты интервью), но совсем они не могли исчезнуть.

Соединение коленей, как типично женскую черту кинесического поведения, отмечают также при описании манеры игры *оннагата* — актеров, исполняющих женские роли в театре Кабуки (для Кабуки вообще характерно подчеркивание мужественности и женственности в движениях и жестикуляции). Кроме того, женственность в игре этих актеров акцентируется тем, что колени их сильно согнуты, стопы повернуты вовнутрь (существует фразеологизм *утимата дэ аруку* «ходить носками вовнутрь», быть мягким, податливым), голова наклонена в одну сторону. А актеры, исполняющие мужские роли, чтобы подчеркнуть свою мужественность, передвигаются, выставляя вперед одновременно то левые, то правые ногу и плечо, руки у них сжаты в кулаки, а локти оттянуты за спину.

Таким образом, разделение кинесического поведения на женское и мужское в японской культуре прослеживается значительно более четко, чем в русской, например. В японской кинесической системе существует значительное число жестов, выполняемых только мужчинами или только женщинами, а также мужские и женские варианты многих «общих» жестов. Характерными чертами кинесического поведения японских женщин можно назвать следующие: среди «женских» жестов больше эмоциональных кинем, чем среди «мужских»; женщинам в трактовке жестов и их употреблении меньше

присуща оценочность качеств и действий партнера; большее внимание уделяется проявлению вежливости по отношению к партнеру и правилам приличия; эстетический момент более значим для женщин (напр., женщина в кимоно придерживает рукав, если поднимает руку, мужчина не придерживает); практически невозможно для женщин использование знаков маскулинности (напр., жестов со сжатой в кулак кистью); у женщин наблюдается меньшая амплитуда жестов (рука поднимается на меньшую высоту, меньше угол отведения от туловища), более плавное выполнение жестов. Как это характерно для большинства мировых культур, у японцев в мужском жестовом поведении больше «силовых» жестов, чем у женщин, но граница проходит более четко, чем в других культурах: для жестовых форм, которые даже в небольшой степени предусматривают резкость движений, существуют ограничения в употреблении их женщинами.

Анализ данных, полученных с помощью анкетирования и интервью, показывает, что жесты четко оцениваются японцами по соответствию характера жестовой формы общей антиконфликтной стратегии коммуникации, принятой в японской культуре. С императивом «нарушения гармонии» в отношениях коммуникантов связана достаточно строгая регламентированность кинесического поведения японцев (с соблюдением иерархии) и его рефлексивность, что проявляется, в частности, в невысокой доле эмоционально-экспрессивных и оценочных жестов. В то же время указанный императив предполагает необходимость улавливать тончайшие нюансы эмоционального состояния партнера. На наш взгляд, именно сочетание этих требований объясняет отмеченную в данном исследовании значительную роль более тонких и менее категоричных (чем мануальные кинемы, напр.) невербальных средств (таких, как *мэугоки* «движения глаз») в репрезентации (и, соответственно, перцепции) эмоциональных состояний участников коммуникативного акта.

ЛИТЕРАТУРА

3. Бернсон Б. Живописцы итальянского Возрождения. — М., 1965.
4. Булатова А.П. Концептуализация знания в искусствоведческом дискурсе // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. — 1999. — №4.
5. Ван Гог В. Письма. — М.; Л., 1966.
6. Виленкин В.Я. Модильяни. — М., 1970.
7. Вишпер Б.Р. Введение в историческое изучение искусства. — М., 1985.
8. Галеев Б.М. Проблема синестезии в эстетике // Современный Лаокоон. Эстетические проблемы синестезии. — М., 1992.
9. Галеев Б.М. Человек, искусство, техника. — Казань, 1987.
10. Дьякова Т.А. Скрытый механизм синестезии // Современный Лаокоон. Эстетические проблемы синестезии. — М., 1992.
11. Елина Е.А. Вербальные интерпретации произведений изобразительного искусства. — Волгоград; Саратов, 2002.
12. Кочик О.Я. Мир Гогена. — М., 1991.
13. Краткий словарь терминов изобразительного искусства. — М., 1965.
14. Оганов А.А. Синестезия и синтез в искусстве // Современный Лаокоон. Эстетические проблемы синестезии. — М., 1992.
15. Рождественская Г.А. Архитектура и синестезия // Современный Лаокоон. Эстетические проблемы синестезии. — М., 1992.
16. Энгр Ж. Энгр об искусстве. — М., 1962.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

И.Г. Бескорвайная

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК СПОСОБ РЕКОНСТРУКЦИИ
ФРАГМЕНТОВ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Ценность исследований, связанных с теоретической разработкой проблематики языкового сознания, попытками реконструкции и описания его ядра и отдельных фрагментов, очевидна. Сегодня она возрастает ещё и в связи с активным развитием таких относительно новых дисциплин, как лингвокультурология, межкультурная коммуникация и др. Признавая необходимость интегративного подхода к изучению языкового сознания, отметим, что ассоциативный эксперимент занимает в ряду методов реконструкции языкового сознания особое место: именно он позволяет исследователю максимально «приблизиться» к ментальному лексикону, вербальной памяти, культурным стереотипам человека.

Продемонстрируем это на примере реконструкции отдельного фрагмента национального языкового сознания, для чего попытаемся ответить на вопрос: как в сознании русского человека представлены концепты *деньги*, *богатство*, *бедность*? Заметим попутно, что термин «концепт» не отождествляется нами с понятием. Нам близка интерпретация концепта, согласно которой концепт — некий «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово [1].

Проведённый ассоциативный эксперимент включал слова-стимулы *деньги*, *богатство*, *бедность*, на которые испытуемым было предложено дать несколько реакций. Общее количество испытуемых — 91 человек (студенты Омской академии МВД России), возраст которых варьируется в пределах от 17 до 22 лет.

Полученные в результате эксперимента данные объединялись нами в ассоциативные поля, каждое из которых представляет собой совокупность ассоциатов на слово-стимул. В каждом из трёх ассоциативных полей выделяются ядерная и периферийная зона. Ядро формируется ассоциатами с высоким индексом частотности, на периферии оказываются менее частотные и единичные реакции. Так, к ядерной зоне мы условно отнесли реакции с процентно выраженным индексом частотности от 63,7-36,2% (верхний барьер) до 9,8-7,6% (нижний барьер), при этом каждому ассоциату была

присвоена отдельная позиция. Рассмотрим последовательно каждое из полученных нами ассоциативных полей, особое внимание уделяя ядерным зонам: именно частотные, наиболее повторяющиеся реакции, как представляется, эксплицируют относительно устойчивые, стабильные компоненты языкового сознания. С другой стороны, полученный материал не позволяет игнорировать реакции, приведённые немногими или единичными участниками эксперимента. Такие данные, будучи обобщёнными и систематизированными, по нашим наблюдениям, часто подтверждают выводы сделанные на основании анализа ядерной зоны.

Ядро ассоциативного поля *деньги* представлено следующими реакциями:

Таблица 1

Ядро ассоциативного поля *деньги*

№	Реакция	Индекс частотности
1.	богатство	33
2.	власть/работа	25
3.	машина	19
4.	отдых	18
5.	банк	17
6.	бумажки	15
7.	магазины	14
8.	зарплата	13
9.	доллары	12
10.	покупка/бизнес	9

Концепт *деньги*, как видно из таблицы, ассоциируется у информантов с их наличием, и не просто наличием, а с большим их количеством, что подтверждается реакцией *богатство*, приведённой 33 респондентами. Большое количество денег имеет следствием *власть* (вторая по частотности позиция). Наличие денег также даёт доступ к определённым благам, актуальным прежде всего для молодых людей: *машина* (19), *отдых* (18), *магазины* (14), *покупка* (9). Другие «ядерные» реакции отсылают к способам получения денег: *работа* (25), *бизнес* (9).

Данные перечисленных десяти позиций и остальных, менее частотных, позволяют выяснить, чем представлены *деньги* как родовое

понятие: доллары (12), валюта (6), зелёные (5), евро (4), баксы (3); на рубли приходится только 8 реакций. Такая количественная асимметрия (30:8) свидетельствует о том, что в сознании наших респондентов деньги связаны не столько с отечественной денежной единицей, сколько с иностранными.

Кроме того, предложенный стимул вызвал ассоциаты-наименования эмоций, чувств и их внешних проявлений: счастье (6), радость (5), зависть (3), удовольствие (2), слёзы (2), несчастье (2), смех (1), горе (1). Такие реакции располагаются на периферии ассоциативного поля. Общее количество «эмоциональных» реакций — 22. «Вовлечение» денег в эмоциональную сферу, как представляется, говорит в пользу значимости, особой важности этого концепта для современных молодых людей.

Гендерно обусловленные (объясняемые принадлежностью респондента к тому или иному социальному полу) реакции присутствуют только в материалах юношей-респондентов. Так, деньги ассоциируются у них с девушками (4), женщинами (2), красивой женой (1).

Воспользовавшись известной схемой В.А. Пищальниковой [2, с. 207], которая отражает содержание концепта (смысла) как динамическое соотношение между его составляющими: тела знака, понятия, представления, предметного содержания, эмоции, оценки и ассоциации, — представим структуру концепта деньги. На понятийный элемент концепта приходится 9,9%, представления составляют 71,6%, эмоции и оценки 12,4%, ассоциации 3,2% и предметное содержание 2,8%. Налицо преобладание среди ассоциатов представлений («образов, возникающих в индивидуальном сознании» [3, с. 384]), — 71,6%. Эти представления, весьма разнообразные, могут быть объединены в первую очередь на основании интегративных признаков материальные блага и источники получения денег (см. об этом выше).

Ядро ассоциативного поля богатство также представим в виде таблицы с десятью позициями:

Таблица 2

Ядро ассоциативного поля богатство

№	Слово-реакция	Частота
1.	деньги	58
2.	власть	21
3.	золото	20
4.	машины	19
5.	отдых	15
6.	дом	14
7.	успех	11

8.	счастье/радость/свобода/уважение/роскошь	10
9.	работа/жадность	9
10.	возможности/клад/банк/зависть/развлечения/вилла/жизнь	8

Как видно из таблицы, большая часть респондентов (58 из 91) связывает данное слово с деньгами. Таким образом, деньги и богатство как стимул и реакция оказываются взаимообусловленными и взаимопределяющими. Далее со значительным отрывом следует ассоциат власть. Напомним, что реакция власть занимает вторую позицию и в предыдущем случае примерно с одинаковыми количественными показателями (25:21). Значительная доля в общем количестве реакций приходится на те, которые указывают на конкретные проявления богатства: золото (20), машины (19), отдых (15), дом (14), вилла (8), потом по мере удаления от ядра ассоциативного поля — море (6), рестораны (6), драгоценности (6), сокровища (5), магазины (5), бриллианты (4), Мерседес (3), одежда (3), яхты (2) и т.д.

В нашем материале представлены также ассоциаты, отсылающие к «носителям» богатства, но таких реакций немного, они занимают, скорее, периферийный участок ассоциативного поля: миллионер (2), новые русские (2), банкир (2), богач (1), меценат (1), бандит (1), олигарх (1), Билл Гейтс (1), Алладин (1). «Источников получения» богатства оказывается больше, чем «источников получения» денег. Это, кроме работы (9) и бизнеса (2), ещё и клад (8), наследство (6), казино (5). Последние три указывают на некоторую долю случайности, непредсказуемости появления богатства, что косвенно подтверждается другими, правда единичными, реакциями, приведёнными испытуемыми: везение, шанс, риск, стремительно. Представление о богатстве не как о закономерном результате добросовестного труда в течение многих лет, а как 'вдруг', 'ниоткуда', 'неизвестно за какие заслуги взявшегося' блага типично для русской ментальности, что отразилось в сказках, пословицах и поговорках (к примеру, *От трудов праведных не наживёшь палат каменных*).

Богатство оказывается важным для молодых людей-респондентов ещё и как средство достижения свободы (10), самостоятельности (2), независимости (7), думается, прежде всего от родителей (5).

По сравнению с концептом деньги рассматриваемый концепт более окрашен эмоционально: счастье (10), радость (10),

зависть (8), *удовлетворение* (5), *страх* (4), *любовь* (2), *злость* (1), *печаль*(1), *нежность* (1), *беспокойство* (1), *ненависть* (1), *удовольствие* (1), *несчастье* (1), причём положительные чувства и эмоции превышают отрицательные практически в два раза (29:16).

Гендерно обусловленные реакции прослеживаются и здесь. У испытуемых-представителей мужского пола *богатство* задаёт ассоциации *девушки* (4), *девочки* (2), *любовницы* (1). Как видим, данные ассоциаты косвенно отсылают к следствию богатства, это своего рода выгода, которая может быть извлечена из последнего. У представительниц женского пола единственная гендерно обусловленная ассоциация *муж* (4) указывает на потенциальный источник получения, а не на следствие богатства, как у юношей-респондентов.

Структурно концепт *богатство* выглядит так: понятия 12,7%, представления 64,0%, эмоции и оценки 21,3%, ассоциации 1,9%. По сравнению с концептом *деньги* представления также занимают максимальный объём в структуре концепта, но эмоционально-оценочный элемент концепта *богатство* значительно расширяется за счёт возросшего количества эмоционально положительных реакций и оценочных ассоциатов. Большая часть оценочных реакций положительные, это *благополучие*, *могущество*, *щедрость*, *хорошо*, *процветание*, *достаток* и др., однако встречаются и единичные отрицательные, например *расточительство*, *скупость*, *вседозволенность*, *криминальный*, *зло* и т.д. Однако единичность отрицательных оценочных ассоциатов на стимул *богатство*, как представляется, не может служить доказательством устойчивого убеждения в том, что для русского человека богатство не только благо, но вместе с тем и зло (о подобном отношении русских к богатству см., например, в [4]).

Если ассоциативные поля *деньги* и *богатство* имеют много общего, а соответствующие концепты во многом сходны по структуре, то ассоциативное поле *бедность* существенно отличается от рассмотренных выше. Наиболее частотные реакции на заданный стимул таковы:

Таблица 3

Ядро ассоциативного поля *бедность*

№	Слово-реакция	Частота
1.	Нищета	40
2.	Голод	29
3.	Бомж	21
4.	грязь	19
5.	болезни	17

6.	проблемы	12
7.	смерть/пьянство	10
8.	нехватка/слёзы	9
9.	унижение/недостаток/неудача	8
10.	безработица	7

Первая по частоте реакция — её привело чуть меньше половины респондентов — схожее с *бедностью* понятие, симиляр *нищета*. *Нищета* в «Словаре синонимов русского языка» [5] приводится как синоним *бедности*, но у данного слова степень проявления, глубина признака выражены более интенсивно, чем у слова *бедность*, что отмечается в толковом словаре [6]: *нищета* — ‘крайняя бедность’. Данный ассоциат подтверждает мысль о том, что «плохое» в сознании индивида, как правило, заостряется, приобретая гипертрофированные формы. В третьей позиции представлена реакция, выявляющая «носителя» бедности — *бомж* (21), по мере удаления от центра ассоциативного поля подобные реакции располагаются следующим образом: *нищий* (3), *старушка* (2), *наркоманы* (1), *бабушка*(1), *бюджетники* (1), *алкаши* (1), *попрошайки* (1), *крестьяне* (1), *люмпены* (1).

С *бедностью* в сознании современного молодого человека связываются такие представления, как *голод* (29), *грязь* (19), *болезни* (17), *смерть* (10), *пьянство* (10), *бутылки* (6), *верёвка* (3), *мыло* (3), *корочка хлеба* (3), *лохмотья* (2), *авоська* (2) и др. Можно говорить и о «локализации» бедности, это *теплотрасса* (5), *помойка* (3), *трущоба* (3), *подвал* (3), *улица* (3), *Россия* (3), *переход* (2), *вытрезвитель* (2), *тюрьма* (2), *вокзал* (2), *лачуга* (1), *деревня*(1), *каморка* (1). Ей сопутствуют тяжёлые погодные условия: *холод* (5), *дождь* (3), *туман* (2), *снег* (2). Очевидна связь *бедности* в сознании респондентов со смысловым полем *пьянство*. Об этом свидетельствуют многочисленные данные: *пьянство* (10), *бутылки* (6), *алкоголь* (5), *алкоголизм* (3), *пьянка* (2), *водка* (2), *попойка* (1), *самогон* (1), *вытрезвитель* (1), *алкаши* (1), *запой* (1), *пьяный* (1), *перегар* (1).

Концепт *бедность* ассоциируется у участников эксперимента с отсутствием чего-либо (уверенности, достатка, справедливости, защищённости и т.д.) или отрицанием чего-либо, что формально выражается словами-реакциями с префиксами *не-/недо-*, *без-/бес-* или частицей *не*: *нехватка* (9), *недостаток* (8), *неудача* (8), *безработица* (7), *необразованность* (6), *неуверенность* (4), *несчастный* (4), *безысходность* (4), *не порок* (3), *несчастье* (3), *незащищённость* (3), *беспризорники* (3),

неблагополучие (2), бессилие (2), безуспешность (2), неграмотность (2), недовольство (2), неудовлетворённость (2), нетрудоспособность (2), безнадежность (2), бессонница (2), беспомощность (2), невнимание (2), недоедание (1), неразвитость (1), неопределённость (1), недоступность (1), неустроенность (1), некомпетентность (1), несправедливость (1), бесполезность (1), безразличие (1), беспокойство (1), беспробудность (1).

Описываемый концепт, как и предыдущие два, ассоциирован эмоционально, преобладание при этом отрицательных эмоций и чувств предсказуемо и закономерно: с одной стороны, слёзы (9), грусть (6), зависть (6), жалость (6), страх (5), горе (5), несчастный (4), несчастье (3), злость (2), стыд (2), обида (2), ненависть (1), скорбь (1), отчаяние (1), беспокойство (1), с другой — весело (1), радость (1). Общее количество эмоциональных слов-реакций — 56, что превышает количество реакций аналогичных групп на слова *деньги* (22) и *богатство* (45). Примечательно, что реакция *зависть* приводится испытуемыми на все три стимула — *деньги*, *богатство*, *бедность*, однако соотнесена с данными словами-стимулами по-разному. Зависть возникает у человека по поводу денег и всех благ, с которыми они связаны, *деньги* выступают каузатором чувства, а зависть — следствием. Люди, имеющие *богатство*, то есть *деньги* в большом количестве, вызывают чувство зависти — являются объектом зависти. Люди же, не имеющие *богатства* (*бедные*), представляют субъект зависти. «Бедные» «завидуют» «деньгам» «богатых» — именно так три обозначенных стимула задают единую реакцию.

Ассоциативный эксперимент показал также, что значительное количество реакций ассоциативного поля *бедность* связано с различными модальностями восприятия, чего не наблюдается при анализе ассоциативных полей *деньги* и *богатство*. В зрительном плане *бедность* — это *серость* (4), *мрак* (4), *тьма* (3), *темнота* (2); в обонятельном — *запах* (3), *перегар* (3), *вонючий* (2), *вонь* (2); в тактильном — *холод* (5), *твёрдое* (2), *сырость* (2); в вкусовом — *голод* (29), *еда* (3), *хлеб* (2), *водка* (2), *сало* (1), *каша* (1), *недоедание* (1) и др. Слуховая модальность восприятия в ряду слов-реакций на стимул *бедность* не представлена вообще.

Распределение элементов концепта *бедность* выглядит так: на понятие приходится 9,5%, на представление — 43,7%, на эмоцию и оценку — 44,9%, на другие ассоциации — 1,8%. По сравнению со структурой предыдущих концептов

в структуре анализируемого концепта прослеживается примерно одинаковое соотношение представлений (43,7%) и эмоций и оценок (44,9%). С.Л. Рубинштейн писал: «Выражая положительное или отрицательное отношение к предмету, на который оно направляется и который для него является привлекательным или отталкивающим, эмоция заключает в себе влечение, желание, стремление, направленное к предмету или от него...» [7, с. 166]. Эта мысль наводит на размышление о том, что в нашем случае значительное количество эмоциональных реакций на стимул *бедность* наряду с преобладанием эмоционально окрашенных отрицательных оценочных ассоциатов обнаруживают стремление респондентов «оттолкнуться», «отмежеваться» от предлагаемого стимула как от явления, которое за ним стоит.

Обобщённо информацию о структуре концептов *деньги*, *богатство*, *бедность* представим в виде таблицы:

Таблица 4

Структура концептов *деньги*, *богатство*, *бедность*

Концепт	Элементы концепта (в процентном соотношении)				
	Понятие	Представление	Эмоция оценка	Ассоциации	Предметное содержание
деньги	9,9	71,6	12,4	3,2	2,8
богатство	12,7	64,0	21,3	1,9	-
бедность	9,5	43,7	44,9	1,8	-

Предварительный анализ данных, полученных в результате проведённого ассоциативного эксперимента, позволил нам прийти к ряду выводов о сущности и структуре соответствующих концептов. Одни данные, что вполне закономерно, обусловлены социально (часть реакций отражает возраст и пол респондентов), другие могут быть объяснены национально-культурной спецификой (например, «неожиданные источники» *богатства* или смысловой компонент *пьянство* в составе концепта *бедность*). Предпринятая попытка позволила реконструировать и частично описать отдельные фрагменты русского языкового сознания. Картина была бы более полной, если бы имеющиеся в нашем распоряжении данные были сопоставлены с данными, полученными в результате аналогичного ассоциативного эксперимента, проведённого в иноязычной,

инокультурной среде. Такого рода исследование перспективным.
видится нам плодотворным и весьма

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. — М., 1997.
2. Пищальникова В.А. Общее языкознание. — М., 2003.
3. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. Т. I. — М., 1989.
4. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М., 2000.
5. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. — М., 1998.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — М., 1995.
7. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. Т. II. — М., 1989.

А.Г. Сонин, П.Н. Махнин

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВОСПРИЯТИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЕРБАЛЬНЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ

Настоящая статья представляет два эксперимента, проведенных независимо каждым из ее авторов, и предлагает единую интерпретацию полученных результатов.

Актуальность обращения к исследованию поликодовых рекламных текстов (РТ) представляется авторам очевидной. Форма рекламы, соединяющая в себе статичное изображение и рекламный слоган, которые функционируют в едином графическом пространстве, — одна из наиболее распространенных. Наряду с телевизионной изучаемая разновидность рекламы, представленная главным образом на страницах иллюстрированных журналов и рекламных щитах, формирует общий фон повседневной жизни современного человека, что позволяет рассматривать ее как социально значимое явление. Такой статус изучаемого объекта обусловил интерес к нему со стороны лингвистов и, в первую очередь, со стороны представителей психолингвистических школ. За последнее время вышло сразу несколько работ, посвященных описываемым РТ [1; 3; 4; 7], однако сопоставление результатов, сообщаемых авторами, пока не позволяет получить системного представления о механизмах восприятия и понимания этих специфических текстов. Более того, ни в одной из перечисленных работ не делается попытки моделирования этих механизмов. По-видимому, для этого еще не накоплено достаточно эмпирического материала. Предлагаемая статья призвана расширить эмпирическую базу для моделирования, а также

предложить некоторые принципиальные замечания, которые могли бы лечь в его основу. Кроме того, общий интерес современной науки о языке к семиотически негомогенным текстам выводит значимость изложенных в статье соображений за рамки изучения сугубо РТ.

Основанием для соединения описаний в одной статье двух независимых друг от друга экспериментов послужили по меньшей мере три момента:

1. Подобие использованного в эксперименте материала. В обоих случаях это поликодовый РТ со статичной изобразительной и графической вербальной составляющими.

2. Единство используемой в экспериментах методики — методики семантического дифференциала Ч. Осгуда, ставшей популярной в российской психолингвистике благодаря работам В.Ф. Петренко [6].

3. Наличие в опросных анкетах одинаковых шкал.

При всем сходстве в организации описываемых экспериментов каждый из авторов решал свои собственные исследовательские задачи. В одном случае эксперимент был направлен на исследование роли каждой из гетерогенных составляющих РТ в его восприятии реципиентом, в другом — изучалось воздействие на испытуемых РТ, построенного на основе буквального представления изобразительными средствами метафоры, выраженной в рекламном слогане. (Примером такого произведения может служить реклама тонального крема АэраТон фирмы Vichy, в которой слоган «Наша кожа

дышит. Она не должна задыхаться под тональным кремом» взаимодействует с изображением лица, покрытого полиэтиленовой пленкой, что не только сближает составляющие по смыслу, но и акцентирует метафорическую форму). Как следствие, отмеченное подобие экспериментального материала формально, так как по характеру смысловой связи между гетерогенными составляющими тексты отличаются.

1. Гипотезы

1. Поликодовый РТ — сложное семиотическое целое, включающее гетерогенные компоненты. Его восприятие специфично, так как предполагает интеграцию вербальной и изобразительной информации. Для осуществления такой интеграции необходимы дополнительные когнитивные ресурсы, поскольку механизмы, обеспечивающие включение новой информации, представленной вербально и изобразительно, различны и протекают параллельно в разных участках головного мозга [10]. Привлечение дополнительных когнитивных операций связано с тем, что для реципиента всякий текст есть целое и он стремится к установлению смыслового единства воспринимаемого через обнаружение связей между его компонентами, как гомогенными, так и гетерогенными. Поэтому при восприятии поликодового текста большое значение приобретает степень смысловой близости между его составляющими. Чем четче она выражена, тем меньше требуется ресурсов для понимания текста.

Реклама как «коммуникация, использующая средства массовой информации с целью склонить (к чему-то) или повлиять (как-то) на аудиторию» [9, с. 32] в полной мере отвечает этому требованию. РТ — текст целенаправленный, подчиняющий использование гетерогенных составляющих достижению желаемого результата. В основе порождения этих составляющих лежит единый мотив, а их использование направлено на достижение единой цели. Поэтому справедливо было бы предположить существование между ними тесной смысловой связи, позволяющей реципиенту сразу активировать одни и те же либо близкие представления в семантической памяти, что избавляет его от необходимости прибегать к дополнительным операциям по установлению связи между ними.

Все вышеизложенное позволяет заключить, что поликодовый РТ, использующий синергию информационно-эмоционального воздействия гетерогенных составляющих, должен иметь преимущество перед монокодовым РТ, позволяя реципиенту лучше и с меньшими когнитивными затратами усвоить его основное содержание. Поэтому, учитывая преимущественную направленность рекламы на создание у реципиента эмоционально позитивной ассоциации с рекламируемыми товарами и услугами [5], можно прогнозировать, что в проводимых экспериментах оценки по шкалам, связанным с положительной эмоциональной оценкой текста, при демонстрации полного РТ будут выше, чем при демонстрации отдельных составляющих.

2. Составляющие РТ семиотически неоднородны и по-разному воздействуют на реципиента [1; 3]. Их прагматическая ценность функциональна и находится в зависимости от характера коммуникативных задач, решаемых создателем РТ. По-видимому, изобразительная составляющая в силу своей специфики обладает большим потенциалом для привлечения непроизвольного внимания реципиента, представления внешних характеристик рекламируемых товаров и услуг, а вербальный текст лучше подходит для описания функциональных характеристик изображаемых объектов. Эти различия должны были отразиться в ответах испытуемых при оценке экспериментального материала по шкалам. Например, более высокие оценки по шкалам «понятный» и «логичный» ожидалось при предъявлении вербальной составляющей, в то время как шкалы «привлекательный», «яркий» и «сексуальный» должны были набрать больше баллов при демонстрации изобразительной составляющей.

3. Согласно модели, предложенной одним из авторов статьи для объяснения механизмов поликодового комиксового текста и подтвержденной на соответствующем материале, обе составляющие после их первичной идентификации могут подвергаться как лексической, так и семантической обработке, однако последовательность соответствующих операций различна [8; 16]. При восприятии изображения обработка проходит по направлению от идентификации к непосредственной активации семантических репрезентаций, а лексические репрезентации задействуются позже. При обработке вербального текста семантические

репрезентации, связанные с каждым из слов, активируются уже после того, как в обработке были задействованы лексические сети [12; 13]. В результате базовая репрезентация содержания текста (его первичное понимание) строится преимущественно на основе обработки изобразительной составляющей. Поэтому влияние вербальной составляющей на понимание поликодового текста рассматривается как модулирующее, а определяющая роль в его понимании признается за изобразительным рядом.

Структурное сходство кадра комиксового текста и рекламы очевидно. Оба вида поликодового текста построены на включении в единое графическое пространство вербальной и изобразительной составляющих. В связи с этим выдвигается гипотеза о сходстве когнитивных механизмов, обеспечивающих понимание комиксового и рекламного текстов. Как следствие, ожидалось, что оценки РТ будут сильнее коррелировать с оценками его изобразительной составляющей, нежели с оценками его вербальной составляющей независимо от характера использованных для сопоставления шкал.

2. Описание экспериментов

2.1. Подготовительный этап

Поскольку из двух традиционных для российской психолингвистики экспериментальных методик — свободного ассоциативного эксперимента и методики семантического дифференциала — выбор был сделан в пользу последнего, цель подготовительного этапа заключалась в отборе тех категорий, по которым могли бы оцениваться экспериментальные тексты. Понятие категории (или измерения, или составляющей — в зависимости от автора) является неотъемлемой частью многих лингвистических, психолингвистических и когнитивных концепций и моделей. Его психологическая релевантность доказана множеством работ, парадигматическими примерами которых можно считать работы Рош и Мервис [15] или Морана и Шварца [14]. Последние, выделив три группы категориальных отношений (размерные, перцептивные и концептуальные), экспериментально подтвердили существование принципов, структурирующих семантическую память индивида и являющихся более фундаментальными, чем простые лексические ассоциации. Исследователи, предложив с

разрывом в несколько лет один и тот же тест одним и тем же испытуемым, смогли констатировать, что участники эксперимента воспроизводили одни и те же категории ассоциаций, хотя в реакциях на предъявляемый стимул со временем использовали разные слова.

В связи с этим естественно представляется желание исследователя, работающего над выявлением механизмов восприятия РТ, установить важнейшие категории, лежащие в основе этого восприятия. Не менее естественно, впрочем, и то, что каждый из предлагаемых наборов ключевых категорий отражает специфику исследуемого материала, зависит от целесообразности устанавливаемых оппозиций в рамках конкретного исследования, а также иных субъективных факторов. Не стал исключением и описываемый эксперимент. Для установления релевантных категорий одним из авторов было проведено интервьюирование 26 испытуемых, не принимавших участия в основном эксперименте. Интервьюирование проводилось на основе 18 РТ, взятых из современных печатных СМИ. На этом этапе в эксперименте приняли участие 26 информантов: 13 мужчин и 13 женщин в возрасте от 18 до 30 лет.

РТ предъявлялись каждому испытуемому индивидуально с заданием охарактеризовать эти тексты. При этом выбор языковых средств, используемых для характеристики, никак не ограничивался. Все использованные характеристики протоколировались, после чего на основе анализа ответов устанавливалась частотность использования в описании рекламы разных вербальных средств. Все характеристики, зафиксированные в ответах опрошенных, нашли выражение в 232 языковых единицах. Для названия шкал, при помощи которых изучалось восприятие РТ на следующем этапе эксперимента, были отобраны только те единицы, которые отмечались в ответах 15% информантов и более — всего 23 однополярные шкалы. Десять из них были использованы в эксперименте другим автором, что и послужило основой для сравнительно-сопоставительной интерпретации обоих экспериментов. Это шкалы «логичный», «навязчивый», «оригинальный», «понятный», «привлекательный», «приятный», «сексуальный», «стильный», «удачный», «яркий». Отобранные шкалы представляют самые разные сферы субъективной оценки РТ, позволяя охарактеризовать его одновременно с нескольких сторон:

- с точки зрения производимого на реципиента эмоционального воздействия («навязчивый», «привлекательный», «приятный»),
- в связи с анализом его рациональных построений («логичный», «понятный»),
- на основе выявления его эстетической ценности («оригинальный», «стильный», «удачный»),
- в связи с формальными особенностями его восприятия («яркий»),
- по его воздействию на чувственную сферу личности реципиента («сексуальный»).

Такое категориальное разнообразие используемых шкал было призвано обеспечить всесторонний анализ экспериментального материала.

2.2. Состав участников

В общей сложности в двух экспериментах приняли участие 233 информанта: 139 — в одном и 94 — в другом. Все участники — студенты и аспиранты вузов Москвы и Петропавловска-Камчатского в возрасте от 17 до 23 лет (средний возраст — 18 лет и 9 месяцев).

2.3. Экспериментальный материал

Для проведения экспериментов было использовано десять РТ — по пять текстов для каждого исследования. Весь рекламный материал включал вербальную составляющую — слоган, сопровождавшийся основными характеристиками рекламируемого товара, и цветное фотографическое изображение. В дальнейшем отобранные тексты подверглись компьютерной обработке в программе Adobe Photoshop с целью создания недостающего экспериментального материала — отдельных текстов, содержащих либо только вербальную, либо только изобразительную составляющие РТ.

2.4. Порядок проведения эксперимента

В каждом из экспериментов участники были включены в одну из трех групп в соответствии с тремя экспериментальными условиями: «вербальная составляющая рекламы», «изобразительная составляющая рекламы», «рекламный текст». В таблице 1 показано число участников для каждой группы.

Таблица 1

Количество испытуемых в каждой экспериментальной группе

Вид текста	Вербальная составляющая		Рисуночная составляющая		Рекламный текст	
	Метафорический	Обычный	Метафорический	Обычный	Метафорический	Обычный
Количество испытуемых	30	31	36	31	36	32

Примечание 1. Здесь и далее для удобства изложения экспериментальный материал, в котором использовалась реклама с изобразительным компонентом, буквально отражающим метафору, выраженную в слогане, будет условно называться «метафорическим» и противопоставляться материалу другого эксперимента как «обычному».

Примечание 2. В эксперименте с метафорическим материалом суммарное количество участников в трех группах (102) не совпадает с приведенным выше общим числом участников эксперимента (137), поскольку не учитывается нерелевантная для сопоставления группа реципиентов, которой изобразительная составляющая предъявлялась в трансформированной форме.

Испытуемым было предложено задание, сформулированное следующим образом: «Оцените по предложенной шкале, насколько каждое качество характеризует каждый из предложенных объектов». Время для ознакомления с экспериментальным материалом

не ограничивалось. Перед началом предъявления экспериментального материала в каждой группе проводился тренинг, позволявший испытуемым уяснить суть предлагаемого им задания.

2.5. Независимые переменные, зависимые переменные и план эксперимента

Оба эксперимента построены на манипуляции двумя факторами. Представление РТ и отдельное представление каждой из его составляющих были направлены на операционализацию фактора «Вид текста» (Т). Контроль проводился на основе сравнения результатов трех групп (участники, оценивавшие вербальную составляющую, vs. участники, оценивавшие изобразительную составляющую, vs. участники, оценивавшие целый РТ). Таким образом, фактор включает три модальности. Второй фактор — «Шкала» (Ш) был представлен десятью модальностями (по числу этих шкал). Для обоих экспериментов план может быть сформулирован следующим образом: $S_n <T2> * Ш10$. (Влияние третьего фактора, связанного с различиями между пятью

использованными в экспериментах текстами, в качестве информативного не рассматривалось.)

В обоих планах зависимой переменной выступает количество баллов, присвоенных испытуемыми экспериментальному тексту по каждой из десяти шкал. Подсчет общего количества баллов велся отдельно для каждого эксперимента в трех группах испытуемых.

В эксперименте с метафорическим материалом использовалась 5-балльная шкала, предполагающая следующие варианты ответов:

5 — максимальная выраженность качества

4 — это качество выражено в некоторой степени

3 — это качество не выражено

2 — скорее всего, выражено противоположное качество

1 — максимальная выраженность противоположного качества

Шкала в эксперименте с обычным материалом была более дифференцированной (7-балльной) и предлагала испытуемым выбор между ответами:

7 — это качество выражено максимально

6 — это качество выражено в значительной степени

5 — это качество выражено в некоторой степени

4 — это качество не выражено

3 — скорее, в некоторой степени выражено противоположное качество

2 — противоположное качество выражено в значительной степени

1 — противоположное качество выражено в максимальной степени

Поскольку один из экспериментаторов использовал для оценки шкал пятибалльную систему, а другой — семибалльную, для сравнения результатов двух экспериментов средний балл представлялся в форме процента, набранного от максимально возможного количества баллов.

3. Результаты

3.1. Общие итоги сравнения

Первичный анализ результатов обоих экспериментов состоял в подсчете среднего значения баллов, выставленных испытуемыми при оценке каждой шкалы по каждому виду экспериментальных текстов. На основе полученных средних значений делался вывод о выраженности контролируемых категорий в соответствующих текстах.

Таблица 2

Выраженность категорий в зависимости от вида текста и экспериментального материала

	Вербальный текст		Изображение		Реклама	
	М	О	М	О	М	О
Логичный	+	+	---	+	+	+
Навязчивый	---	+	---	---	---	---
Оригинальный	---	+	+	+	+	+
Понятный	+	+	+	+	+	+
Привлекательный	---	+	+	+	+	+
Приятный	---	+	---	+	---	+
Сексуальный	---	---	---	+	---	+
Стильный	---	+	---	+	+	+
Удачный	---	+	---	+	+	+
Яркий	---	+	+	+	---	+

(М) — метафорический, (О) — обычный, (+) — категория выражена, (---) — категория не выражена.

Примечание: для эксперимента с обычным материалом (7-балльная шкала) категория выражена, если средний результат превышает 58,3%, для эксперимента с метафорическим материалом (5-балльная шкала) соответствующий показатель должен быть выше 62,5%.

Таблица 2 представляет первичные результаты, в которых проявляются следующие закономерности:

- единственная шкала, по которой все виды экспериментальных текстов получили достаточно высокие оценки, — шкала «понятный»;
- три категории («логичный», «оригинальный», «привлекательный») представлены в пяти из шести видов текста;
- самые слабые шкалы — «сексуальный» и «навязчивый»;
- наименьшее количество категорий (2) выражено в вербальной составляющей метафорических РТ.

Для дальнейшего сравнения результатов, полученных в трех группах по каждой из 10

шкал, был проведен дисперсионный анализ с двумя факторами («Вид текста» и «Шкала») и одной зависимой переменной (количество баллов). При таком плане эксперимента ключевую роль играет не общее влияние на ответы испытуемых каждого из указанных факторов, а их взаимодействие, так как только в этом случае учитываются одновременно и разница между ответами участников каждой группы, и разнообразие предложенных шкал.

Проведенный анализ позволил установить, что взаимодействие этих факторов статистически высоко значимо в обоих экспериментах ($F(18, 891) = 3,34; p < .001$ для «метафорического» материала и $F(18, 891) = 2,69; p < .001$ — для «обычного»). Такой результат дает основание для частных сравнений как между модальностями фактора «Шкала» внутри каждого вида текста (например, для установления, где в реакциях на вербальную составляющую средний балл выше: по шкале «логичный» или по шкале «яркий»), так и между модальностями фактора «Вид текста» по каждой шкале (например, для ответа на вопрос, где четче представлена шкала «сексуальный»: в рекламе или в ее изобразительной составляющей). Первый вид сравнения был назван «Анализом по виду текста» (выполнялся 3 раза — по количеству модальностей фактора «Вид текста»), а второй — «Анализом по категории» (выполнялся 10 раз — по числу выделенных шкал-категорий).

3.2. Анализ по виду текста

Анализ по виду текста состоит в сравнении количества баллов, набранных разными категориями в рамках одного и того же вида текста. Общий анализ — без деления на виды текста и экспериментальный материал —

показал, что наибольшее количество баллов выставляется испытуемыми при оценке категории «понятный» (в среднем 76,5%). Это значение колеблется от 72% (вербальная составляющая метафорической рекламы) до 81% (обычная реклама). Полученный результат значимо отличается от представленности любой другой категории. Наименьшее количество баллов характеризует категории «навязчивый» (48,2%) и «сексуальный» (45%). Эти результаты значимо ниже результатов по всем другим категориям. Оставшиеся семь категорий представлены равномерно. Статистически значимых отличий между самой сильной из них («привлекательный» — 66%) и самой слабой («оригинальный» — 60,2%) не выявлено ($p < .22$).

Дальнейший анализ был направлен на установление отличий между оценками категорий в зависимости от вида текста и вида экспериментального материала.

3.2.1. Вербальная составляющая

Согласно результатам, полученным при предъявлении испытуемым вербальной составляющей, ни одно из контролируемых качеств не выражено в максимальной степени.

В эксперименте с метафорическим материалом выраженными оказались только две категории — «понятный» и «логичный». Шкала, использованная в эксперименте, не предусматривала промежуточной ступени между «максимальной» и «некоторой» степенью выраженности контролируемого качества, однако дисперсионный анализ выявил между ними значимые различия, в связи с чем они были отнесены соответственно к подгруппам «сильно выраженный» и «слабо выраженный».

Таблица 3

Результаты, полученные при демонстрации вербальной составляющей

Шкалы	Оценки по шкалам (метафорический материал)	Степень выраженности	Шкалы	Оценки по шкалам (обычный материал)	Степень выраженности
Понятный	72%	Сильно	Понятный	79%	Сильно
Логичный	63%	Слабо	Логичный	69%	Средне
Удачный	56%	Нет	Стильный	66%	Средне
Приятный	54%	Нет	Привлекательный	65%	Средне
Привлекательный	53%	Нет	Яркий	64%	Средне
Стильный	47%	Нет	Приятный	63%	Средне
Яркий	42%	Нет	Удачный	62%	Слабо
Оригинальный	41%	Нет	Навязчивый	61%	Слабо
Навязчивый	39%	Нет	Оригинальный	58%	Слабо
Сексуальный	19%	Нет	Сексуальный	51%	Нет

При работе с обычным материалом выявлено 4 группы шкал (cf. Таблица 3). В значительной степени, по мнению респондентов, выражено такое качество, как «понятный». Вторая группа («выражено в некоторой степени») включает сразу восемь категорий, однако дисперсионный анализ при попарном сравнении оценок по шкалам показал, что некоторые шкалы значимо отличаются (четко выраженная тенденция при сравнении между средними показателями шкал «логичный» и «удачный»: $F(1, 30) = 4,06$; $p < .06$). На этом основании было выделено 2 подгруппы: со средней выраженностью («логичный», «стильный», «привлекательный», «яркий», «приятный») и со слабой выраженностью качества («удачный», «навязчивый», «оригинальный»). В четвертую группу вошла шкала «сексуальный»,

отражающая качество, которое, по мнению респондентов, в вербальных текстах не выражено.

3.2.2. Изобразительная составляющая

В эксперименте с метафорическим материалом предъявление изобразительной составляющей позволило выявить 4 выраженных категории: «понятный», «оригинальный», «яркий», «привлекательный». Как и в случае с вербальной составляющей, на основе дисперсионного анализа они были разделены на две подгруппы (статистически значимая разница между оценками по шкалам «понятный» и «яркий»: $F(1, 35) = 7,42$; $p < .01$). В подгруппу «Сильно выраженное качество» вошли «понятный» и «оригинальный», а в подгруппу «Слабо выраженное качество» — «яркий» и «привлекательный» (cf. Таблица 4).

Таблица 4

Результаты, полученные при демонстрации изобразительной составляющей

Шкалы	Оценки по шкалам (метафорический материал)	Степень выраженности	Шкалы	Оценки по шкалам (обычный материал)	Степень выраженности
Понятный	76%	Сильно	Стильный	76%	Сильно
Оригинальный	70%	Сильно	Понятный	76%	Сильно
Яркий	66%	Слабо	Яркий	73%	Средне
Привлекательный	66%	Слабо	Привлекательный	72%	Средне
Приятный	62%	Нет	Приятный	70%	Средне
Стильный	62%	Нет	Удачный	63%	Слабо
Удачный	61%	Нет	Логичный	62%	Слабо
Логичный	54%	Нет	Оригинальный	61%	Слабо
Сексуальный	42%	Нет	Сексуальный	60%	Слабо
Навязчивый	41%	Нет	Навязчивый	55%	Нет

Таким образом, в изобразительной составляющей выявлено вдвое больше выраженных категорий, чем в вербальной. При этом, за исключением категории «понятный», категории, выраженные гетерогенными составляющими, не совпадают. В изобразительной составляющей не выражена категория «логичный», но выражены категории «оригинальный», «яркий» и «привлекательный».

Результаты эксперимента с обычным материалом позволяют говорить о выраженности в изобразительной составляющей всех контролируемых категорий, кроме «навязчивый». К сильным были отнесены две категории: «понятный» и «стильный». Внутри группы категорий, выраженных «в некоторой степени», дисперсионный анализ позволил сформировать 2 подгруппы (значимая разница между категориями «яркий» и «удачный»: $F(1, 30) =$

$15,33$; $p < .001$). В подгруппу со средним выраженным качеством вошли категории «яркий», «привлекательный» и «приятный», а к слабо выраженным отнесены «удачный», «логичный», «оригинальный», «сексуальный».

3.2.3. Реклама

Как и в предыдущих группах, категорий, характеризующихся максимальной выраженностью, обнаружено не было. При использовании метафорического материала обнаружено 6 выраженных категорий, которые на основе дисперсионного анализа были разбиты на 2 группы (cf. Таблица 5). Сильно выражена только категория «понятный» (оценки по ней значимо выше, чем оценки по категории «привлекательный»: $F(1, 35) = 6,21$; $p < .02$). Остальные 5 категорий включены в группу слабых.

Таблица 5

Результаты, полученные при демонстрации рекламы

Шкалы	Оценки по шкалам (метафорический материал)	Степень выраженности	Шкалы	Оценки по шкалам (обычный материал)	Степень выраженности
Понятный	75%	Сильно	Понятный	81%	Сильно
Привлекательный	67%	Слабо	Стильный	77%	Сильно
Оригинальный	64%	Слабо	Яркий	74%	Средне
Удачный	64%	Слабо	Привлекательный	73%	Средне
Логичный	63%	Слабо	Приятный	73%	Средне
Стильный	63%	Слабо	Оригинальный	67%	Слабо
Яркий	61%	Нет	Удачный	66%	Слабо
Приятный	58%	Нет	Логичный	64%	Слабо
Навязчивый	38%	Нет	Сексуальный	63%	Слабо
Сексуальный	35%	Нет	Навязчивый	55%	Нет

При использовании обычного материала вновь оказались выраженными все категории, кроме «навязчивый». В группу «Сильные категории», как и в случае с изобразительной составляющей, вошли «понятный» и «стильный». В ходе сравнения значимости различий между оценками, полученными по оставшимся категориям, было сформировано 2 подгруппы (значимо различие между категориями «яркий» и «оригинальный»:

$F(1, 31) = 14,2; p < .001$). Подгруппу среднее выраженных категорий образовали «яркий», «привлекательный» и «приятный». Остальные 4 категории были включены в подгруппу слабо выраженных.

3.2.4. Обобщение результатов анализа по виду текста

Результаты анализа по виду текста объединены в таблице 6.

Таблица 6

Результаты анализа по виду текста

	Вербальный текст		Изображение		Реклама	
	Метафорический	Обычный	Метафорический	Обычный	Метафорический	Обычный
Логичный	Слабо	Средне	Нет	Слабо	Слабо	Слабо
Навязчивый	Нет	Слабо	Нет	Нет	Нет	Нет
Оригинальный	Нет	Слабо	Сильно	Слабо	Слабо	Слабо
Понятный	Сильно	Сильно	Сильно	Сильно	Сильно	Сильно
Привлекательный	Нет	Средне	Слабо	Средне	Слабо	Средне
Приятный	Нет	Средне	Нет	Средне	Нет	Средне
Сексуальный	Нет	Нет	Нет	Слабо	Нет	Слабо
Стильный	Нет	Средне	Нет	Сильно	Слабо	Сильно
Удачный	Нет	Слабо	Нет	Слабо	Слабо	Слабо
Яркий	Нет	Средне	Слабо	Средне	Нет	Средне

В эксперименте с метафорическим материалом из 10 характеристик 3 не выражены ни в одном виде текста. Это «навязчивый», «приятный» и «сексуальный». Одно качество («понятный») признано сильным во всех экспериментальных группах. «Генезис» пяти других категорий, выраженных в РТ, представлен 3 разными случаями. В первом (категория «логичный») оценки РТ совпадают с оценками вербальной составляющей, что позволяет говорить о преимущественном влиянии слова на восприятие этого качества в РТ. Дважды

отмечено совпадение между оценками РТ и изобразительной составляющей (категории «оригинальный» и «привлекательный»), свидетельствуя о большем влиянии по этим качествам изобразительного ряда. По-видимому, наиболее интересным можно считать третий случай, когда характеристики «стильный» и «удачный» не выражены ни в одной из составляющих, однако представлены в РТ. Возможно, восприятие указанных категорий в большей степени обусловлено взаимодействием составляющих, нежели преимущественным влиянием одной из них.

Ответы испытуемых на предъявление обычного материала показывают, что почти все категории представлены как в обеих составляющих, так и в целом РТ, однако более значимое влияние на РТ его изобразительной составляющей проявляется в полном совпадении структуры всех групп категорий по этим типам текста: и в РТ, и в изображении 2 сильных категории («понятный» и «стильный»), 3 средних («яркий», «привлекательный» и «приятный»), 4 слабых («оригинальный», «удачный», «логичный» и «сексуальный») и одна невыраженная категория («навязчивый»). При сравнении оценок РТ с оценками вербальной составляющей различия проявляются по каждой из этих групп.

3.3. Анализ по шкалам (категориям)

В ходе первичного анализа все исследуемые категории были разбиты на две группы:

- категории, одинаково функционирующие в обычном и метафорическом тексте (полное совпадение результатов двух экспериментов);
- категории со схожим функционированием в обычном и метафорическом тексте (частичное совпадение результатов двух экспериментов).

3.3.1. Полное совпадение результатов двух экспериментов

Сравнение результатов двух экспериментов показало, что оценки шкал полностью совпадают в пяти случаях из десяти. Совпадения отмечены по категориям «навязчивый», «понятный», «сексуальный», «стильный» и «яркий». При этом совпадения включают два противоположных случая (ср. Таблица 7).

Таблица 7

Одинаковые категории

	Метафорический	Обычный
Навязчивый	Различия незначимы Т = И, И = Р, Т = Р	Различия незначимы Т = И, И = Р, Т = Р
Понятный	Различия незначимы Т = И, И = Р, Т = Р	Различия незначимы Т = И, И = Р, Т = Р
Сексуальный	Т < Р (F (1, 64) = 19,54; p < .001), Т < И (F (1, 64) = 34,72; p < .001) И = Р	Т < Р (F (1, 61) = 7,5; p < .008) Т < И (F (1, 60) = 3,4; p < .07) И = Р
Стильный	Т < Р (F (1, 64) = 4,81; p < .02), Т < И (F (1, 64) = 7,55; p < .008) И = Р	Т < Р (F (1, 61) = 4,1; p < .05) Т < И (F (1, 60) = 3,8; p < .06) И = Р
Яркий	Т < Р (F (1, 64) = 14,8; p < .001), Т < И (F (1, 64) = 28,7; p < .001) И = Р	Т < Р (F (1, 61) = 5,3; p < .03) Т < И (F (1, 60) = 3,5; p < .07) И = Р

Т — вербальная составляющая, И — изобразительная составляющая, Р — реклама

В первом случае совпадение связано с тем, что различия между тремя видами текста незначимы как на обычном, так и на метафорическом материале. Количество баллов, выставленных при оценке шкал «навязчивый» и «понятный», примерно одинаково и для рекламы, и для каждой из ее составляющих. Таким образом, указанные шкалы оказались нерелевантными для сопоставительного анализа восприятия РТ и его составляющих. Они предстают как 2 полюса: «понятный» — сильно выраженная категория независимо от экспериментального материала, «навязчивый» — невыраженная в 5 из 6 случаев категория.

Совпадение в результатах по шкалам «сексуальный», «стильный» и «яркий» иного свойства. Оно — в одинаковом соотношении

между разными видами текстов. Независимо от «метафоричности» рекламного материала все три категории получили одинаково высокую оценку при предъявлении изобразительной составляющей и самого РТ. При этом количество баллов, набранных по каждому из этих видов текста, значимо выше, чем соответствующее количество баллов, полученных при предъявлении вербальной составляющей. Другими словами, вербальная составляющая стабильно уступает по этим шкалам при любом виде экспериментального материала.

3.3.2. Частичное совпадение результатов двух экспериментов (два сравнения из трех)

Три шкалы дают близкие, но не идентичные результаты в разных экспериментах, совпадая только по двум результатам из трех. Это шкалы «привлекательный», «приятный» и «удачный».

Таблица 8

Частично совпадающие категории (2/3)

	Метафорический	Обычный
Привлекательный	$T < P$ ($F(1, 64) = 11,5; p < .001$) $T < И$ ($F(1, 64) = 9,8; p < .003$) $И = P$	$T < P$ ($F(1, 61) = 5,4; p < .03$) $T = И, И = P$
Приятный	Различия незначимы $T = И, И = P, T = P$	$T < P$ ($F(1, 61) = 6,6; p < .02$) $T = И, И = P$
Удачный	$T < P$ ($F(1, 64) = 4,52; p < .04$) $T = И, И = P$	Различия незначимы $T = И, И = P, T = P$

Результаты сравнения по шкале «привлекательный» напоминают уже описанные выше случаи полного совпадения: сравнение изображения и РТ вновь не дает значимых отличий, в то время как РТ оценивается выше, чем вербальный текст как на обычном, так и на метафорическом материале. Различие состоит только в том, что на метафорическом материале изобразительная составляющая оценивается выше вербальной, а на обычном материале различие незначимо.

Иное соотношение между сходствами и различиями при анализе шкалы «приятный». Совпадают незначимые результаты (соотношение между РТ и изобразительной составляющей, а также между составляющими). При этом на обычном материале РТ оценен выше, чем его вербальная составляющая, а на метафорическом

материале значимых различий нет. Противоположный результат получен при сопоставлении по шкале «удачный», когда единственное значимое отличие между видами текстов (РТ оценен выше его вербальной составляющей) выявлено на метафорическом материале, но не на обычном.

3.3.3. Частичное совпадение результатов двух экспериментов (одно сравнение из трех)

Самое незначительное совпадение между результатами двух экспериментов обнаружено по шкалам «оригинальный» и «логичный». По каждой из них несовпадение проявляется как полное отсутствие значимых различий при анализе обычного материала, в то время как сравнение текстов по этим же шкалам на метафорическом материале дают два значимых отличия (cf. Таблица 9).

Таблица 9

Частично совпадающие категории (1/3)

	Метафорический	Обычный
Оригинальный	$T < P$ ($F(1, 64) = 15,9; p < .001$) $T < И$ ($F(1, 64) = 30,51; p < .001$) $И = P$	Различия незначимы $T = И, И = P, T = P$
Логичный	$И < T$ ($F(1, 64) = 3,82; p < .06$) $И < P$ ($F(1, 70) = 4,84; p < .04$) $T = P$	Различия незначимы $T = И, И = P, T = P$

По шкале «оригинальный» выявлено уже отмечавшееся соотношение, при котором сравнение изображения и РТ не дает значимых отличий и оба они оцениваются выше, чем вербальный текст).

Специфична шкала «логичный». Эта единственная шкала, по которой (на метафорическом материале) оценки вербальной составляющей и РТ выше соответствующих оценок изобразительной составляющей.

Случаи полного несовпадения результатов (по всем трем сравнениям) не обнаружены.

3.3.4. Обобщение результатов анализа по шкалам (категориям)

В общей сложности в рамках анализа по категориям было проведено 60 сравнений между тремя видами текста (вербальная составляющая, изобразительная составляющая, РТ).

Наиболее стабильные результаты получены при сравнении РТ с его изобразительной составляющей: в 19 из 20 проведенных сравнений значимых отличий установлено не было. Испытуемые одинаково оценивают эти виды текстов практически по всем шкалам как на обычном, так и на метафоризированном материале. Исключение составляет категория «логичный» в эксперименте с метафорическим материалом, когда оценки по изобразительному

ряду значимо ниже, чем оценки по РТ ($F(1, 70) = 4,84; p < .04$).

Сравнение РТ с его вербальной составляющей показало, что различия между ними гораздо более существенны: в 12 сравнениях из 20 оценки вербальной составляющей значимо ниже, чем соответствующие оценки РТ. Наиболее четко различия прослеживаются по шкалам «привлекательный», «сексуальный», «стильный» и «яркий».

В 9 случаях из 20 значимы отличия между самими составляющими. При этом в 8 случаях оценки изобразительной составляющей выше, чем оценки вербальной составляющей. В первую очередь это относится к шкалам «сексуальный», «стильный» и «яркий», различия по которым

проявляются в обоих экспериментах. Дважды изобразительная составляющая оценивается значимо выше только в эксперименте с метафорическим материалом (шкалы «привлекательный» и «оригинальный»). Только в одном случае (шкала «логичный», метафорический материал) оценки вербальной составляющей значимо превосходят оценки изобразительной составляющей.

Наконец, необходимо отметить, что количество баллов, оценивающих РТ, ни по одной шкале не было значимо ниже соответствующего количества баллов, оценивающих его составляющие.

Все изложенные выше результаты синоптически представлены в таблице 10.

Таблица 10

Сравнение результатов по виду текста

	Метафорический	Обычный
Т < И	5/10	3/10
Т < Р	6/10	6/10
И < Р	1/10	---
И < Т	1/10	---

Таким образом, анализ по шкалам позволяет заключить, что изобразительная составляющая ближе по оценкам соответствующих категорий к полному тексту рекламы, чем вербальная составляющая. Для определения статистической значимости сделанного наблюдения был проведен дополнительный анализ корреляции между результатами, благодаря которому было установлено, что:

- корреляция между составляющими РТ и самим РТ сильна при любом виде экспериментального материала (метафорическом и обычном).
- наиболее сильно коррелируют «обычная» изобразительная составляющая и РТ ($r = .97; p < .001$), а также «метафорическая» изобразительная составляющая и соответствующий РТ ($r = .92; p < .001$);
- слабее корреляция между вербальной составляющей и целым текстом: соответственно $r = .70; p < .02$ для «обычной» рекламы и $r = .84; p < .001$ — для «метафорической»;
- значимых различий между результатами двух экспериментов не выявлено;
- в целом изобразительная составляющая коррелирует с текстом рекламы значимо сильнее, чем вербальная составляющая ($p < .04$).

4. Выводы

Описанные в статье эксперименты были направлены на выявление специфики восприятия поликодового РТ, а также его гетерогенных составляющих (вербальной и изобразительной). Для получения экспериментальных данных был использован метод семантического дифференциала — испытуемые оценивали тексты по 10 однополюсным шкалам, представляющим самые разные сферы субъективной оценки текстов. Это позволило охарактеризовать использованный в экспериментах материал с точки зрения производимого на реципиента эмоционального воздействия («навязчивый», «привлекательный», «приятный»), в связи с анализом его рациональных построений («логичный», «понятный»), на основе выявления его эстетической ценности («оригинальный», «стильный», «удачный»), в связи с формальными особенностями его восприятия («яркий»), по его воздействию на чувственную сферу личности реципиента («сексуальный»).

Отбор материала и составление анкет проводились с учетом выдвинутых гипотез, которые касались восприятия гетерогенных составляющих РТ, их влияния на восприятие целого текста, а также когнитивных механизмов, лежащих в основе этих процессов.

Анализ данных (9800 ответов, полученных в ходе опроса 196 информантов) проводился на основе сравнения средних показателей между:

- разными видами текстов (РТ, вербальная составляющая, изобразительная составляющая),
- разными шкалами,
- (в ходе совместной работы авторов над статьей) разными видами экспериментального материала — обычным и метафорическими.

Результаты экспериментов полностью подтверждают одну из основополагающих гипотез российской психолингвистики, согласно которой «всякое восприятие имеет значение» [3, с. 165], а субъект осмысливает даже «объективно» бессмысленное. Какой бы материал ни использовался в экспериментах, какие бы виды текста ни предлагались их участникам, последние неизменно высоко оценивают воспринимаемые тексты по шкале «понятный». Понимание реципиентом воспринимаемого текста связано, таким образом, не с «вычерпыванием» из него заложенных автором смыслов, а с активным процессом порождения собственных смыслов на основе воспринятого.

В ходе экспериментов были в основном подтверждены все выдвинутые гипотезы. Первая из них касалась свойств поликодового РТ, соединяющего в едином графическом пространстве гетерогенные составляющие и, по мнению авторов, имеющего в связи с этим преимущество перед монокодовыми произведениями. Предполагалось, что в проводимых экспериментах оценки по шкалам, связанным с положительной эмоциональной оценкой текста, при демонстрации полного РТ будут выше, чем при демонстрации отдельных составляющих. Сравнение проводилось по шести соответствующим шкалам в двух экспериментах (всего 12 сравнений). Эксперимент показал, что наиболее заметно отличие в оценках РТ от его вербальной составляющей (оценки по РТ выше в 10 сравнениях из 12), а сравнения оценок РТ с изобразительной составляющей не позволяют выявить никаких значимых различий. Таким образом, эксперименты частично подтверждают первую гипотезу: предполагаемое преимущество РТ проявилось только по отношению к вербальному тексту, но не проявилось по отношению к изображению. Однако такой результат позволяет говорить о правомерности выдвижения второй и третьей гипотез.

Именно со второй гипотезой согласуется важное заключение, сделанное по итогам анализа результатов: создание положительной мотивации

по отношению к рекламируемому продукту осуществляется главным образом за счет изобразительной составляющей. По шкалам «оригинальный», «привлекательный», «приятный», «стильный», «удачный» и «яркий» оценки РТ в обоих экспериментах близки к оценкам его изобразительной составляющей, в то время как различия между РТ и вербальной составляющей по всем этим шкалам значимы.

Расширение числа сопоставляемых шкал до 10 и проведение оставшихся сравнений между РТ и его составляющими показали, что расхождение в оценках РТ и изображения проявляется лишь единожды (шкала «логичный», метафорический материал), а расхождения между РТ и вербальной составляющей остаются значительными (различия статистически значимы в 12 сравнениях из 20). Наиболее существенные различия обнаружены по шкалам «оригинальный», «привлекательный», «сексуальный», «стильный», «яркий». Другими словами, именно по этим категориям изобразительная составляющая в силу своей семиотической специфики в наибольшей степени обуславливает восприятие РТ. В целом же, результаты двух экспериментов и, в частности, анализ корреляции между оценками по всем шкалам позволяют говорить о большей близости в восприятии РТ и его изобразительной составляющей по сравнению с вербальным текстом. На этом основании можно утверждать, что именно изображение закладывает основу для понимания поликодового РТ, что вполне согласуется с результатами, полученными одним из авторов статьи на материале комиксового текста (Sonine, 2003), и свидетельствует в пользу существования единого механизма, лежащего в основе понимания рекламного и комиксового текстов.

Последнее очень важно в контексте современного состояния психолингвистических исследований поликодовых текстов в России. Отсутствие верифицированных когнитивных моделей взаимодействия между вербальной и изобразительной составляющими, а также несформированность экспериментальной базы для построения таких моделей приводят к тому, что все важные постулаты о механизмах взаимодействия выдвигаются исследователями только на основе научной интуиции и теоретического анализа структурных особенностей поликодового текста, что приводит к противоречивым и даже взаимоисключающим заключениям. Некоторые ученые убеждены, что главную роль в восприятии поликодового текста

играет вербальная составляющая, поскольку «... иконическое сообщение допускает множество вариантов "прочтения". Однако в процессе коммуникации автор старается достигнуть не любого, соответствующего цели коммуникации акта "прочтения" сообщения реципиентом. С помощью вербальной составляющей усилия адресата как бы получают определенное направление...» [7, с. 160]. Другими словами, именно вербальная составляющая служит, по мнению автора, основой для построения ментальной репрезентации содержания поликодового текста, задавая направление его интерпретации реципиентом. При этом никакой попытки предложить механизм взаимодействия составляющих, позволяющий именно вербальному тексту играть ведущую роль, автор не делает. (Кстати, этот вывод близок к гипотезе о механизмах понимания комикса, предложенной Делесс [11]. Французский ученый полагает, что последовательность рисунков помогает читателю уловить суть ситуации, а вербальный текст частично блокирует многочисленные возможности интерпретации рисуночного текста).

Иная точка зрения озвучена в диссертации Л.В. Головиной: «В креолизованном тексте невербальная иконическая информация должна снимать многозначность... интерпретации вербального текста, направлять и организовывать восприятие креолизованного текста» [3, с. 63]. То есть направляющей силой интерпретации поликодового текста выступает изображение, а не слово. Однако и здесь автор не поясняет, каким образом, на основе каких механизмов иконическая составляющая справляется с указанной задачей.

Созвучной тезису Л.В. Головиной представляется позиция Е.Е. Анисимовой, утверждающей, что «добавление изображения накладывает ограничения на восприятие текста, ведет к перестройке смыслового кода реципиента в сторону сужения его концептуального поля, при этом возможности интерпретации текста уменьшаются» [1, с. 13]. В том же сочинении автор отмечает, что «в большинстве же случаев иконические средства в силу расплывчатости, меньшей определенности своей семантики по сравнению с вербальными средствами нуждаются в дополнительном знании, то есть в конечном счете в помощи слова» [там же, с. 31], существенно релятивизируя свое первое замечание. И вновь все процитированные заключения никак не подкрепляются ни моделью описываемых процессов, ни

экспериментальными данными. Представленные выше эксперименты, а также эксперименты, проведенные на материале поликодовых комиксовых текстов, позволяют занять обоснованную позицию и утверждать, что ключевую роль в определении направления интерпретации таких произведений играет изобразительная составляющая. Это связано с ее семиотическими особенностями (формальной мотивированностью иконического знака) и, как следствие, спецификой ее семантической обработки, опережающей осмысление вербальной составляющей [10; 17; 18]. В результате понимание вербального текста в значительной степени обуславливается содержательной интерпретацией изображения, которая, усиливая одни ассоциативные связи и ингибируя другие еще до обработки этого текста, ограничивает определяемые им возможности смыслопорождения.

Интересные результаты дало сравнение между самими гетерогенными составляющими РТ (9 значимых различий в 20 сравнениях). Если более высокие оценки, полученные изобразительной составляющей по шкалам «сексуальный», «стильный», «яркий», были вполне ожидаемы, то результаты сравнения между обычным и метафорическим материалом предсказаны не были. Анализ показал, что при проведении эксперимента с использованием метафорического материала различий между оценками гетерогенных составляющих в 2 раза больше, чем при работе с обычным материалом (6 vs. 3). Этот результат выглядит на первый взгляд парадоксальным, так как особенность метафорического материала состоит в буквальной передаче изобразительными средствами вербального слогана, что должно сближать оценки составляющих метафорического материала. Однако именно актуализация изобразительными средствами стершейся образности вербальных единиц послужила, по-видимому, основой для более высоких оценок изобразительной составляющей по сравнению с вербальной по шкалам «привлекательный» и «оригинальный» (различия между ними незначимы в эксперименте на обычном материале). Подобным образом может быть объяснено и то, что изобразительный текст, построенный на буквальной трактовке образных вербальных единиц, представляется испытуемым менее логичным.

Дальнейшая интерпретация результатов проведенных экспериментов показала, что их значение выходит за рамки верификации

выдвинутых гипотез. Так, результаты эксперимента с метафорическим материалом и их сопоставление с результатами второго эксперимента позволили сделать некоторые заключения о специфике восприятия тех РТ, в которых изобразительная составляющая буквально воспроизводит метафору, включенную в рекламный слоган. При таком характере смысловой связи между составляющими роль изображения в восприятии и понимании РТ заметно возрастает. В вербальной составляющей выражены только категории «понятный» и «логичный», а изображение активирует такие значимые для РТ, как «оригинальный», «привлекательный», «яркий», способствуя тем самым решению задач по привлечению внимания реципиента, созданию положительной атмосферы восприятия, закреплению положительных ассоциативных связей. Необходимо отметить, что при работе с «обычным» РТ различия между составляющими менее очевидны.

Еще одна важная для изучения восприятия «метафорических» РТ деталь. Высокая оценка испытуемыми оригинальности изобразительной составляющей была здесь вполне ожидаема. (Кстати, если не считать категорию «понятный», сильно выраженную в любом тексте и при любом материале, оценка оригинальности изобразительной составляющей — единственный

случай высокой оценки по 9-ти оставшимся шкалам.) Однако, как показал эксперимент, высокая оригинальность слабо коррелирует с важнейшими для РТ характеристиками «привлекательный» и «яркий», а категории «приятный», «стильный» и «удачный» вообще не выражены. Таким образом, надежды, связываемые создателями РТ с оригинальностью изобразительного ряда, не всегда оправданы, хотя для окончательного вывода сделанное заключение, несомненно, нуждается в дополнительной верификации.

В целом, представленные эксперименты не только позволили верифицировать основные гипотезы, касающиеся восприятия РТ, и заложить основу для моделирования механизмов их понимания, они также дали возможность наметить основные направления дальнейшего изучения поликодовых текстов. Для одного из авторов это верификация предложенной модели на иных разновидностях поликодовых текстов (например, афиша или плакат) и разработка новых способов контроля ответов испытуемых, для другого — использование новых экспериментальных методик (в частности, свободного ассоциативного эксперимента) для сопоставления метафорического и обычного материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация: на материале креолизованных текстов: учебное пособие. — М., 2003.
2. Выготский Л.С. Проблема сознания. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 1. Проблемы общей психологии/Под ред. В.В. Давыдова. — М., 1982.
3. Головина Л.В. Взаимовлияние иконических и вербальных знаков при смысловом восприятии текстов. Дисс. ... канд. филол. наук. — М., 1986.
4. Леви Ю.Э. Вербальные и невербальные средства воздействия рекламного текста. Дисс. ... канд. филол. наук. — М., 2003.
5. Музыканти В.Л. Рекламный текст и эмоции человека/Психология и психоанализ рекламы личностно-ориентированный подход: учебное пособие для факультетов психологии, социологии, экономики и журналистики. Редактор-составитель Д.А. Райгородский. — Самара, 2001
6. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. — М., 1997
7. Пойманова О.В. Семантическое пространство видеовербального текста. Дисс. ... канд. филол. наук. — М., 1997.
8. Сонин А.Г. Общепсихологические и когнитивные механизмы понимания мультимедийных текстов/Вопросы психолингвистики. — М., 2003. № 1. С. 43-56.
9. Уэллс У., Бернет Дж., Мориарти С. Реклама: принципы и практика: Пер. с англ. — СПб., 1999.
10. Cornuéjols, M. (2001). *Sens du mot, sens de l'image*. — Paris : L'Harmattan.
11. Delesse, C. (1994). *Image, texte, métaopération*. Thèse de doctorat. Université de Paris 3.
12. Gernsbacher, M. A. (1990). *Language comprehension as structure building*. Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum.
13. Kintsch, W. (1988). The role of knowledge in discourse comprehension: A construction-integration model. *Psychological Review*, 95 (2), 163-182.
14. Moran, L. J., & Swartz, J. D. (1970). Longitudinal study of cognitive dictionaries from ages nine to seventeen. *Developmental Psychology*, 3 (1), 21-28.
15. Rosch, E., & Mervis, C. B. (1975). Family resemblances : Studies in the internal structure of categories. *Cognitive Psychology*, 7 (4), 573-605.
16. Sonine, A.G. (2003). *Compréhension des textes multimodaux: exemple de la bande dessinée*. Thèse de doctorat. Université de Nantes.

17. Vitkovitch, M., & Humphreys, G. W. (1991). Perseverant responding in speeded naming of pictures: It's in the links. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, & Cognition*, 17 (4), 664-680.
18. Vitkovitch, M., Humphreys, G. W., & Lloyd-Jones, T. J. (1993). On naming a giraffe a zebra: Picture naming errors across different object categories. *Journal of*

Experimental Psychology: Learning, Memory, & Cognition, 19 (2), 243-259.

Михаил Патсис

СПЕЦИФИКА АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ СЛОВА В ГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

Ассоциативные поля слов *καλωσορίζω* (приветствовать кого-либо), *λόγια* (слова, речь) были сформированы по данным свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в разных регионах Греции.

В статье предполагается представить сопоставительный анализ семантического и ассоциативного полей названных выше слов с целью продемонстрировать возможности ассоциативного поля в анализе национальной специфики языкового сознания.

Анализируя синонимические отношения в рамках семантического поля, выделим идеографический синоним *καλοδέχομαι* (принимать кого-то хорошо), близкий по значению слову *καλωσορίζω*, гиперонимы *υποδέχομαι* (принимать человека), *δέχομαι* (принимать), имеющие значения *угощать, оказывать гостеприимство, привет, добрый вечер*. С выделенными лексемами антонимически соотносятся слова, имеющие значения *выгонять, резко выгонять, доброй ночи, с кулаками*. В рамках исследуемого семантического поля отмечаются отношения контрарной, или полярной антонимии: *δέχομαι* (принимать) — *ξεπρωδορίζω* (провождать), *καληνύχτα* (спокойной ночи), *αλοχαιρέτώ* (прощаться). В качестве конверсива можно выделить слово *ήρθαν* (пришли).

В семантическом поле слова *λόγια* (слова, речь) отмечается частичная синонимия: *λέξεις* (словá), поскольку сочетаемость слов *λόγια* и *λέξεις* не совпадает: последняя лексема сочетается со словами, которые характеризуют его как часть речи, как лингвистическую единицу. Толковые словари греческого языка отмечают тождественность значений этих слов, однако важно, что они не могут взаимозамещаться в ряде контекстов.

Это означает, что лексемы имеют разную валентность. Каждое слово в каждом языке в определенный момент его развития входит в ограниченное количество более или менее

устойчивых сочетаний слов, и в каждом языке в определенный момент обращается ограниченное количество сочетаний»; «Обычному, не высказанному никем, но негласно, как само собою разумеющееся, принимаемому мнению о необъятности всего множества возможных на каждом языке сочетаний слов, я противопоставляю положение об устойчивости и уловимости сочетаний слов [1, с.88; 106]. Нельзя рассматривать как синонимичную единицу и устойчивое сочетание *ηχητικές λέξεις* (фонетические слова). Это лингвистический термин, связанный, скорее, с *λέξη*, чем *λόγια*. Слова *κουβέντα, κουβέντες* (беседа) можно рассматривать как идеографические синонимы, отличающиеся оттенками значения. В ряде случаев они могут замещаться словом *λέξεις*, но не могут замещать в выражениях слово *λόγια*. Контекстуально слова *υποσχέσεις* (обещание) и *σχόλια* (замечание) могут замещаться словами *λόγια, τα λόγια του τα χόρτασα* (кормить обещаниями); *τα λόγια του ήταν χαρακτηριστικά των προθέσεων του*: его слова (замечания) соответствуют его желаниям. Слово *ομιλία* (выступление с речью) является стилистическим синонимом к *λόγια*. *Λόγια* употребляется в стилистически нейтральных контекстах, *ομιλία* употребляется для обозначения специально подготовленной речи или речи для определенного круга людей. Поэтому *ομιλία* не может замещать слово *λόγια* во всех контекстах. Это позволяет сделать вывод, что *ομιλία* и *λόγια* находятся в отношениях частичной синонимии. В качестве лексем, представляющих дополнительные оттенки значения, соотносящиеся со словом, можно выделить *φτώχεια* (беднота), *αέρας* (воздух), *μπαρμπούτσαλα* (болтовня) — слово, обладающее ярко выраженной экспрессивностью, *κουτσομπολιά* (сплетни). Антонимичными по отношению к выделенным дополнительным значениям являются слова *έργα* (дела), *πράξεις* (действия).

В свободном ассоциативном эксперименте на стимул **поэт** получено большое количество реакций, которые не могут быть включены в семантическое поле этого слова, поскольку не связываются отношениями синонимии, антонимии со словом **поэт**, а также не имеют общих с ним сигнификативных или денотативных признаков. В ассоциативном поле представлены различные виды синтагматических и парадигматических отношений между стимулом и реакциями. Можно выделить несколько групп реакций.

1. Ассоциаты, обнаруживающие атрибутивные отношения между стимулом и реакцией: *μεγάλος* большой, *πρώτος* первый, *καλός* хороший, *άσχετος* невеста, *άγνωστος* неизвестный, *πεθαμένος* мёртвый, *παλιός* старый, *πολύ καλός* очень хороший, *αυλόφορος* невыносимый, *τελειωμένος* законченный, *φιλόδοξος* честолюбивый, *άριστος* отличный, *βλάκας* дурак, *σοφός* мудрый, *κοπρίτη* эти связи в сочетаниях типа *ο μεγάλος ποιητής*, *ο καλός...*, *ο αυλόφορος ...*, *ο άριστος / ο φιλόδοξος / ο παλιός ...* и т.д. Кроме того, выделенные ассоциативные связи реализуются в составе именной части сказуемого: *ο ποιητής είναι καλός*; *ο ~ είναι άγνωστος*; *~ είναι πεθαμένος*; *~ είναι αυλόφορος* и т.д.

2. Слова *τυφλός* слепой, *καταραμένος* отверженный формально тоже можно отнести к атрибутивным ассоциациям. Но специфика их заключается в том, что данные ассоциации отражают не просто частотную устойчивую связь между стимулом и реакцией, а свидетельствуют об идиоматичности словосочетаний *слепой поэт*, *отверженный поэт*. Эта идиоматичность очевидно культурно обоснована. С другой стороны, оба прилагательные-реакции в принципе могут выполнять по отношению к слову **поэт** функцию именной части сказуемого: *~ τυφλός*, *καταραμένος* — запретов на такое употребление языковая система не налагает. Однако в узусе таких предложений нет, что свидетельствует об идиоматичности словосочетаний *слепой поэт*, *отверженный поэт* в современном греческом языке. В современном греческом социуме слепой поэт однозначно связывается с Гомером; *отверженный поэт* — это специфическое понятие, которое обозначает поэтов, не снискавших славы при жизни, отвергнутых обществом и умерших в нищете (Поль Верлен, Артюр Рембо и др). Как и любое идиоматическое словосочетание, данные словосочетания обладают экспрессией. Специфический смысл отображает и ассоциат *της*

δεκάρας — *копеечный, ничтожно малый*. Эта ассоциативная связь также реализована в идиоматическом выражении *копеечный поэт* (плохой, ничтожный).

3. Ассоциативные связи, представляющие актантные отношения: **поэт** — *είπε αυτό* (сказал это), **поэт** — *έγραψε* (писал), **поэт** — *βιβλίο* (книга), **поэт** — *τραγούδια* (песни), **поэт** — *αρχαία* (древнегреческий текст), **поэт** — *έγραψε τραγούδι* (писал песню), **поэт** — *έπος* (эпос), **поэт** — *δράμα* (драма), **поэт** — *σονέτο* (сонет), **поэт** — *ποίημα* (поэма), **поэт** — *λογοτεχνία* (литература), **поэт** — *γράμμα* (письмо), **поэт** — *τέχνη* (искусство), **поэт** — *λόγος* (слово), *ομιλία* (речь). Интересно, что внутри актантных отношений можно выделить несколько специфических подгрупп.

- Выявляются актанты первого типа S1 — S res, устанавливающие соотношение субъекта действия (поэт) и результата действия (сказал он, книгу, эпос, драма, песнь, песни, поэма, древнегреческий язык, сонет). В этих ассоциациях опосредованно обнаруживается характер отношения, установленный индивидом между реалиями. Действие реализуется в глаголе *γράφω* (писать), который может заменяться глаголом *κάνω* (делать). В этом случае репрезентируется смысл «заниматься литературным трудом, не создавая художественных произведений, не будучи способным к этому труду, не будучи одаренным».

- Другие ассоциаты этой группы *литература*, *письмо*, *искусство*, *речь* фиксируют иное представление о поэте как о человеке, *способном* заниматься литературой, письмом, искусством. Эти отношения в новогреческом языке передаются через парадигму глагола *ασχολούμαι* (заниматься). *Ασχολούμαι* глагол нейтральный и может в некоторых случаях заменяться глаголом *κάνω* (делать), который является полисемантическим и частотным и означает, что поэт способен создавать художественные произведения, а не просто рифмовать. Такие ассоциации объясняются культурологически. В современной греческой лингвокультурной общности представления о поэтических формах и о поэзии вообще изменились, что особенно очевидно проявляется в реакциях молодежи и подростков. Так, понятие *поэма* устойчиво связывается с древнегреческой поэтической традицией так же, как и *драма*, *эпос*. Слово *сонет* связывается с поэтической деятельностью более позднего времени. Сонет — поэтическая форма, доминировавшая в позапрошлом веке и в начале прошлого. Специфический вид

корреляции, которая выявляется в ассоциациях, — это отношения между словом поэт и словами, которые обозначают разных участников действия. Это так называемые актантные корреляции: поэт — εἶπε αὐτό сказал это, поэт — ἔγραφε писал, поэт — βιβλίον книга, поэт — τραγούδια песни, поэт — ἀρχαία древнегреческий текст, поэт — ἔγραφε τραγούδι писал песню, поэт — ἔπος эпо , поэт- δράμα драма, поэт — σονέτο сонет, поэт- ποίημα поэма, поэт — λογοτεχνία литература, поэт — γράμμα письмо, поэт — τέχνη искусство, поэт — λόγος, ομιλία речь. Таким образом, выявляются актанты первого типа (сказал он, книгу, эпос, драма, песнь, песни, поэма, древнегреческий язык, сонет), которые означают результаты действия и соответствуют схеме S1 — S res, где S1 — субъект действия поэт, а S res. — результат действия. В этих выражениях действие представлено глаголом γράφω (писать), который в широком смысле обозначает занятие письмом и может заменяться глаголом κάνω (делать). В этом случае глагол γράφω (писать) не предполагает, что в результате работы писателя возникает настоящее художественное произведение. Другие ассоциаты (литература, письмо, искусство, логос-речь) указывают на способность писателя заниматься творческой деятельностью (литературой, письмом, искусством).

Эти отношения в новогреческом языке очевидно выявляются через глагол ασχολούμαι (заниматься). Это глагол нейтральный и может в некоторых случаях заменяться глаголом κάνω (делать). (Последний является полисемантическим и частотным). Глагол ασχολούμαι (заниматься) означает, что поэт производит настоящие высокохудожественные литературные произведения, а не просто рифмует строки, занимается творчеством, а не «рифмоплетством». Для понимания специфичности обнаруженных в эксперименте ассоциативных связей важно показать, как соотносятся в сознании носителей новогреческого языка традиционная поэтическая форма с новыми поэтическими формами. Слово поэма (стихотворение) объединяет все слова лексического ряда, представляющего формы поэтической деятельности, как общее и является отличительным признаком деятельности поэта. Важное место имеют слова драма, эпос, которые связывают поэта с древнегреческой традицией. Слово сонет указывает на более новые типы литературной деятельности, если учесть что сонет был главным видом стихотворений в позапрошлом веке и в начале прошлого. Множество поэтов в языковом сознании ии. —

носителей греческого языка — соотносится, прежде всего, с наличием разных видов стихотворений (стихотворных форм), характерных для новогреческой поэзии. Слово книга употребляется в собирательном значении и объединяет все тексты, в том числе и стихотворные, и древнегреческие тексты. Ассоциаты песня и песни выражают явно обнаруживающуюся тенденцию в языковом сознании молодых греков к устойчивой связи поэзия — песня. То есть поэт — это прежде всего тот, кто пишет песни, причем в данном случае не важно, конкретный поэт имеется в виду или поэт вообще. Поэтому возможно, что ассоциация поэт — песня выражает актантные отношения между компонентами ассоциации.

Таким образом, некоторые реакции ассоциативного поля поэт, на наш взгляд, можно включить в семантическое поле, но это включение не приводит к изменению имеющегося в семантическом поле соотношения парадигматических и синтагматических характеристик слова. Большое количество стимулов, полученное в ассоциативном эксперименте, к семантическому полю, как мы уже говорили, отнести нельзя. Это свидетельствует о несовпадении парадигматики и синтагматики слова, вычленяемой на основе модели семантического поля, и реальными отношениями слов в ассоциативно-вербальной цепи.

Здесь необходимо отметить, что в процессах моделирования ассоциативное и семантическое поля выполняют разные задачи: ассоциативное поле выявляет характер отношения человека к словам-стимулам, семантическое поле описывает взаимоотношения данного слова с другими. Поэтому, на наш взгляд, они не могут совпадать и не могут сводиться один к другому, как это делается в научной литературе [7]. Это разные модели, интерпретирующиеся в рамках разных парадигм — системноцентрической и психолингвистической. Но результаты моделирования могут быть рассмотрены как взаимодополняющие, что позволит более глубоко представить сущность и языкового сознания, и языка как системы.

Рассматривая в психолингвистическом аспекте результаты эксперимента, мы попытаемся ответить на вопросы

- о содержании реакций ии.,
- о стратегиях ассоциирования,
- о причинах такого, а не иного количества ассоциаций на заданное слово-стимул,

• о возможности использования полученных результатов в анализе *понимания связного текста*.

В эксперименте мы не требовали от испытуемых объяснить, что значат слова-стимулы. Поэтому считаем правомерным не ассоциации включить в семантическое поле, а наоборот, семантическое поле — в ассоциативное.

В основу типологии ассоциаций будут положены не формально-содержательные признаки лексем, как в семантическом поле, а единицы сознания (мышления), выделяемые психологами, в соответствии с чем и будет произведена группировка слов. Рассматривая с этой точки зрения ассоциативное поле, отметим, что ассоциативное поля предоставляет информацию о слове, а не о его значении, а полученное ассоциативное значение не тождественно значению слова как единице языка, поскольку оно отражает личный опыт индивида, а также его субъективные смыслы.

Далее представляется ассоциативное поле трёх, прежде всего, возможно выделение двух больших групп: психоцентрические и лингвоцентрические. В первых при интерпретации преимущественно используются психологические понятия, во вторых — языковые.

Мы избираем для анализа психоцентрический способ, при помощи которого можно проследить значимые для психолингвиста соотношения между разными реакциями.

Так, в избранной нами модели центральным является *психологическое значение и его структурные элементы: понятие, эмоция, представление, операциональное содержание, предметное содержание*, а также *ассоциации*, которые не могут быть соотнесены ни с одним из выделенных элементов. Мы считаем необходимым подчеркнуть мысль о том, что *в ассоциациях обнаруживается мотивация деятельности индивида и та или иная степень включенности понятий, обозначенных словами-стимулами, в целенаправленную деятельность субъекта*. Именно участие в деятельности позволяет испытуемым преодолевать определенные трудности в понимании слово и реагировании на них.

Данная классификация в самих общих чертах дает представление о способах фиксации слов в

сознании, о принципах их соотношения в языковом сознании и позволяет использовать полученные результаты для выявления других принципов организации языкового сознания. Различные виды группировки реакций имеют и методическое значение: они сжато и однообразно представляют результаты эксперимента и с этой точки зрения являются эффективными для анализа.

Таким образом, мы выделяем в психологической структуре значения слова следующие важные составные части:

- понятие, соотносимое со словом; понятие прямым образом относится к мыслительной деятельности;
- представление, выражающееся в словах, фиксирующих прошлый опыт и будущие намерения;
- предметное содержание, которое актуализируется словами, связанными с физической или духовной деятельностью, производимой с обозначенной словом реальией;
- эмоция, актуализируемая оценочно-экспрессивными словами и словами, представляющими эмоцию, связанную со словом-стимулом;
- ассоциации, которые не могут быть соотнесены ни с одним из выделенных элементов.

Мы уже упоминали, что со времен Дж. Диза разрабатывались различные классификации получаемых в эксперименте реакций. Так, Дж. Диз [9] предлагал два принципа: принцип противопоставления и группировки, другие исследователи дополнили их самыми различными принципами исходя из ракурса своей исследовательской деятельности.

Думается, что все принципы объединяются принципом *линейности*. Под линейностью мы понимаем способ такого ассоциирования слова с другим словом, когда выявляется не только синтаксическая связь слов, но и реальная смысловая. Поэтому принцип линейности позволяет проанализировать ассоциации с точки зрения их понимания и структуры.

Поскольку данный эксперимент является одним из этапов исследования понимания текста, важно проследить не только линейные отношения между стимулом и реакцией, но также предположить мотив той или иной реакции, то есть вывить стратегию ассоциирования.

Мы попытаемся проанализировать ассоциативное поле с точки зрения процесса идентификации слова. Думается, что все стадии

понимания стимулов в реакциях представлены и могут быть обнаружены.

Способы идентификации слова.

Идентификация слова связывается с ассоциативным полем через ассоциативную структуру. Ассоциативная структура — это способ реагирования на стимул, т.е. каким образом человек отвечает, какие принципы и каким образом идентифицируется слово в сознании.

Каким образом идентифицируется слово испытуемым? В литературе мы найдем несколько вариантов решения такого вопроса. Мы считаем самыми важными способами идентификации слова следующие. Мы упоминали о противопоставлении, группировке и линейности. Далее описываем и другие принципы, которые уточняют предыдущие.

- *Сходство звукобуквенных комплексов:* λόγια — κανελόνια (слова — канелони);
- *Идентификация однокоренных слов:* λόγια — λογοποιός, λόγος (слова — сочинитель речей, речь);
- *Сходство словообразовательных элементов и словообразовательных моделей:* λόγια — λογιστής (слова — бухгалтер);
- *Стратегия противопоставления:* λόγος — πράξεις (слова — поступки);
- *Стратегия отнесения к ряду слов, сходных по значению:* λόγια — κουβέντες, λέξεις, κουβέντα;
- *Актуализация устойчивых словосочетаний, идиом, языковых и культурных реалий:* λόγια — φτώχεια, υποσχέσεις, αέρα (слова — беднота, обещание, воздух);
- *Частотные словосочетания, отражающие наиболее устойчивые связи реалий:* λόγια — старάτα, άσχημα, καλά; слова — ясные, плохие, хорошие
- *Стратегия противопоставления:* λόγος — πράξεις, слова — поступки.
- *Отнесение к ситуации:* λόγια — λέγω, то είπε, μιλά, слова — говорить, он сказал, выступать.
- *Отнесение к естественным характеристикам человека:* λόγια- στόμα, άνθρωπος, слова — рот, человек.
- *Прагматическое содержание:* λόγια — αγαπάς, κόπος; слова — любить, трудность.
- *Использование экспрессивных выражений по принципу близости к самому себе как личности:* λόγια — μπαρμπούτσαλα; слова — глупости.
- *Учебная и профессиональная практика:* ποιητής — Καρκαβίτσας, Καζαντζάκης; поэт — Каркавитсас, Казандзакис.

Ассоциативное поле слова ποιητής (поэт)

Представим совокупность всех реакций греческих и русских испытуемых.

Стимул Αποτελέσματα (греческие ии.): ποίημα, Όμηρος, Καβάφης 4, Ελύτης, Σεφέρης 5, Σολωμός, βιβλίο 2, συγγραφέας 7, πεζογράφος, λόγιος 3, τραγουδιστής 3, αφηγητής 2, τυφλός, έρωτας 2, της δεκάρας, μεγάλος 3, καλός 6, άγνωστος 2, άνθρωπος, πρώτος, άσχετος, ουρανός, δράμα, το είπε, δάφνη, τελειωμένος, Καζαντζάκης, καλλιτέχνης, αρχαία, χαζός, υπολογιστής, έπος, απαισιοδοξία, Κυριάκος, ζωή, φύση, Ιθάκη, θα γίνω, ατάκα, ονειρου, πεθαμένος, παλιός, καταραμένος, ρομαντικός, τέχνη, σοβαρός, πολύ καλός, σοφός, ανυπόφορος, λόγος, Οδυσσέας, μαθηματικά, λογοτεχνία, σιγά, Σοφοκλής, Θεοδωράκης, τραγούδι, φιλόδοξος, άριστος, κύκλος, Πρέκας, το έγραψε, τραγούδια, του κάλου, Πικάσο, Καρκαβίτσας, αγάπη συγκίνηση, сонέτο, καθηγητής, μουσικός, βλάκας, πένα, γραφή, εγώ, κοπρίτης, δεν απάντησαν. Всего 27.

Стимул Αποτελέσματα (русские ии.): Καβάφης 2, Πούσκιν 2, πεζογράφος 2, μούσα, ποίημα, συγγραφέας, τρελός, Σεφέρης, πεθαμένος, συγκίνηση, μεγάλος, μουσική. Всего 15.

Состав компонентов концепта по данным эксперимента.

1) *Πονήτση*

- ποίημα 13 поэма, συγγραφέας 7 писатель, πεζογράφος 3 прозаик, λόγιος 3 образованный, βιβλίο 2 книга, αφηγητής 2 книга, δράμα драма, καλλιτέχνης отрешенный, έπος эпос, λογοτεχνία, сонέто сонет, λόγος речь, μουσικός, άνθρωπος человек, καταραμένος τέχνη искусство. Всего 39.

2) *Ασσοκίαση*

- ουρανός δάφνη лавровый лист, αρχαία древнегреческий язык, υπολογιστής, Θεοδωράκης Теодоракис, Κυριάκος Кириаκος, Πικάσο Пикассо, μαθηματικά математика, Ιθάκη Итака, φύση, ατάκα, μουσικός музыкант (небо, компьютер, природа, артиста, цикл, слепой, перо, писание?). Всего -16.

3) *Προσπαφήση*

- Όμηρος 5 Гомер, Σεφέρης 5 Сеферис, Καβάφης 4 Кавафис, Ελύτης 4 Элитис, τραγουδιστής 3 певец, Σολωμός 2, Соломос, Καζαντζάκης Казандзакис, Οδυσσέας Одиссей, Σοφοκλής Софокл, τραγούδι песня, τραγούδια песни, Καρκαβίτσας Каркавитсас, καθηγητής преподаватель. Всего 30.

4) *Προσπαφήση*

- το είπε он сказал, θα γίνω я буду, το έγραψε он писал, εγώ я. Всего 4.

5) *Эμοκίαση и оценка*

- καλός 6 хороший, μεγάλος 3 большой, έρωτας 2 большой, άγνωστος 2 неизвестный, της δεκάρας

копеечный, πρώτος первый, άσχετος, τελειωμένος, χαζός, αλασιοδοξία, ζωή, ονειρου, πεθαμένος, παλιός, ρομαντικός романтический, σοβαρός, πολύ καλός очень хороший, σοφός, ανυπόφορος, σιγά, φιλόδοξος, άριστος, Прέκας Прэкас, του κόλου, αγάπη, συγκίνηση, βλάκας дурак, колπίτης бездельник. Всего 37.

Русские информанты

1) Понятие

• ποίημα поэма 4, πεζογράφος 2 прозаик, συγγραφέας писатель.

2) Ассоциация

• μουσική 2 музыка, μουσες музы.

3) Представление

• Σεφέρης 5 Сеферис, Καβάφης 2 Кавафис, Πούσκιν 2 Пушкин.

4) Предметное содержание-

5) Эмоция и оценка

• Μεγάλος 4 большой, τρελός сумасшедший, συγκίνηση эмоция, πεθαμένος мёртвый.

В первом ассоциативном поле слова, которые мы отнесли к компоненту *понятие*, называют класс предметов и соотносят со словом-стимулом по каким-либо семантическим признакам. Как видим, в этом случае идентификации слова осуществляется на разных семантических основаниях:

- *противопоставление* по признаку специфики деятельности (прозаик),
- *объединение (группировка)* по признаку общности деятельности (писатель),
- по признаку *тематической* общности (поэма, логос, музыка),
- по специфическому *результату* деятельности (драма, сонет).

Группа реакций, представляющая *понятие*, является доминантной в ассоциативном поле слова поэт как у греческих, так и у русских испытуемых

Понятийный признак, выделяемый в слове *поэт* греками, — тот, кто создает *стихотворные* виды поэтических произведений (поэму, драму, сонет). По этому признаку слово *поэт* противопоставляется *прозаику*, но, как показывает эксперимент, не часто: из 126 испытуемых только 3 упоминали это различие.

У русских испытуемых *поэт* — это не только тот, кто пишет стихотворения, но также и тот, кто является *писателем*. Отмечено противопоставление *поэт* — *прозаик* (из 16 двое испытуемых). Поскольку понятие представляет более устойчивую часть сознания, то можно предполагать, что понятийные признаки, проявляющиеся в ассоциативном поле,

оказываются более важными с точки зрения развития понятия *поэт* в новогреческом языке.

К группе *ассоциации* отнесены слова, указывающие на лично важные компоненты образов, связанных со словом *поэт*: *небо* (что может быть указанием на представление о поэте как о чем-то возвышенном), *перо* (возможно проявляющее метонимические отношения), *лавр* (как символ поэтической славы), *слепой* (актуализация идиоматического выражения слепой поэт как перифразы для Гомера). В группу *ассоциации* включены реакции, отражающие личный опыт испытуемых, они представляют *вероятностные* сочетаемости, более свободное словоупотребление. Всю совокупность реакций этой группы можно разделить на

- культурные, в том числе исторические,
- обусловленные воздействием внешней действительности,
- из личного пространства и времени человека по критерию близости к ним
- из духовной сферы
- разные действия.

У русских более частотны ассоциации из истории культуры (музы, музыка и др.), стимулы греков отражают ассоциативные связи более современных явлений и реалий. Это даёт нам право предполагать, что в ядро языкового сознания входят не только собственно вербальные, но и иные ассоциации.

В компонент *представление* у греков и у русских входят имена поэтов; у греков — Сеферис, Кавафис, Элитис, Гомер, Софокл, Соломос, Казандзакис, у русских — Кавафис, Пушкин, Элитис. Последнее свидетельствует о том, что межкультурная коммуникация приводит к возможности взаимного обмена культурными ценностями, вот почему русские студенты, изучающие греческую культуру, ассоциируют со словом поэт имена греческих художников слова. Следует подчеркнуть, что каждый из названных греческих поэтов олицетворяет определённый этап в развитии греческой поэзии. Гомер и Софокл — великие древнегреческие поэты. Сеферис — лауреат Нобелевской премии 1963 года и основатель новейшей греческой поэзии, которая в качестве доминирующей поэтической формы использует верлибр. Элитис — лауреат Нобелевской премии 1979г. Кавафис известен и признан далеко за пределами Греции; Соломос считается в Греции национальным поэтом; Казандзакис — это известный автор книги «Алексис Зорбас», Каркавитсас — литератор — реалист.

Приведенные выше имена поэтов легко могут быть включены в семантическое поле как компонент «Представители определенного вида деятельности» — специфический подвид гипонимии. Думается, что анализируемые

личные имена вполне могут быть категоризированы так, потому что значение, представляемое ими, соотносимо со словом *поэт*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аничков И.Е. Труды по языкознанию.
— СПб.: Наука, 1997. — 501 с.

ПРОБЛЕМЫ И ДИСКУССИИ

О СТАТУСЕ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Редакционная коллегия журнала «Вопросы психолингвистики» обратилась к известным зарубежным и отечественным ученым с просьбой ответить на несколько вопросов, касающихся статуса и перспектив развития психолингвистики.

1. *Каковы, на Ваш взгляд, наиболее значимые теоретические успехи современной психолингвистики?*
2. *Каковы основные нерешенные проблемы психолингвистики?*
3. *В каких прикладных областях наиболее активно и эффективно используются теоретические достижения психолингвистики? Каковы, на Ваш взгляд, прикладные перспективы психолингвистики?*
4. *Каковы основные понятия и категории современной психолингвистики?*
5. *Психолингвистика сегодня: устоявшееся и спорное.*

Сегодня мы публикуем часть полученных ответов.

Guy Denhière

**Directeur de Recherche au Centre National de Recherches Scientifiques,
Aix-en-Provence**

О СПЕЦИФИКЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ МЫШЛЕНИЯ И РЕЧИ

Я различаю для себя собственно психолингвистику и когнитивные исследования текста, хотя оба направления интересуются пониманием (рецепцией) и продуцированием (эмиссией).

Собственно психолингвистика, берущая начало в порождающей грамматике Хомского, занимается экспериментальной верификацией различных гипотез о специфике порождения и понимания фраз с использованием измерений времени чтения, времени обдумывания ответа, количества правильных ответов и т.д.

Начало когнитивным исследованиям текста положила работа Carroll & Freedle (1972), а их всеобщее признание связано с опубликованным в 1974 г. исследованием Вальтера Кинча. В дальнейшем сложилось несколько самостоятельных направлений (понятие схемы, грамматика повествования, типологии текстов, коннекционизм и т.д.). В отличие от собственно психолингвистики когнитивные исследования текста большое внимание уделяют роли памяти (долгосрочной, рабочей краткосрочной, рабочей долгосрочной) и знаний субъекта в понимании и порождении текста. Когнитивные исследования используют в качестве единицы анализа пропозицию, состоящую из предиката и N

аргументов. Предложенная Кинчем модель конструкции-интеграции (1988, 1998) объединила все основные достижения лексической семантики (исходная автоматическая активация значений слова или полисемического выражения), а также связала когнитивные исследования текста с коннекционизмом (использование процесса релаксации для стабилизации репрезентации содержания текста, построенной с опорой на предшествующую информацию и знания субъекта).

Последний важный, на мой взгляд, шаг в развитии этого направления — это интеграция Латентного Семантического анализа (LSA) содержания памяти (Landauer, Dumais, 1997) и модели конструкции-интеграции (Kintsch, 2000, 2004). Это позволило создать компьютерные модели, имитирующие понимание текста разными субъектами или одним субъектом по разным параметрам (Denhière, Lemaire, 2004).

Самые интересные направления развития психолингвистических исследований, самые многообещающие концепты

для психолингвистики это:

— референция при большой базе данных (à d'énormes corpus),

- регистрация движений глаза,
- регистрация электрической активности мозга, особенно в связи с решением временных и пространственных задач.

Для когнитивных исследований текста:

- понимание образных выражений (идиом и метафор),
- взаимодействие памяти и механизмов понимания,
- моделирование процесса понимания на основе интеграции разных моделей: Construction-Integration (Kintsch, 1998); Landscape Model (van den Broek, 1998) и Memory based processing (Myers, 1998).

Что считать важнейшими достижениями психолингвистики последних десятилетий?

1. Соединение лексической семантики с теорией понимания/производства текста.

2. Соединение коннекционистских теорий с теорией понимания/производства текста.

3. Интеграция последних достижений в изучении рабочей памяти (краткосрочной и долгосрочной) и долгосрочной памяти (абстрактные модели: Hintzman, Murdock, Shiffrin).

4. Векторное представление значения (слов, синтагм, фраз, текстов).

Практические достижения:

- автоматические системы понимания и производства (туристические агентства) системы помощи в составлении резюме.

Перспективные направления:

- соединение синтаксического и семантического анализа;
- компонентная семантика vs. некомпонентная семантика.

Ю.А. Сорокин,

доктор филологических наук, профессор (ИЯ РАН)

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

I. Первый очевидный успех психолингвистики состоит в том, что она сумела выжить в недалёком прошлом и выживает в настоящем. Объясняется это вниманием психолингвистики к узуальному вербальному и невербальному поведению носителей языка и построением на его основе моделей восприятия и понимания как слова, так и текста (моделей смыслоформирования и смыслоформулирования). Немаловажным для психолингвистики является и рассмотрение речевой деятельности как составляющей процесса общения. Благодаря психолингвистике оказывается возможным построение теории межкультурной коммуникации, а также ревизия основ теории и практики переводоведения. Несомненным является и следующее: только в рамках психолингвистики смогли найти своё место фоносемантические исследования наряду с паралингвистическими, только она дала толчок к построению *типологии читателей и авторов*, к изучению мужских и женских идиомов и выявлению различий между ними.

Второй очевидный успех психолингвистики — в смещении интереса лингвистики к самой себе на интерес к «соседям»: к психологии, этнографии, этнологии и культурологии. Словом, к тем **дискурсным практикам**, которые позволяют в рамках психолингвистики получать многообещающие результаты.

II. На мой взгляд, основная проблема, требующая упорного внимания, но зависящая не только от психолингвистических исследований, — это выявление компонентов «механизмов» речепорождения и речевосприятия, соотношения этих компонентов между собой и реального/экспериментального подтверждения фактов их существования. Неясным остаётся и вопрос о взаимосвязи между *значением, смыслом и представлением*, вербальным и невербальным опытом в межличностном общении, культуральным фоном и фондом, обуславливающим эффективность этого общения, а также мотивами и целями деятельности тех или иных **психобиотипов**. Неясны также и составляющие тех человеческих игр, которые можно было бы назвать *синестезическими* или *синергетическими*.

III. Теоретические положения психолингвистики учитываются — осознанно и неосознанно — по крайней мере, в трёх «соседних» областях: в рекламе, политологии и массовой коммуникации. Не чужаются этих положений и лингвистика с психологией. Есть основания полагать, что в дальнейшем теоретические и прикладные результаты психолингвистических исследований будут учитываться литературоведами и книговедами (работниками «книжного дела»). Но для этого, естественно, следует увеличивать набор экспериментальных методик.

IV. Всё изложенное выше — это и есть не что иное, как основные понятия/категории психолингвистики, истолковываемые с большей или меньшей точностью. Их можно дополнить и другими, но, на мой взгляд, самое важное заключается в ином: в **антропофиличности** психолингвистики, в её принципиальной ориентированности на дешифровку *не отсутствующих, а скрытых структур* человеческих — индивидуальных, межличностных и коллективных — действий и поступков.

V. Как его ни расценивать, но всё-таки понятийный аппарат психолингвистики и её экспериментальные процедуры (например,

методики шкалирования, дополнения, ассоциативного эксперимента) остаются вполне надёжными и результативными: доказательства этому можно найти в вышедших в последние годы «Основах психолингвистики» или «Введениях» в неё. Самое спорное — статус психолингвистики, стремящейся расширить сферу своего приложения и получить нетривиальные результаты за счёт «размытых»/метафорических понятий, используемых в её рамках или заимствованных у «соседей» и переосмысляемых в собственных интересах. Но этот процесс, очевидно, вполне допустим: никто ещё не оспаривал права на интуитивный риск.

Anke Werani & Marie-Cécile Bertau

Institut für Psycholinguistik Department 13 II Ludwig-Maximilians-Universität München

ÜBER PSYCHOLINGUISTIK

1 Wodurch wird heutzutage die Psycholinguistik als besonderes wissenschaftliches Forschungsgebiet bestimmt?

Die Bedeutung von Sprache nimmt in vielen gesellschaftlichen Bereichen zu. Daher spielen psycholinguistische Erkenntnisse zum Beispiel bezüglich des Spracherwerbs, der Sprache und Kognition, der Mündlichkeit und Schriftlichkeit sowie der Sprachpathologie eine wichtige Rolle (vgl. Werani, Bertau & Kegel (2003): Psycholinguistische Studien 1, Aachen).

Charakteristisch für eine Psycholinguistik in europäischer Tradition ist die Auseinandersetzung sowohl mit empirischen Arbeiten, die zu einem nicht unerheblichen Teil aus den Vereinigten Staaten kommen, als auch mit theoretischen, reflexiven Arbeiten, die zur Klarheit über die eigene interdisziplinäre Position beitragen. Insofern wird immer wieder auch ein Vorgehen angestrebt, das historische Arbeiten und Positionen einbezieht und bezüglich aktueller Fragestellungen interpretiert.

Das hier vertretene Verständnis von Psycholinguistik läßt sich wie folgt charakterisieren. Grundlegender Ausgangspunkt ist Sprache als ein Vorgang, der zwischen Menschen und in Menschen selbst geschieht. Sprache ereignet sich je besonders innerhalb konkreter menschlicher Zusammenhänge, die historisch, kulturell und sozial bestimmt sind und daher auch das sprachliche Ereignis mitprägen. Je besondere Ereignisse können sein: ein Kind lernt sprechen, zwei Menschen unterhalten sich, ein Mensch schreibt, ein anderer versucht ein Problem zu lösen und spricht dabei. Diese einzelnen

Vorgänge sind stets verbunden mit allen ähnlichen sprachlichen Vorgängen, die in der Sprachgemeinschaft stattfinden. Diese Verbindung erzeugt Muster sowie Regelmäßigkeiten und garantiert den Sinn der einzelnen Vorgänge.

Psycholinguistik geht also vom sprachlichen Vorgang aus und untersucht die Funktionen und Strukturen, in welchen dieser Vorgang gezeigt und realisiert wird. Als entscheidend für eine fruchtbare akademische Arbeit sehen wir insbesondere die Verbindung zur Praxis: gerade wenn und weil es um Vorgänge geht, müssen psycholinguistische Forschungen Umsetzungsmöglichkeiten bieten. Konkret und aktuell bezieht sich dies auf die Bereiche der Sprachpathologie und der Bildung. Umgekehrt sind Ergebnisse der Umsetzung für die Forschung wiederum fruchtbar zu machen.

Die Schwerpunkte der Psycholinguistik, wie sie am Institut für Psycholinguistik der Ludwig-Maximilians-Universität München gelehrt und erforscht werden umfassen zunächst klassischerweise Spracherwerb sowie Sprache & Kognition, hierzu gehören auch Fragen der Sprachverarbeitung; sodann, etwas weniger selbstverständlich, Mündlichkeit & Schriftlichkeit, worunter wir auch rhetorisch orientierte Arbeiten begreifen; schließlich, wiederum klassisch, Sprachpathologie.

2 Welches sind die Hauptrichtungen in der gegenwärtigen Psycholinguistik? Welche Konzeptionen sind vielversprechend?

Einige Hauptrichtungen wurden nun in der ersten Frage schon erwähnt. Deshalb folgt nun eine

stichpunktartige Nennung der wichtigen Forschungsfelder:

– Im Rahmen der *Spracherwerbsforschung* sind viele gesellschaftlich relevante Felder zu nennen: angefangen von der frühen Interaktionsforschung zur Förderung sprachlicher Fähigkeiten bis hin zur Förderung der Schlüsselkompetenz Sprache im gesamten Bildungssektor (Kindergarten, Vorschule, Schule etc.) in verschiedenen Projekten (z.B. Grundschuldidaktik: Fördern der Schriftsprache, Deutsches Jugendinstitut e.V. (DJI): Förderprojekt für funktionale Analphabeten). Ferner ist hier auch die Bilingualismusforschung zu nennen, welche in unserer immer multikultureller werdenden Zeit stetig an Wichtigkeit gewinnt. Schließlich Untersuchungen zum Einfluß der Medien auf den Spracherwerb.

– Die Erforschung von *Sprache und Kognition* mit dem Schwerpunkt den Zusammenhang zwischen Sprechen und Denken zu ergründen. Hierzu zählen Projekte zur Erforschung des Problemlösens mit innerer Sprache, einerseits mit Herangehensweisen herkömmlicher Forschungsparadigmen, andererseits mit Hilfe neuerer Technologie wie bildgebenden Verfahren aus der Medizin.

– Die *Sprachverarbeitungsforschung* stellt ebenso eine große wissenschaftliche Herausforderung dar. Hier werden theoretische Erkenntnisse des Sprechens und des Verstehens gesammelt und diese Erkenntnisse beispielsweise im sprachpathologischen Bereich für eine effiziente Therapiegestaltung herangezogen.

– Der Bereich *Schriftlichkeit & Mündlichkeit* befaßt sich mit den Unterschieden zwischen den Systemen gesprochener und geschriebener Sprache im allgemeinen wie auch beispielsweise der Aneignung der Schrift und Entfaltung der inneren Sprache in und durch die Schrift im speziellen.

– Der große Bereich der *Rhetorik* im Rahmen der Psycholinguistik befaßt sich mit historischen Aspekten ebenso wie mit der weiten Palette der angewandten Rhetorik im Rahmen der Erwachsenenbildung.

– Die *Sprachpathologie* umfaßt die Erforschung diagnostischer und therapeutischer Verfahren bei Kindern und Erwachsenen. Neben dem therapeutischen Aspekt wird auch die Sammlung von Evidenzen sprachpathologischer Fälle zur psycholinguistischen Theoriebildung herangezogen.

Ein vielversprechender Ansatz ist der kulturhistorische in der Psychologie (Vygotskij, 1934; M. Cole, 1996). Für die Psycholinguistik gilt, daß Sprachprozesse auch in soziokulturellen Kontexten zu untersuchen sind. Ferner ist vielversprechend die neue Zugänglichkeit der Texte

der sowjetischen Psychologie (vgl. Jakubinski, Vygotskij, Lompscher).

3 Nennen Sie bitte die bedeutendsten theoretischen Ereignisse auf dem Gebiet der Psycholinguistik in den letzten Jahrzehnten.

Die Psycholinguistik blickt auf eine noch überschaubare Entstehungsgeschichte zurück, die im folgenden anhand historischer Meilensteine und unter Einbeziehung zentraler Gestalten kurz umrissen werden soll.

Als moderne Disziplin entstand die Psycholinguistik 1953 im Rahmen eines Sommerseminars in den Vereinigten Staaten, das Psychologen, Linguisten und Informationstheoretiker zusammenbrachte. Grundidee war, die Polarität von Linguistik und Psychologie in einem interdisziplinären Ansatz zu überwinden und deren Zusammenhang differenzierend herauszuarbeiten. Die Psycholinguistik nahm damit von vornherein eine Zwischenstellung ein; dies bleibt prägend und stellt sowohl eine Schwierigkeit dar — die Abhängigkeit von anderen Disziplinen und ihren jeweiligen Modellen — als auch eine Chance — einen notwendigerweise weiten Blick.

Die wichtigsten Phasen der Psycholinguistik spiegeln die wechselnden Einflüsse wider, welchen sie unterworfen wurde. In der Gründungsphase ist der Behaviorismus bestimmend, es geht um Sprachverhalten; primäre Untersuchungseinheit ist das Wort in seiner Funktion als verbaler Stimulus oder verbale Response. Mit Chomsky und der Transformationsgrammatik kommt die Syntax in den Vordergrund; gegen das Verhalten (außen) werden die mentalen Strukturen (innen) gesetzt, Performanz wird von Kompetenz getrennt. Die Psycholinguistik ist in dieser Zeit mit dem Nachweis der psychologischen Realität der Strukturen beschäftigt, bis sie sich Ende der 60er Jahre allmählich von dieser linguistischen Vorgabe löst und sich semantischen Problemen zuwendet, die sie kognitionspsychologisch bearbeitet; Fragen der Sprachverarbeitung und des Verstehens tragen dazu bei, den Blick erneut zu erweitern, so daß — im Zuge der pragmatischen Wende — die Situationsgebundenheit und der Handlungscharakter der Sprache thematisiert werden. Aktuell ist wiederum eine Betonung kognitiver Ansätze zu beobachten, die nicht zuletzt auf die mit der Computertechnologie verbundenen Modellierungsmöglichkeiten zurückzuführen ist.

Die allmähliche Erweiterung des Untersuchungsinteresses vom Wort zum Satz, von dort zum Text und schließlich zur Situation kann auf der Grundlage der Tradition der kulturhistorischen

Schule weitergeführt werden: zu einer historisch, kulturell und sozial bestimmten Situation.

In der europäischen Tradition sind als wichtige Vertreter Wilhelm Wundt (1832-1920) und Karl Bühler (1879-1963) zu nennen. Wundt widmete sich in seinem Schaffen den Bereichen Geschichte, Archäologie, Sprache, Kunst, Recht, Religion und Ethik und zählt zu den Begründer einer Sprachpsychologie nach europäischer Tradition. In seinen Bänden über die Sprache (Völkerpsychologie, 1900) befaßt er sich u.a. mit den verschiedenen Ausdrucksbewegungen, den Sprachlauten, der Wortbildung, der Satzfügung sowie dem Ursprung der Sprache. Wundt begründete 1881 die „Philosophischen Studien“, die nach 12 Jahren in „Psychologische Studien“ umbenannt wurden. Heute benennen wir eine neue psycholinguistische Reihe an diese Tradition anknüpfend „Psycholinguistische Studien“ (Werani, Bertau & Kegel, 2003).

Neben Wilhelm Wundt ist Karl Bühler in der europäischen sprachpsychologischen Tradition zu nennen. Obwohl er aufgrund der Emigration letztlich um sein Lebenswerk gebracht wurde, schuf er beispielsweise mit der Entwicklung des Organon-Modells und mit seiner umfassenden Sprachtheorie wichtige Meilensteine für die psycholinguistische Tradition (Sprachtheorie, 1934).

Die sowjetische Psychologie brachte vor allem mit dem Werk Vygotskijs „Denken und Sprechen“ (1934) wegweisendes Gedankengut für die Psycholinguistik hervor. Der hohe Stellenwert der Sprache für alle psychischen Prozesse birgt psycholinguistisches Potential, welches die westliche Psychologie in dieser Form nicht erreicht hat.

Nach dem 2. Weltkrieg sind vor allem drei Sprachforscher zu nennen, die die Forschungstradition Wundts und Böhlers fortführen: Hans Hörmann, Theo Herrmann und Willem J.M. Levelt.

Charakteristisch für den Sprachpsychologen Hans Hörmann (1924-1983) ist ein philosophisch fundiertes Herangehen an Sprache; insbesondere greift Hörmann auf Husserls Gedanken zur Intentionalität als grundlegende Bewußtseinsstruktur zurück. So entwickelt Hörmann in seinem Hauptwerk „Meinen und Verstehen“ (1976) ein Gedankengebäude, für welches die Intelligibilität der Welt für Menschen zentral ist. Diese bestimmt die Ausgerichtetheit auf Sinn und damit die Gerichtetheit der sprachlichen Prozesse.

Auch der Sprachpsychologe Theo Herrmann begreift Sprache vornehmlich über die Kategorie des

Handelns von Menschen, es geht ihm um sprachliches Handeln und Handlungsverstehen und damit um Sprachrezeption und -produktion. Diese Handlungen untersucht Herrmann ausgehend vom informationsverarbeitenden, regulierten, auch Sprachäußerungen erzeugenden und rezipierenden menschlichen System, für dessen Konzeptualisierung die konnektionistische Theorie eine bedeutende Rolle spielt (Allgemeine Sprachpsychologie, 1994).

Levelt hat als Leiter des Max-Planck-Instituts für Psycholinguistik in Nijmegen Geschichte in der Sprachverarbeitungsforschung geschrieben. Seine zusammenfassende Theorie der Sprachproduktion gilt momentan als Standard und Grundlagenwissen jedes Psycholinguisten (Speaking, 1989).

4 In welchem Bereich der Lebenstätigkeit ist die angewandte Bedeutung der Psycholinguistik besonders sichtbar?

Die angewandte Psycholinguistik ist gewissermaßen in allen Lebensbereichen sichtbar: Menschen sprechen, handeln sprechend, beziehen das Sprechen in ihr (gemeinsames) Denken ein.

In Deutschland führt die Psycholinguistik ein Schattendasein und ist wenig bekannt. Hier besteht großer Aufklärungsbedarf über die zunehmende Wichtigkeit psycholinguistischer Forschung. Inzwischen ist es sogar so weit, daß das einzige in Deutschland unabhängige Institut für Psycholinguistik (Sprechwissenschaft (Psycholinguistik)) an der Ludwig-Maximilians-Universität in München abgeschafft werden soll.

5 Welche Probleme bleiben bis jetzt ungelöst und sind in der näheren Zukunft zu lösen?

Das Phänomen sprechen und verstehen zu können wird lange Zeit noch ein Rätsel bleiben. Als zentrale Forschungsfragen sollen folgende genannt werden:

- Erforschung des inneren Sprechens im Rahmen des Problemlösens und der Persönlichkeitsentwicklung bei Kindern, Erwachsenen und auf dem gesamten pathologischen Sektor.
- Erforschung der Ursachen des funktionalen Analphabetismus und Möglichkeiten der Prävention.
- Erforschung der Begriffsbildung; wie entstehen Begriffe und wie konstruiert sich unser mentales Lexikon, insbesondere in bi- und multikulturellen Kontexten.
- Erforschung der kontextbezogenen Sprachverarbeitung. Wie läßt sich dieses überaus flexibel funktionierende System in verschiedenen Kontexten und Sprachumgebungen fassen, und welche Hinweise erhalten wir über bildgebende Verfahren über unser sprachverarbeitendes System.

КОНФЕРЕНЦИИ

ЯЗЫКОВОЕ БЫТИЕ ЧЕЛОВЕКА И ЭТНОСА:
Научные чтения, посвященные памяти д.ф.н., профессора
Ф.М. БЕРЕЗИНА

11 — 12 мая 2004 г. в Москве в помещении Московского гуманитарно-экономического института прошла Международная научная конференция «Языковое бытие человека и этноса», посвященная памяти доктора филологических наук, профессора Федора Михайловича Березина. Она была организована Институтом языкознания РАН, Московским гуманитарно-российские ученые из Москвы, Твери, Курска, городов Сибири, в их числе многочисленные коллеги и ученики Ф.М. Березина, а также ученые Америки, Греции, Франции, Китайской Народной республики.

Словом об Учителе открыла пленарное заседание д.ф.н., профессор МГЛУ Р.К. Потапова. Она осветила жизненный путь Ф.М. Березина — путь большого ученого, талантливого педагога и человека, так много давшего своим ученикам.

Высокую оценку научной и педагогической деятельности Ф.М. Березина высказала в своем докладе д.ф.н., профессор МГУ Е.Г. Беляевская, подчеркнув влияние Ф.М. Березина на формирование стиля научного мышления своих учеников, выработку бережного отношения ученого к первоисточникам, самостоятельность в исследовании научных проблем. В ее докладе «Концепция А.А. Потебни в свете когнитивной лингвистики (учение о слове)» акцентируется сходство положений современной когнитивной лингвистики и идеи внутренней формы А.А. Потебни.

На пленарном заседании выступил также д.ф.н., профессор Е.Ф. Тарасов с докладом «Методологические проблемы анализа языкового сознания», обозначив некоторые мифологемы традиционной лингвистики, в частности истолкование коммуникации как процесса *передачи* информации.

Проблемам восприятия поликодового (комиксового) текста был посвящен доклад к.ф.н. А.Г. Сониной; автор обосновывал принципы экспериментального исследования данного типа текстов. Д.ф.н. Н.В. Уфимцева предложила для обсуждения вопросы, связанные с функционированием языка и культуры в контексте проблемы глобализации.

Тематика докладов отражала проблематику современного языкознания, в основном обсуждались вопросы методологического характера, актуальные для современной

лингвистики, находящейся в состоянии активного методологического поиска.

В работе секций обсуждались доклады, посвященные проблемам методологии и истории современного отечественного языкознания, методов лингвистических и психолингвистических исследований, лингвосинергетики.

Целый ряд выступлений был связан с обсуждением некоторых базовых категорий когнитивистики и психолингвистики. Так, д.ф.н., профессор В.А. Пищальникова обосновывала необходимость введения в теорию перевода категории языковой способности как детерминанты процессов понимания текста. Подчеркивая декларативный характер требования учета «человеческого фактора» в традиционной «системоцентрической» теории перевода, В.А. Пищальникова акцентирует иную традицию, идущую от В. фон Гумбольдта, И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.А. Потебни, Л.В. Щербы, в концепциях которых данная категория является органичным элементом. В докладе языковая способность определяется как универсальный механизм вербализации ментального содержания, представляющий собой совокупность оптимизирующих когнитивных стратегий, способный к развитию по законам функциональных динамически систем.

Способам лингвистической диагностики языковой способности и языковой компетенции был посвящен доклад д.ф.н., профессора Л.О. Бутаковой. Диагностическая методика строится на учете факта языковых нарушений и их характера и обосновывает необходимость перехода к новой образовательной стратегии языковой подготовки. Автор обращает внимание на неэффективность существующей методики обучения нормативной речи, которая не принимает во внимание когнитивной природы нормы, обусловленность последней психологическими и социальными факторами. Л.О. Бутакова вводит понятия эксплицитной и имплицитной нормы.

Моделированию концепта на основе ряда принципов (разграничения феномена и объекта, языковой репрезентации, динамичности, функциональности) был посвящен доклад д.ф.н., профессора Е.В. Лукашевич. На примере концептов *ребенок*, *хлеб* Е.В. Лукашевич продемонстрировала динамику их структуры.

Ментальным структурам были посвящены доклады к.ф.н. Е.Н. Гуц, к.ф.н. Э.В. Губернаторовой, к.ф.н. Е. В. Нагайцевой. Проблемы метаязыка лингвистики были затронуты в выступлении к.ф.н. А.В. Иванова. Статус понятия *инвариант* рассматривался в докладе д.ф.н., профессора Е.Б. Трофимовой. Этническим аспектам были посвящены доклады к.ф.н. Т.А. Голиковой, И.С. Черкасовой, М. Патсиса.

Н.В. Бугорская

РЕЦЕНЗИИ И РЕФЕРАТЫ

МЕТОДОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ:

Сборник статей.

— Москва; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. — 204 с.

В сборнике представлены статьи психолингвистов, принадлежащих к разным психолингвистическим школам, но использующих в исследованиях категории ментальная реальность, языковое сознание, концепт и др. Анализируется использование категории языкового сознания в этнопсихолингвистической, лингвокультурной, гендерной и иных парадигмах. Рассмотрены некоторые методологические вопросы, связанные с разграничением объектных областей и интерпретационных моделей различных лингвистических дисциплин: психолингвистики, когнитивной и «системоцентрической» лингвистики.

Статья В.А. Пищальниковой «Психолингвистика и современное языковедение» посвящена анализу современного методологического состояния лингвистики и места в ней психолингвистики. Согласно автору, современная лингвистика характеризуется следующими особенностями познавательного процесса: универсализацией теоретических моделей; доминированием дедуктивных построений и принципов формальной логики; аксиоматизацией лингвистических построений; недостаточным использованием в аргументации экспериментальных данных и почти полным отсутствием новых методик собственно лингвистического эксперимента; акцентированием в анализе языкового содержания соотношений между лингвистической и экстралингвистической системами; изменением понятия функционализма (функция все чаще понимается не как детерминированное соответствие, а как изменение свойств или соотношения свойств объекта в процессе использования); утверждением о принципиальной нестабильности системы языка как существенном ее свойстве, что влечет за собой систематическое изучение единиц и свойств языка, ранее причисляемых к аномальным; актуализацией вопроса о дискурсивности научного знания как вопроса о границах моделирования объекта и о специфике способов познания данного научного объекта;

интересом к исследованию так называемых гетерогенных / креолизованных текстов: способам взаимодействия вербальных и невербальных компонентов этих текстов в соответствии со смысловой доминантой и т.п.; вниманием к способам вербальной фиксации знания.

В.А. Пищальникова разграничивает объектные области лингвистики, психолингвистики и когнитивной лингвистики: объектом исследования лингвистики являются лингвистические структуры, интерпретирующей моделью — значение; объектом психолингвистики служит структура и функции речевой деятельности, а интерпретирующей моделью — образ сознания и концепт; когнитивная лингвистика оперирует языковым мышлением (языковой способностью), этому должна соответствовать и специфическая интерпретирующая модель, которая традиционно определяется как концепт. Однако автор статьи предлагает термин когиоцепт, который отражает закономерно связанные стабильные компоненты знания и стабильные формы их репрезентации. Схема «Концепт как интегративная модель исследования речевой деятельности», предложенная в статье, демонстрирует как единство материала исследования отдельных отраслей языковедения, так и возможность, в силу этого единства, интегрирования моделей интерпретации синкретичного объекта — концепта.

Далее на примере экспериментов демонстрируется некорректное использование категории деятельности как интерпретативной, когда отдельная операция подменяется категорией деятельности, и на последнюю механически переносятся полученные в ходе экспериментов результаты.

Е.И. Горощко в своей статье «Языковое сознание: гендерная парадигма» обращается к проблеме реального функционирования образов интраэтнического сознания в зависимости от биологических и социальных составляющих личности индивида. Объектом исследования служат образы сознания представителей

гомогенной культуры, «овнешненные» вербальными ассоциациями в их связи с психофизиологическими и социальными составляющими личности. Материалом исследования являются данные широкомасштабных психолингвистических экспериментов (свободных ассоциативных) в период с 1994 по 2001 г. Данный ассоциативный материал был собран автором с учетом пола представителей русскоязычного населения Восточной Украины и носителей украинско-русского билингвизма. Рассматривая историю становления гендерной парадигмы в современной науке, Е.И. Горошко, задачей собственного исследования ставит обнаружение, систематизацию и описание гендерных особенностей ассоциативного поведения на материале русского языка. Результаты экспериментов позволили автору утверждать, что введение гендерного параметра в качестве разграничительного критерия способствует более четкому описанию особенностей мужского и женского языкового сознания. Эксперимент показал наличие как социальных, так и культурно-символических составляющих гендера и их отражение в структурах языкового сознания. Особенно явно это проявилось на эмоциональном и цветовом лексическом материале, а также при работе с людьми, находящимися в длительной изоляции от общества. Влияние гендерного фактора на ассоциативное поведение испытуемых проявилось в изменении показателя стереотипности реакций, в количестве отказов от реагирования, в «частиречной наполняемости» ассоциативных полей, в коннотативной окраске реакций, в «лексическом наборе» ассоциативного поля. Зафиксированы и особенности в предпочтении мужчиной и женщиной определенных стратегий реагирования на стимул.

В статье «Языковое сознание и описательная модель языка» А.А. Залевская анализирует содержание понятия «языковое сознание». Отмечается, что в современной науке возникла ситуация неосознаваемого редукционизма, в связи с чем предлагается различать четыре уровня осознаваемости речемыслительной деятельности человека: актуального сознания, сознательного контроля, бессознательного контроля и неосознаваемого. С учетом разграничения Л.В. Щербой понятий процесса и продукта автором статьи построена схема «Соотношение аспектов языковых явлений», в которой отражено, что один и тот же языковой материал служит базой для переработки в разных

направлениях, что дает различающиеся продукты. Процессы переработки и упорядочения речевого опыта индивида, которые протекают по законам психической деятельности и под контролем социума (и шире — культуры), имеют своим результатом систему концептов и стратегий пользования ими как функциональными ориентирами и опорами. В отличие от этого метаязыковая деятельность ученого-лингвиста (целенаправленный логико-рациональный анализ, который следует системе принятых исходных постулатов) приводит к построению описательной модели языка как системы конструкторов и прескриптивных правил их комбинирования. А.А. Залевская предлагает и другую схему «Соотношение аспектов языковых явлений с учетом роли носителя языка».

Противопоставляя некоторые специфические особенности речевой организации индивида, которая характеризуется постоянной динамикой процессов и продуктов и функционирует при взаимодействии разных уровней осознаваемости, и описательной модели языка как вторичного продукта, отвечающего требованиям строгого логико-рационального анализа, автор строит «Систему оппозиций речевой организации индивида», которая отражается в таблице. Предпринятое сопоставление оппозиций позволяет в определенной мере эксплицировать различия между тем, что составляет фундамент языкового сознания, и тем, что фактически характеризует описательную модель языка, трактуемого как самодостаточная система.

Статья В.И. Карасика и Г.Г. Слышкина «Лингвокультурный концепт как элемент языкового сознания» посвящена анализу наиболее существенных характеристик лингвокультурных концептов. 1. Комплексность бытования означает, что лингвокультурный концепт — условная ментальная единица, направленная на комплексное изучение языка, сознания и культуры. Соотношений лингвокультурного концепта с тремя вышеуказанными сферами может быть сформулировано следующим образом: 1) сознание — область пребывания концепта (концепт лежит в сознании); 2) культура детерминирует концепт (т.е. концепт — ментальная проекция элементов культуры); 3) язык и / или речь сферы, в которых концепт опредмечивается (овеществляется). 2. Лингвокультурный концепт отличается от других единиц, используемых в лингвокультурологии, своей ментальной природой. Именно в сознании осуществляется взаимодействие языка и

культуры, поэтому любое лингвокультурологическое исследование есть одновременно и когнитивное исследование. 3. Лингвокультурный концепт отличается от других ментальных единиц, используемых в различных областях науки (например, когнитивный концепт, фрейм, сценарий, скрипт, понятие, образ, архетип, гештальт, мнема, стереотип), акцентуацией ценностного элемента. Центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип. 4. Лингвокультурный концепт — это условная единица в том смысле, что сознание синкретично и его членение производится в исследовательских целях. Концепт группируется вокруг некой «сильной» (т.е. ценностно акцентуированной) «точки» сознания, от которой расходятся ассоциативные векторы. 5. Изменчивость означает, что в ходе жизни языкового коллектива актуальность концептов (т.е. интенсивность оценки) может меняться. Концепт может даже менять оценочный знак с отрицательного на положительный или с положительного на отрицательный. 6. Ограниченность сознанием носителя подразумевает, что лингвокультурный концепт существует в индивидуальном или коллективном сознании. Любые элементы, отсутствующие в сознании данного индивида / группы, в структуру концепта данного индивида / группы включаться не могут. 7. Структура лингвокультурного концепта трехкомпонентна. Помимо уже названного ценностного элемента, в ее составе могут быть выделены фактуальный и образный элементы. Фактуальный элемент концепта хранится в сознании в вербальной форме и поэтому может воспроизводиться в речи непосредственно, образный же элемент невербален и поддается лишь описанию. 8. Существует множество способов языковой апелляции к любому лингвокультурному концепту («входов в концепт»). К одному и тому же концепту можно апеллировать при помощи языковых единиц различных уровней: лексем, фразеологизмов, свободных словосочетаний, предложений. 9. Лингвокультурный концепт многомерен. 10. Методологическая открытость. Лингвокультурология — научная отрасль междисциплинарного характера, поэтому в ее рамках приветствуется использование как лингвистических, так и внелингвистических методов. 11. Поликлассифицируемость. Лингвокультурные концепты могут классифицироваться по различным основаниям.

С точки зрения тематики концепты образуют, например, эмоциональную, образовательную, текстовую и другие концептосферы. Классифицированные по своим носителям концепты образуют индивидуальные, микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные, общечеловеческие концептосферы. Могут выделяться концепты, функционирующие в том или ином виде дискурса: например, педагогическом, религиозном, политическом, медицинском и др.

В статье «О психолингвистической экспертизе» А.А. Леонтьев исследует понятие экспертизы в российском праве. Особое внимание уделяется понятию и разновидностям психолингвистической экспертизы: автороведческая, экспертиза, направленная на установление временных признаков автора текста, тех или иных условий создания исследуемого текста, направленная на установление преднамеренного искажения сведений, наличия у текста содержательных и иных признаков, позволяющих поднять вопрос об обвинении автора текста. А.А. Леонтьев рассматривает понятие «распространение информации», которое в текстах права представлено понятием «сведения»: переписка, телефонные переговоры, почтовые и телеграфные сообщения и др.

Е.В. Лукашевич в статье «Становление когнитивной структуры слова: лингвоментальный аспект» анализирует основные направления в исследовании когнитивной структуры слова. В связи с тем, что одной из основных категорий когнитивной лингвистики является категория знания, автор подробно останавливается на ее трактовке в научной картине мира. Свое разноаспектное исследование Е.В. Лукашевич дополняет экспериментальной верификацией данной категории. Предлагаются различные схемы, в которых отражаются когнитивные структуры слов «знание» и «знания», а также результаты ассоциативных экспериментов, проведенных среди русских, американцев и французов. Выявлены когнитивные структуры концепта «знание» носителей русского, американского и французского языков.

В статье А.И. Новикова «Текст как объект исследования лингвопсихологии» обосновывается интегративный подход к тексту. Согласно его концепции, текст, помимо связности, характеризуется целостностью, информативностью, компрессивностью, причем

все эти признаки не содержатся непосредственно в тексте, а проявляют себя в процессе восприятия текста, поэтому являются не столько функцией самого текста, сколько функцией воспринимающего текст сознания. Такое восприятие — это процесс понимания текста, т.е. процесс перехода от языковых структур к когнитивным, в основе которого лежит процедура осмысления (осмысленность также признается автором статьи фундаментальным психолингвистическим свойством текста). Смысл, в понимании А.И. Новикова, является не только результатом, но и средством понимания; он имеет непосредственное отношение ко всем названным признакам текста; именно смысл поэтому выполняет собственно интегративную функцию текста.

В статье Т.Г. Пшенкиной «Бабье лето» vs «Indian summer»: перевод как взаимодействие когнитивных структур» рассматриваются концепты, обозначенные русским и английским фразеологизмами. Автор использует компонентный анализ, ассоциативный эксперимент, на базе чего строятся ассоциативные поля двух названных фразеологизмов. В двух таблицах представлены структура гештальта «Бабье лето» в сознании русских и гештальта «Indian summer» в сознании американцев. На основе детального анализа концептов делается вывод о том, что перевод не является механической заменой слова на одном языке словом другого языка, это сложная система отношений, в которой место каждого компонента детерминировано его значимостью в контексте ситуации, текста, культуры, опыта, т.е. когнитивными составляющими сознания.

И.В. Rogozina в статье «Функции и структура медиа-картины мира» анализирует феномен масс-медиа, медиатизации, медиа-реальность. Медиатизация — это процесс и результат глобального воздействия на мышление индивидов при помощи различных медиа, выражающегося в формировании картины мира посредством специфически медийных когнитивных структур познания и представления реальности — возникающих при взаимодействии индивида с глобальным информационным пространством. Продуктом непрерывной информационной деятельности человека, в котором социально символизируется ментальная деятельность по познанию мира, как считает автор статьи, является медиа-картина мира. В статье выделяются свойства медиа-картины мира, а также определяется медиа-текст как сложная полифункциональная гетерогенная

смысловая система, которая одновременно является продуктом вербализации когнитивной деятельности индивида по познанию мира и объектом и результатом целенаправленного конструирования смыслов в соответствии с прагматической ориентацией конкретного СМИ.

В статье А.Г. Сониной «Комикс как форма вербально-авербального овнешнения сознания» анализируется история изучения феномена комикса. Развитие комикса представляется как история взаимного освоения, адаптации генетически разных знаковых систем, коррелирующих в едином смысловом и графическом пространстве. Важным фактором образования качественно новой семиотической системы является смысловое единство составляющих ее элементов. Автор детально рассматривает композиционные средства передачи смысловой динамики рисунка, помогающие преодолевать свойственную ему статичность, и соединения отдельных рисунков в более крупные единицы с целью воссоздания континуальности повествования, а также рассматривает «внутренние» средства динамики рисунка (различного рода штрихи).

Ю.А. Сорокин в статье «Соматологическая карта и ее прогностический статус» на основе анализа экспериментальных материалов по реконструированию этнических портретов и автопортретов рассматривает соматологические универсалии. Соматологическая карта как инобытие телесности представляет собой универсальный текст; его смыслы не наращиваются, а оказываются закрепленными за определенными участками, вариативность смыслов конечна, смыслы зачастую квазиконкретны и квазиконстантны. Соматологические образы (свои и чужие) / соматологические портреты и автопортреты Ю.А. Сорокин рассматривает как величины, с неизбежностью влияющие на характер оценки той или иной личностью своего и чужого речевого и неречевого статуса; они дают возможность судить о структуре языкового/речевого сознания.

Н.В. Уфимцева в статье «Языковое сознание: этнопсихолингвистическая парадигма исследования» представляет обзор этнопсихолингвистических исследований в России. Поиск национально-культурной специфики языкового сознания в настоящее время задает статус самого языкового сознания: оно рассматривается как средство познания чужой культуры в ее предметной, деятельностной и ментальной форме, в также как

средство познания своей культуры. Онтологией исследования языкового сознания Н.В. Уфимцева называет межкультурное общение носителей разных культур, сопровождаемое неизбежно коммуникативными конфликтами. Автор статьи предполагает, что конфликты непонимания в межкультурном общении чаще всего являются следствием незнания системных качеств культурных предметов. Далее в статье рассматриваются структура и свойства ассоциативного тезауруса, позволяющего исследовать системность образа мира носителей данной культуры, а тем самым и системные свойства культурных предметов, отраженные в обыденном сознании.

Языковому сознанию посвящена и статья Т.А. Фесенко «Языковое сознание: взаимодействие ментальной и культурной реальности». Согласно автору, языковое сознание включает лингвокогнитивную компетенцию индивида, обеспечивающую стратегию поиска оптимальных вариантов вербализации, а также этнокультурную маркированную ассоциативную компетенцию носителя языка, благодаря которой осуществляется ассоциирование вербального материала с фрагментом реального мира и коммуникативной ситуацией. Т.А. Фесенко предлагает модель речемыслительного процесса человека, в основе которой лежит корреляция его лингвокогнитивных и этноментальных структур (соответствующая схема представлена в статье).

На материале русского и немецкого языков автор делает вывод о том, что при переводе образ сознания исходной культуры не может быть полностью скопированным, в культуре-реципиенте он обречен на ущербность и неполноту.

Н.М. Юрьева в статье «Семантическая структура производного слова в онтогенезе речи» на большом экспериментальном материале рассматривает феномен значения производного слова. В статье предлагается модель анализа сознания семантики производного слова ребенком на материале воссоздания работы языкового сознания индивида по восприятию словообразовательной семантики в разные периоды дошкольного детства через различные структуры семантических дефиниций, полученных в эксперименте. Задачей эксперимента служит выявления отличий в интерпретации значения производного слова детьми-дошкольниками разных возрастных групп. В таблице автором представлены результаты анализа дефиниций детей, которые говорят о том, что способность к пониманию и осознанию производного слова в онтогенезе формируется ранее, чем способность к созданию производных слов.

Т.А. Голикова

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ.

— М.-Барнаул, Институт языкознания РАН, 2004. — 344 с.

Вышел из печати очередной, четвертый по счету, сборник статей постоянно действующего семинара «Язык, сознание, культура: детерминационная зависимость»

За три года, прошедшие со дня выхода в свет предыдущего сборника, существенно изменилось отношение научного сообщества к таким понятиям, как «языковое сознание», «образ сознания», «образ мира», «ассоциативная структура», «ассоциативный словарь». По мнению Т.Н.Ушаковой, термин «языковое сознание» стал модным, что свидетельствует об его продуктивности в психолингвистических исследованиях.

Возникшее в московской психолингвистической школе понятие «языковое сознание» можно, по мнению А.А. Леонтьева,

сопоставить с понятием «образ мира», которое существует в отечественной психологии, поскольку «образ мира» представляет собой отображение в психике индивида предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии (А.А. Леонтьев 1988). Языковое же сознание понимается как совокупность структур сознания, в формировании которых были использованы социальные знания, связанные с языковыми знаками (Тарасов 1988) или как образы сознания, овнешняемые языковыми средствами: отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами как совокупностью этих полей. Образы языкового

сознания интегрируют в себе умственные знания, формируемые самим субъектом преимущественно в ходе речевого общения, и чувственные знания, возникающие в сознании в результате переработки перцептивных данных, полученных от органов чувств в предметной деятельности» (Тарасов, 2000, 3)

Одним из способов овнешнения языкового сознания является ассоциативный эксперимент, а ассоциативные поля, формируемые из вербальных реакций носителей языка, дают возможность описывать качества их образов сознания.

Исследования, осуществляемые в московской психолингвистической школе в последние десять лет на материале Русского ассоциативного словаря (Караулов и др., 1994-1998) и The Associative Thesaurus of English (Kiss G.& all., 1972) показали, что ассоциативный тезаурус является моделью сознания человека. Эта знаковая модель качественно отличается по презентации образов сознания от других предметных представлений образов. Если идеальный образ предмета существует (при рассмотрении процесса деятельности по стреле времени) сначала в форме деятельности, а затем в форме продукта деятельности, т.е. опредмеченно, то слово не опредмечивает образ сознания, а только указывает на него с помощью тела знака. Следовательно, ассоциативный тезаурус — это такая модель сознания, которая представляет собой набор правил оперирования знаниями определенной культуры (вербальными и невербальными значениями), отражающими образ мира данной культуры.

Более того, исследования языкового сознания с помощью ассоциативного эксперимента дают возможность выявить как системность содержания образа сознания, стоящего за словом в той и или иной культуре, так и системность языкового сознания носителей той или иной культуры как целого и показывают уникальность и неповторимость образа мира каждой культуры.

По мнению Т.Н. Ушаковой, ставший модным и широко используемым в психолингвистическом сообществе термин «языковое сознание» нуждается в уточнении. Для нее понятие *языковое сознание* представляется интересным: во-первых, потому, что «оно укореняет связь лингвистического явления (языка) с психологическим феноменом (сознанием). Это важно на фоне попыток

разделения и установления искусственных границ между психологическими процессами, семантикой с одной стороны, и языковыми средствами выражения мысли человека, с другой, т.е. в более общем плане — между психологией и лингвистикой. Одновременно оно выхватывает как бы центральное звено всей психолингвистики, обнаруживает ее средоточие. Во-вторых, понятие языкового сознания важно для уточнения психологического определения самого сознания, поскольку выделяется близкая, но особая область, обладающая своими чертами и спецификой» (Ушакова 2003).

Настоящий сборник, четвертый по счету, отражает результаты работы постоянно действующего семинара «Язык, сознание, культура: детерминационная зависимость» в 2003 году. Сборник состоит из пяти разделов и содержит статьи, посвященные теоретическим проблемам исследования языкового сознания (Ушакова Т.Н., Портнов А.Н., Стернин И.А., Караулов Ю.Н., Залевская А.А., Мягкова И.Ю.), экспериментальным методам исследования языкового сознания (Алмаев Н.А., Ощепкова Е.С., Пищальникова В.А., Лукашевич Е.В.), онтогенезу языкового сознания (Фрумкина Р.М., Белякова Л.И., Ахутина Т.В., Лемяскина Н.А.), ассоциативному словарю как модели языкового сознания (Уфимцева Н.В., Горошко Е.И., Гольдин В.Е. и др., Сдобнова А.П., Черкасова Г.А.), языкового сознания и межкультурной коммуникации (Эртельт-Фит А., Балясникова О.В., Харченко Е.В., Беляева-Станден Е.И., Валуццева И.И., Хухуни Г.Т., Гармашова И.В.).

Работа семинара показала, что современный уровень исследований языкового сознания позволяет осуществлять не только описание особенностей образа мира носителей различных культур, но ставить и решать сложные методологические и теоретические проблемы в этой области психолингвистических исследований.

Работа семинара была поддержана Российским Гуманитарным Научным Фондом, грант № 03-06-00349г.

Н.В. Уфимцева

В.А. Пищальникова, М.М. Чернова

РИТМОМЕЛОДИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТА КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ ЭМОЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВОЙ ДОМИНАНТЫ.

— Москва-Горно-Алтайск: РИО, 2003. — 266 с.

В монографии осуществлен подход к тексту с позиций лингвосинергетической парадигмы, в рамках которой речевая деятельность и текст исследуются как открытые неравновесные нелинейные самоорганизующиеся системы, обладающие способностью обмениваться с окружающей средой энергией, веществом и информацией.

В связи с этим звуковая субстанция текста, в частности, его ритмомелодическая структура рассматривается авторами монографии как вещество, способное воздействовать на процессы восприятия, регулируя протекание смыслопорождения в концептуальной системе воспринимающего.

В первой главе монографии рассматриваются основные тенденции исследования ритма в современной науке. Самыми распространенными признаками ритма называются регулярность, периодичность и повторяемость. В философии понятие ритма используется при исследовании категорий времени и движения. Ритм наряду со временем и пространством признается одной из основных форм существования материи, особым образом оформленным движением. В естествознании ритм изучается в связи с процессами органической природы. Общеизвестным считается тот факт, что биологические ритмы лежат в основе организации живых систем и являются неотъемлемым их свойством. Ритм является тем фактором, который позволяет отдельным и разрозненным элементам преодолеть неупорядоченность во времени и пространстве, в результате чего природный объект начинает функционировать как целостная, гармонично развивающаяся система. В эстетике ритм в качестве видового понятия связан с такими понятиями, как гармония, мера и симметрия, золотое сечение. В литературоведении понятие ритма приобретает особое значение, имеющее отношение к структурным особенностям поэтического текста. В рамках функционального подхода в литературоведении ритм определяется в качестве главной конструктивной и динамической детерминанты художественного текста, обуславливающей его органическое единство. Как указывают В.А. Пищальникова и

М.М. Чернова, одной из важнейших особенностей художественного ритма является его способность интегрировать различные элементы в сложное, иерархически организованное системно-структурное единство. Ритм не просто объединяет элементы текста в некую статичную механическую конструкцию, но трансформирует ее в динамически развивающееся художественное единство. Благодаря ритму система текста существует и развивается как функциональная целостность, сохраняя при этом свою качественную определенность.

Подводя итоги обзора направлений исследования ритма, авторы монографии выделяют следующие фундаментальные свойства ритма: ритм принадлежит к числу универсальных природных закономерностей, характеризующих процессы возникновения и эволюционного развития любым природным систем; являясь одной из основных форм движения материи, ритм эксплицирует глубинную тенденцию систем к образованию пространственных, временных и пространственно-временных структур; одним из важнейших свойств ритма является его способность интегрировать разрозненные элементы в сложное, иерархически организованное, динамически развивающееся системно-структурное единство; ритмичное функционирование системы способствует сохранению ее качественной определенности и целостности, обеспечивает высокую степень ее адаптации к изменяющимся условиям внешней среды, способность саморегулироваться, гибко перестраивать свою деятельность; наконец, неотъемлемым свойством ритма является динамичность, обусловленная его сложной природой, раскрывающейся в непрерывном взаимодействии в нем двух составляющих: инвариантной (стабильной), создающей некоторое единообразие в процессе развития, и вариативной (изменчивой), способствующей прогрессивному целенаправленному развитию системы.

Особое внимание в монографии уделяется рассмотрению психологических, психолингвистических, нейрофизиологических и физиологических оснований исследования

ритмомелодической структуры поэтического текста. Ритм предопределяет способ репрезентации эмоционально-смысловой доминанты, а следовательно, — особенности структуры речевого произведения. Первоэлемент, выявляясь под регулирующим воздействием данной доминанты, обладает соответствующей ей ритмической организацией и способностью структурировать пространство текста вокруг себя. В.А. Пищальникова и М.М. Чернова подчеркивают, что ритм является органическим компонентом того сложного психического целого, ощущение которого присутствует в процессе текстопорождения, и играет роль организующего начала, которое иницирует и корректирует пути развертывания смысла речевого произведения. Кроме того, ритм речемыслительной деятельности обусловлен психофизиологически — ритмом деятельности головного мозга, дыхательной системой и артикуляционным аппаратом, определяемым, в свою очередь, особенностями переживаемого индивидом эмоционального состояния. Поэтому акустические особенности речевого произведения (его ритмомелодическая структура) служат своеобразным кодом, несущим эмоциональную информацию; при этом кодирование эмоциональной информации на ритмомелодическом уровне в процессе речепорождения осуществляется произвольно и носит универсальный характер. Доминантная эмоция, под воздействием которой находится продуцент, получает закономерное закрепление на ритмомелодическом уровне поэтического текста.

При восприятии смысловой структуры текста и ритмомелодической организации ее вербальных репрезентантов происходит формирование доминантного смысла текста в концептуальной системе реципиента. Особенно подчеркивается, что ритмомелодическая структура способна акцентировать эмоционально-смысловую доминанту, ограничивая континуальность смыслов и неосознаваемо направляя процесс смыслопорождения в концептуальной системе воспринимающего. Поэтому ритмомелодия характеризуется авторами монографии как смыслообразующий фактор, определяющий восприятие смыслов речевого произведения; при этом, несмотря на несходство концептуальных систем автора и реципиента, возможно адекватное понимание смысла поэтического текста, а ритмомелодическая организация вербальных смыслов представляет собой

эмоциональную основу введения реципиента в авторский смысловой континуум.

Рассматривая ритм как устойчивый компонент синергетических систем, авторы монографии отмечают, что ритмомелодическая структура текста возникает в процессе ее непрерывных преобразований, детерминированных внешними воздействиями (квантами энергии и информации, поступающими из среды обитания текста) и внутренними флуктуациями составляющих данную структуру компонентов, спонтанно генерируемыми самой системой. Вследствие особого рода связей в системе, изменение какого-либо компонента с необходимостью влечет за собой преобразование всей ритмомелодической структуры. Процесс смыслопорождения с позиций лингвистической синергетики описывается в монографии следующим образом: в процессе рецепции речевого произведения (текста) специфика концептуальной системы воспринимающего выступает по отношению к заданной продуцентом относительно устойчивой системе вербально репрезентированных смыслов как фактор, приводящий к возникновению случайных (не совпадающих с «исходными») смыслов / компонентов смысла. Текст как воздействие внешней среды вызывает в концептуальной системе реципиента состояние неравновесия (поиск смыслового соответствия воспринятым репрезентантам). Следовательно, воспринимаемая вербальная система смыслов утрачивает исходную стабильность в ходе рецепции и осмысления вторым коммуникантом. Однако стремление системы к самоорганизации приводит к поиску ее организующего начала в концептуальной системе реципиента. При максимальном сходстве ассоциативно-апперцепционного содержания концептуальных систем коммуникантов возможно понимание текста продуцента как построение системы смыслов, эквивалентной «исходной». Но в силу неустойчивости самоорганизующейся системы она принципиально необратима, поэтому порождение тождественной системы смыслов реципиентом невозможно.

Вторая глава монографии посвящена экспериментальному исследованию ритмомелодической структуры вербального поэтического и музыкального текстов. С целью экспериментально аргументировать наличие/отсутствие закономерностей восприятия реципиентами ритмомелодической структуры и характер ее корреляции со смысловой структурой вербального поэтического текста были проведены два эксперимента по выявлению

инвариантов структур экспериментального текста на основе анализа данных, полученных при анкетировании реципиентов, и по выявлению роль ритмомелодических структур в процессе самоорганизации текста и в процессе понимания его эмоционально-смысловой доминанты. Целью третьего эксперимента являлось установление наличия/отсутствия общих закономерностей восприятия реципиентами ритмомелодической структуры поэтического и музыкального текстов. Для определения эмоционально-смысловой доминанты поэтического текста использовался метод концептуального анализа, разработанный В.А. Пищальниковой. Корреляция результатов осуществлена по методике А.А. Леонтьева.

В первом эксперименте предлагалось прочитать текст; отметить в выделенных реципиентами повышение, понижение интонации, ровное звучание; расставить динамические оттенки (громко, не очень громко, тихо); обозначить темп (быстро, умеренно, медленно). Анализ экспериментальных данных показал, что изменения в динамической структуре, как правило, сопровождаются соответствующими изменениями мелодической структуры текста. В процессе сопоставления экспериментальных моделей мелодической и динамической структур выявлено их существенное сходство, изоморфизм. Именно благодаря когерентному взаимодействию компонентов ритмомелодической структуры, синхронизации их эволюционного развития под воздействием креативного аттрактора (эмоционально-смысловой доминанты) и достигается оптимальный режим функционирования текста как синергетического объекта.

Во втором эксперименте наряду с вопросами первого эксперимента содержались вопросы: каково содержание стихотворения; какие слова и выражения данного текста наиболее важны для его понимания; способствуют ли восприятию смысла стихотворения выделенные вами ритмомелодические характеристики. Подавляющее большинство реципиентов демонстрирует адекватное понимание смысла текста; при этом инварианты ритмической структуры, а также экспериментальные модели мелодической, динамической и темповой структур обнаруживают большое сходство. Именно ритмомелодическая структура текста во многом определяет адекватность восприятия, следовательно, ритмомелодическая структура текста, которую традиционно принято считать формальным компонентом, в действительности

является частью смысла, компонентом смыслообразующим. Эмоция, лежащая в истоке процесса речепорождения и являющаяся проявлением мотивации, задает ритм. Звуковая материя текста, организованная изоморфно смыслу, способна регулировать протекание процесса смыслопорождения в концептуальной системе воспринимающих.

Третий эксперимент состоял из двух этапов: первый повторял задания первого и второго эксперимента; второй этап заключался в прослушивании музыкального текста (романса) и включал задания: описать эмоции, возникшие при восприятии романса; разделить текст на смысловые отрезки; отметить в выделенных отрезках повышение, понижение интонации, ровное звучание; расставить динамические оттенки (громко, не очень громко, тихо); обозначить темп (быстро, умеренно, медленно); указать, влияют ли на возникшие эмоции ритм, темп, динамика, повышение/понижение интонации; какие из ритмомелодических характеристик более всего повлияли на эмоциональное восприятие романса. При анализе данных третьего эксперимента выявлен существенно сходный характер воздействия ритмомелодической структуры вербального и музыкального текстов на эмоциональную сферу воспринимающих (при восприятии текстов разных знаковых систем испытываемые фиксируют эмоции одинаковой модальности). Таким образом, авторы монографии делают вывод, что ритмомелодическая структура, коррелируя с эмоциональной и смысловой структурой текста, задает путь процесса смыслопорождения в концептуальной системе воспринимающего. Все это дает В.А. Пищальниковой и М.М. Черновой основание предполагать, что вербальные и музыкальные знаковые системы интегрируются на основе ритма, который является объединяющим компонентом когнитивной структуры.

Монография содержит объемное приложение, в которое включаются таблицы «Частотность выделения смысловых отрезков» в разных группах; экспериментальные модели разных мелодических структур разных групп реципиентов; ответы реципиентов на вопросы анкеты второго и третьего эксперимента.

И.В. Рогозина

МЕДИА-КАРТИНА МИРА: КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.

— Москва-Барнаул, 2003. — 289 с.

В монографии представлено описание модели медиа-картины мира в когнитивно-дискурсивной исследовательской парадигме. Предлагается интегративный подход, сочетающий методы традиционной лингвистики, психолингвистики и когнитивной лингвистики с целью объяснения механизма смыслопорождения в медиа-текстах (текстах СМИ).

Отмечая возрастающую роль медиа-коммуникации и, следовательно, превалирование медиа-текстов над другими текстами, автор указывает, что масс-медиа как сфера речевой деятельности — глобальная интегративная область. С этих позиций подвергаются критическому анализу существующие теории СМИ. В зависимости от компонентов, выделяемых разными исследователями в модели СМИ (коммуникационной модели), постулируется множество сфер и направлений исследования. Автор полагает, что картина мира индивида формируется под влиянием масс-медиа, таким образом, можно говорить о специфическом медийном способе познания реальности.

Подробное рассмотрение понятия «коммуникативное событие» и выделение его признаков позволяет считать его особой формой социальной практики. Медиа-коммуникативное событие понимается как результат когнитивного иерархического процесса реструктурирования реальной информации, прошедшей по каналам СМИ. Автор предполагает, что коммуникативное событие связано с интериоризацией медиа-текста, а медиа-текст как компонент (и предпосылка) медиа-коммуникативного события имеет специфические признаки, определяемые и продуцентом и социумом. Вывод, сделанный по результатам эксперимента, фиксирует тенденцию к усилению воздействия СМИ в зависимости от того, как соотносится представленная в медиа-тексте реальность и индивидуальный опыт.

Исходя из того, что восприятие реальности происходит избирательно, автор утверждает, что «отбор информации в сфере медиа-коммуникации детерминирован иерархией мотивационных процессов индивида-реципиента как члена социума» [43]. Таким образом, считает автор, структура представления информации

детерминирует образование у реципиента устойчивых познавательных структур.

Понятие «массовая коммуникация» также связывается и с изменениями, происходящими в сознании индивида под влиянием масс-медиа. Таким образом, идет речь об эффекте воздействия текстов СМИ. Экскурсы, сделанные автором, указывают на важность решения важных и интересных вопросов, а именно: возможно ли в итоге формирование мнений и установок индивида в зависимости, например, от частотности информации определенного типа? Как это происходит, и не объясняются ли соответствующие предпочтения тем, что эти установки получают постоянное «подкрепление», что та или иная предпочитаемая программа обеспечивает реализацию определенных ожиданий? С какой целью знаковое (графическое) пространство текста организуется определенным образом и как это связано это с когницией? Какую роль играют расположение материала, в том числе и гетерогенного (графики, фотографии и т.д.), различные способы сочетания (или, по автору, сопряжения) полимодальных знаков? В какой мере продуцент текста (и политекста) сознательно предполагает воздействие на когнитивную систему индивида, достигается это опытным путем или, например, масштабами продаж того или иного издания? Иными словами, как социальная стратификация предполагает воздействие именно данного политекста на именно данного индивида? Обратная связь проявляется в предпочтениях; возможно, в этом случае индивид сознательно или подсознательно предвосхищает воздействие на себя.

Актуальным, таким образом, становится пересмотр существующих представлений о стереотипах и их функционировании в СМИ. Соглашаясь с автором, что стереотипы — «активные универсальные единицы, обеспечивающие общение» [90], отметим, что это только одна из характеристик стереотипа, причем, в свете рассматриваемой проблемы, не самая значимая. В отличие от других исследователей, И.В. Рогозина полагает, что «действительно эффективное воздействие возможно лишь в случае разрушения

стереотипных способов репрезентации реальности, возникающего в результате возникновения новых когнитивных структур в процессе синкретизации вербальных и авербальных компонентов в медиа-тексте» [77]. Как кажется, это утверждение не бесспорно. В силу своей ригидности стереотипы могут в конечном итоге препятствовать «обновлению когнитивных структур». Кроме того, само утверждение этого «обновления» также требует комментариев. Стереотипно представленная (и воспроизводящая стереотипы) информация обеспечивает ориентирование реципиента медиа-текста в ситуации, следовательно, и своеобразный психологический баланс. Именно с этим могут быть связаны определенные «СМИ-предпочтения» реципиента именно как социумной единицы. Утверждение о расширении картины мира индивида-потребителя медиа-продукции сомнений не вызывает, но тезис о постоянном обновлении когнитивных структур, требуя более развернутого доказательства, предполагает подробно, разноаспектное исследование медиа-структур. В конце концов, именно медиа воспроизводят стереотипы, причем стереотипы той социальной группы, которая предполагается потребителем данной продукции.

Касаясь проблемы использования языковых средств в СМИ, автор говорит о «семантической обработке информации в идеологических целях» [64-65]. Утверждение, что эффективное воздействие невозможно без моделирования субъектом коммуникативно-смыслового поля реципиента, провоцирует вопрос: каким именно субъектом? Производителем медиа-текста, которым может являться коллектив, или исследователем, который, вооружившись инструментарием когнитивной науки, применит соответствующие приемы? Полагаем, что это одна из проблем, предполагающих решение с опорой на факты. «Замёр» степени эффективности воздействия СМИ невозможен без соответствующей методики. Это тем более важно, чем актуальнее становится необходимость учитывать степень эффективности воздействия СМИ и зависимости ее от социальной стратификации общества. Иными словами, правомерно задать вопрос: если индивид как член социума неизбежно подвергается воздействию СМИ, то каков результат этого воздействия и как его «вычислить»? Продолжим далее: с какой степенью вероятности можно прогнозировать тот или иной результат воздействия на определенную аудиторию и, главное, выявлять степень соответствия результата этого воздействия

намерениям продуцента? Речь идет, разумеется, о психолингвистических методах. С логико-гипотетических позиций на этот вопрос можно дать утвердительный ответ, учитывая, что «медиа-коммуникативное событие происходит только тогда, когда медиа-текст становится для индивида объектом интериоризации» Опираясь на понятия, разработанные в рамках когнитивной парадигмы, И.В. Рогозина выстраивает соответствующий понятийный аппарат. Типичными коррелирующими понятиями являются, например, медиа-фрейм и медиа-фрейминг. Соответственно, медиа-фрейм рассматривается как прототип для медийной репрезентации классов объектов и ситуаций реальности. По мнению автора, в медиа-фрейме происходит синтез знаний о мире и знаний о языке.

К соотношению понятий «картина мира» и «медиа-картина мира» автор приходит не случайно, более того, оно составляет каркас, на котором строится авторская концепция. В контексте рассматриваемой работы медиа-картина мира — «система знаний и представлений, продуцируемая как благодаря моделирующим потенциам гетерогенного по своему характеру человеческого мышления, так и вследствие реальных моделирующих свойств, присущих не только языку, но и различным видам соположенности вербальных и авербальных знаков» (5-6). Автор подчеркивает: картина мира индивидов формируется под влиянием СМИ, что не означает унификации индивидуальных картин мира. Здесь мы предполагаем еще одну серьезную проблему — соотношение индивидуального и социального в медиа-картине мира. Эта проблема провоцирует ряд вопросов, например, как происходит формирование медиа-картины мира, какой возрастной диапазон при этом особенно «сензитивен», следует ли учитывать процент читающих газет, смотрящих телевидение и слушающих радиопрограммы? Если, предположим, человек слушает только радио (ограничены технологии, компоненты фрейма — только аудиальные, формируется ли у таких людей медиа-картина мира или она некоторым образом искажена? Как именно? Наконец, почему предпочтения формируются именно в определенном возрасте и статусе и почему по отношению к некоторым масс-медиа существует «фобия»? И самое главное, как на эти вопросы можно ответить языком экспериментально полученных фактов?

Разработка структуры медиа-картины мира (отметим попутно, что она не равна образу мира, как следует из утверждения на стр. 102) приводит к последовательному вычленению его очередного элемента, которым является медиа-текст. Медиа-текст содержит вербальные и невербальные компоненты и является своего рода посредником между индивидом и реальностью, которая представлена медиа-текстом. Существование медиа-текста обусловлено социальной практикой, и трудно не согласиться с тем, что внутренние признаки (называемые лингвоментальными) являются производными от внешних (экстралингвистических). Таким образом, медиа-текст представляет собой продукт вербализации когнитивной деятельности индивида и результат конструирования смыслов в соответствии с прагматической ориентацией конкретного СМИ. Автор подчеркивает, что представление реальности в медиа-тексте — следствие интерпретации этой реальности. Интерпретация медиа-текста понимается как поливариантная деятельность по созданию ментальных репрезентаций с целью извлечения и осмысления текстовой информации о реальности на основе *интересов, ожиданий, убеждений и знаний реципиента о мире*. Конкретный медиа-текст, предлагаемый конкретному индивиду, предполагает конкретную интерпретацию в пределах ограниченного (в данном социуме) интерпретационного поля. Видимо, нужно принципиально разграничить интерпретацию реальности продуцентом медиа-текста (при этом ведущим фактором будет являться интенция воздействия) и интерпретации медиа-текста реципиентом (реакция на воздействие). Именно поэтому можно говорить об выборе продуцентом медиа-текста тех или иных параметров ситуации, а также факторов, определяющих границы интерпретационного поля.

В последней главе монографии автор обращается к типологии гетерогенных (полимодальных) когнитивных структур. Одно из основных утверждений состоит в том, что когнитивные структуры (лейтмотив данной работы) — это структуры обновляющиеся, а именно «...с расширением технологических возможностей в сфере медиа-коммуникации появляется большое количество новых интегративных познавательных структур» [8]. Здесь хотелось бы сделать общее замечание: понятие «когнитивные структуры» давно нуждается в дефиниции, и в монографии отражена его неоднозначность и сложность. Так, на стр. 226 читаем: «Фотовизуальные

когнитивные структуры...образуют комплексные синтетические познавательные структуры». Но когнитивная структура порождается в *концептуальной системе* реципиента (стр. 251), из чего следует, что понятие «когнитивные» не противоречит положению о том, что это познавательные структуры и их природа психична. Вместе с тем кажется вполне корректным утверждение, что когнитивные механизмы детерминируют формирование и структурирование смыслового пространства телефрейма (стр. 243) и далее (стр. 246), что структура телефрейма задает определенное пространство смысла. Несомненно, рабочее поле текста структурируется, но графико-аудиовизуальные структуры — это структуры иного порядка, которые могут быть соотнесены с когнитивными. Не думаю, что при таком подходе можно говорить об образовании новых когнитивных структур как результата воздействующей силы масс-медиа. Не точнее ли было бы сказать о *выборе изобразительных средств* (вербальных и невербальных), соотнесенных с данными структурами или презентирующими их?

Трудно полностью согласиться с утверждением автора, что вербальная репрезентация осложняет протекание психической деятельности индивида как целостной самоорганизующейся системы [179] и далее с утверждением, что «в ситуации отсутствия чувственно-наглядных опор для понимания и интерпретации процессы самоорганизации психической деятельности протекают в условиях большей неопределенности» [Там же].

Как же происходит это познание реальности с помощью медиа? Опираясь на положения рассматриваемой работы, этот процесс можно представить так. Продуцент N, используя специфический социальный инструмент X (какой), фиксирует технологическими средствами Y (какими) способы познания реалити. Результатом данного процесса является создание медиа-продукции Q (медиа-текстов), которые потребляются реципиентом Z. Под социальным инструментом, видимо, следует понимать деятельность социальных институтов, использующих определенные приемы при создании медийной продукции и являющихся тем самым средством воздействия на реципиента. Итак, роль продуцента сводится к репрезентации реальности, реципиента — к интериоризации (текстовой) реальности. Эффект воздействия обусловлен степенью общности воспринятой и

интерпретированной текстовой реальности с индивидуальным (в определенной мере социализированным) опытом реципиента.

В третьей главе предложена подробная и интересная интерпретация оригинальных примеров, в которой учтены не только особенности организации компонентов конкретных медиа-текстов, но и сделаны предположения об эффективности их воздействия. В частности, рассматривается когнитивная функция цвета, графических, пиктографических и пр. составляющих медиа-текст. Оказывается, что воздействие на реципиента предполагает выбор не только жанра или стиля, но и формата, цвета, шрифта и пр. невербальных текстовых параметров. Автор обращает внимание на когнитивный эффект, возникающий при переносе вербальной когнитивной структуры из одной когнитивной области в другую и в результате сопряжения вербальной и невербальной когнитивной структур. Детально анализируются результаты взаимоотношений невербальных компонентов как появление новых когнитивных свойств. Автор использует своего рода когнитивный «компонентный анализ». При этом обращают на себя внимание некоторые выявленные тенденции, а именно: репрезентация сложного (в смысловом отношении) явления провоцирует использование пиктографического компонента; важная роль принадлежит комплементарным кодам (видеоизображению, музыкальному сопровождению); смысл интенсивно порождается «на стыках» различных знаковых систем. Вероятно, в связи с этим можно говорить и о расширении интерпретационных возможностей. Кроме того автор высказывает предположение об индивидуальном когнитивном стиле каждого канала ТВ. В свете представленной когнитивной

парадигмы такое утверждение инициирует появление новых направлений исследования.

Наблюдения автора монографии способствуют выдвижению интересных гипотез. Перспектива их верификации в медиа-сфере, как кажется, предполагает учет данных, полученных психологией, социологией, рядом смежных наук и их интеграцию. Соотношения структур и способов представления фрагментов реальности, обуславливающих воздействующую силу СМИ в современном мире — словом, все то, что получает освещение в монографии И.В. Рогозиной, — может способствовать: 1) постановке актуальных вопросов, которые относятся к роли медиа-коммуникации в социуме; 2) формированию единой терминологической и понятийной базы; 3) организации и проведению масштабной экспериментальной работы; 4) сопоставлению полученных данных на основе специально разработанной методики анализа.

Начальная стадия исследовательской работы обнаруживает сложность исследуемых феноменов. Так, если новостной медиа-фрейм является одновременно и когнитивной структурой, и медийным когнитивным инструментом, и инструментом познания, то очевидно, что перед нами разные ипостаси сложного явления. Но тем более актуальными является дальнейшее подробное изучение воздействующей функции СМИ, особенностей познания мира с помощью (и посредством) медиа, «обратной связи» в диаде «реципиент — СМИ», границ интерпретационного поля при адекватном понимании медиа-текстов, а также позиции реципиента и продуцента по отношению к медиа-текстам и медиа-коммуникации в целом.

О.В. Балясникова

А.Г. Сонин

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА: СТАНОВЛЕНИЕ ПАРАДИГМЫ.

— Барнаул, 2003. — 222 с.

В современном российском языковедении для оправдания эклектичности публикуемых работ, включения в них понятий и категорий, заимствуемых в разных концепциях и парадигмах, часто ссылаются на «переходность момента» и «ломку традиционных представлений» об объекте лингвистики. Разумеется, большинство авторов таких работ не

идут дальше пустых деклараций, подменяя научный анализ объединяемых концепций и их обоснованный синтез нетерминологическим использованием ключевых концептов. В результате традиционное языковедение, «антропоцентрируясь», берется за объяснение тайн «языковой личности», психолингвистика, по-видимому, все сказав о речевой деятельности,

уходит в изучение сознания и начинает грешить ссылками на западных когнитивистов, в то время как российские когнитивисты уверенно рассуждают о синергетических свойствах своего объекта. На этом фоне монография А.Г. Сониной «Когнитивная лингвистика: становление парадигмы» вполне отвечает духу времени — есть в ней разбор западных моделей ментальной репрезентации, и критика основ теории речевой деятельности, и провозглашение нового направления («когнитивного структурализма»), основанного на идеях о самоорганизующих системах, в качестве истинной альтернативы всем подходам к изучению языка и мышления сразу. Автор охотно делится своим мнением по всем животрепещущим проблемам языковедения. Однако, несмотря на высокую информативность каждого параграфа, сложность избранных автором тем исследования и глубину их осмысления, работа читается легко. Особый дух придают ей «фирменные» иронические замечания и полемический задор, составляющие основу авторского стиля А.Г. Сониной.

Глава 1 («Когнитивная лингвистика: старые надежды, новые одежды») — наверно, одна из самых удачных в отечественной науке попыток написания истории когнитивистики. При этом читатель, ждущий от работы очередного разбора концепций модных авторов-когнитивистов, скорее всего, будет разочарован. Общие принципы оформления когнитивной парадигмы и ключевые идеи, выходящие порою далеко за рамки не только амбиций отдельных лингвистов, но и лингвистики в целом, интересуют автора гораздо больше, чем хронологически выверенная последовательность исторических фактов. В качестве ключевых рассматриваются два вопроса: вопрос обоснованности и продуктивности когнитивного подхода к языку, построенного на признании первичности символических форм и ментальных структур по отношению к речевой деятельности, и вопрос «лингвистичности» когнитивных проблем представления знания (с. 14). Именно такой подход позволяет А.Г. Сонину увидеть за «короткой историей» «богатое прошлое» (там же), те самые «старые надежды», а затем разоблачить когнитивизм, снять с него новые парадные одежды, обнажить его во всем «блеске и нищете» (с. 19), опираясь на мнение таких авторитетных ученых, как Х. Дрейфус, Д. Андлер, Д. Деннет и другие. При этом важно, что автор не ограничивается выявлением «апорий классического когнитивизма», а в поисках возможных способов их разрешения обращается

к менее известным российскому читателю парадигмам когнитивной науки. Так в поле зрения автора попадают американский коннекционизм и чилийская теория автопойезиса, представлению которых и посвящена оставшаяся часть главы 1. Положительным моментом в этой части работы можно считать избранную автором форму представления материала, основанную на постоянном сопоставлении базовых мировоззренческих, эпистемологических, психологических и других принципов построения знания в традиционной и новаторских парадигмах. Это несомненно поможет даже самому неподготовленному читателю составить представление о непростых теоретических построениях, предлагаемых авторами этих концепций. Сопоставление (а вместе с ним и глава) завершается мыслью о том, что «развитие современной когнитивистики идет не за счет революционной победы одной парадигмы, а за счет углубления теоретических дебатов между основными подходами к изучению когниции по всем ключевым вопросам» (с. 42). Основываясь на этом заключении, исследователь считает целесообразным провести анализ ключевых для лингвистики понятий на основе дальнейшего сопоставления решений, предлагаемых каждой из упомянутых парадигм.

Несколько неожиданным (в рамках работы по когнитивной лингвистике) выглядит на первый взгляд выбор автором в качестве ключевого, базового концепта когнитивных исследований концепта речевой деятельности, традиционно разрабатываемого в России психолингвистами. Однако, по мнению А.Г. Сониной, теория речевой деятельности, избрав концепт деятельности в качестве «объяснительного принципа, стяга, под которым объединяются исследователи, критически настроенные по отношению к структурализму и системоцентризму» (с. 45), так и не предприняла попыток операционализировать понятие деятельности и критически осмыслить ее онтологический статус. Сам автор предлагает в главе 2 («Когнитивный подход к проблеме речевой деятельности») оригинальный способ такого осмысления, подкрепляя предлагаемые им заключения сопоставлением и анализом широкого спектра концепций деятельности, разработанных в российских и зарубежных исследованиях по биологии, психологии и лингвистике.

В результате им задается и четко очерчивается новая область исследований, новый способ

интерпретации объекта лингвистики, существенно отличающийся от традиционно принятого в когнитивной науке, рассматривающей язык как систему кодирования, трансформирования и передачи информации, и, как следствие, объясняющей функционирования языка только на основе обращения к когнитивным структурам. Автор противопоставляет неоплатонизму когнитивной лингвистики трактовку языка как сугубо реляционного феномена, показывая, как хорошо могут приживаться и произрастать идеи чилийских биологов на благодатной почве творчески переосмысленной советской психологии. Указывая на неоправданную односторонность изучения функционирования языка вне речевых взаимодействий, А.Г. Сонин рассматривает последние как нерепрезентационные, вызывающие в коммуникантах структурные изменения вне зависимости от их «языковой картины мира», «образов мира» и других эпифеноменов когнитивной деятельности (с. 84-101). Для того чтобы такое категоричное суждение не выглядело голословным, он посвящает анализу западных концепций ментальной репрезентации отдельную главу своего исследования.

Глава 3 («Проблема ментальной репрезентации в исследованиях речевой деятельности») — самая большая глава рецензируемого исследования. В ней более чем на ста страницах собран и систематизирован обширный материал, представляющий все основные этапы построения теории ментальной репрезентации от модели семантических составляющих до коннекционистского компьютерного моделирования. На смену полемическому задору глав 1 и 2 приходит предельная строгость изложения. Отдельные параграфы главы посвящены традиционным для когнитивных наук пропозициональным моделям (с. 104-124), моделям, основанным на постулировании образного (аналогического) формата (с. 124-139), ментальным моделям Джонсона-Лэрда (с. 139-145), а также разным видам схемного представления знаний (с. 145-167). Скрупулезный анализ и постоянная забота автора о рассмотрении каждой новой модели в общем контексте дебатов между ее сторонниками и противниками сближает по стилю эту часть работы с добротным составленным учебным пособием. Особо следует отметить то, что при подготовке главы 3 были использованы многие зарубежные исследования, недоступные российским ученым, а потому знакомство с ней

будет полезно всякому специалисту, интересующемуся постхомскианской лингвистикой. Не меньший интерес могут вызвать последние два параграфа главы, в которых представлены подходы, альтернативные традиционной референциально-репрезентационной парадигме.

Промежуточное положение среди таких подходов занимают коннекционистские модели, исповедующие инференциальную семантику рассредоточенных представлений (с. 167-193), но не отказывающиеся от ключевого для когнитивных наук постулата репрезентации объективного мира. Такая двойственность сближает коннекционизм с традиционным когнитивизмом Хомского-Фодора. Более последовательным оппонентом последнему выступает чилийская школа автопойезиса. Именно с обращением к идеям этой школы автор связывает особые надежды на преодоление доминирующей в науке реалистической мировоззренческой позиции (с. 194-202). В подтверждение своей позиции он задается целью продемонстрировать, каким образом последовательное использование принципов структурно-биологического подхода к исследованию языка/речи помогает раскрыть этот феномен как реляционный, возникающий во взаимодействии индивидов (автономных самоорганизующих систем) и служащий в дальнейшем основой для построения объективной реальности (или, иначе, раскрытия модальности бытия объекта для человека) за счет осуществляемых в языке согласованных распознаваний.

Таким образом, монография А.Г. Сониной «Когнитивная лингвистика: становление парадигмы» по целому ряду показателей может с полным основанием рассматриваться как одно из интереснейших российских исследований по когнитивной лингвистике, успешно сочетающее анализ философских и методологических проблем этого специфического подхода к изучению языка с основательным изучением широкого спектра частных моделей и концепций. Книга может быть рекомендована как для самостоятельного повышения квалификации исследователей-языковедов, так и для включения в специальные курсы по общему языкознанию, психолингвистике и когнитивной лингвистике.

И.А. Герман

Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов

СЛАВЯНСКИЙ АССОЦИАТИВНЫЙ СЛОВАРЬ.

— М.: МГЛУ-Ияз РАН, 2004.

Вышел из печати уникальный четырехязычный русско-белорусско-болгарско-украинский ассоциативный словарь.

В рамках исследовательской программы «Сопоставительное исследование национального языкового сознания славян», которая является естественным продолжением исследований, начатых в процессе создания «Ассоциативного тезауруса современного русского языка», были проведены массовые ассоциативные эксперименты с носителями четырех славянских языков: белорусского, болгарского, русского, и украинского. Использование материалов ассоциативного словаря позволяет наметить новые пути в исследовании механизмов речевого воздействия и поведения, а также в изучении семантических законов в языке в целом, принципов соотношения семантики и синтаксиса в речи и языке, закономерностей социализации индивидуальных семантических изменений и установлении новых типовых ассоциативных связей. «Славянский ассоциативный словарь» вводит в научный оборот принципиально новый объект лингвистического, психолингвистического, этно- и социопсихологического анализа, который позволяет по-новому посмотреть на различия и сходства в образах мира славян и на проблему славянской общности.

Славянский ассоциативный словарь дает исследователю уникальную возможность проникнуть в мир образов сознания носителей четырех славянских культур и выявить их реальные сходства и различия. Этому способствует единый список слов-стимулов, в исходном (русском) варианте состоящий из 112 единиц, и подбор испытуемых: для всех пяти языков это были студенты в возрасте от 18 до 25 лет, не менее 500 человек (мужчины и женщины примерно в равном количестве), обучающиеся 11 наиболее распространенным университетским специальностям (математики, физики, химики, биологи, экономисты, философы (богословы), филологи, психологи, юристы, журналисты, педагоги); и проведение ассоциативного эксперимента в один и тот же временной период: 1998-1999 г.г.

Ассоциативный эксперимент проводился методом письменного анкетирования на родном языке испытуемых. Предварительно исходный список слов-стимулов был переведен двуязычными экспертами на белорусский, болгарский, сербский и украинский языки. Анкеты генерировались методом случайных чисел таким образом, что не было двух анкет с одинаковым порядком слов-стимулов. Каждый испытуемый получал бланк анкеты и должен был отвечать на каждый стимул первым приходящим в голову словом. Кроме того, испытуемый должен был сообщить о себе следующие сведения: пол, возраст, родной язык, будущая специальность и поставить дату заполнения анкеты. Наличие этих данных позволяет исследовать особенности ассоциативных полей в зависимости от пола и профессии испытуемых. Время на работу с анкетой ограничивалось 10 минутами.

Эксперименты проводились в Белоруссии со студентами Белорусского государственного университета (г. Минск) И.И. Савицкой, в Болгарии — со студентами Софийского государственного университета им. Климента Охридского (г. София) П. Илиевой-Балтовой, А. Ефтимовой, А. Липовской, К. Петровой, Н. Деренжи, в Югославии — со студентами Белградского государственного университета (г. Белград) С. Гашич-Павишич, на Украине — со студентами Нежинского педагогического университета (г. Нежин) Т.И. Крыгой.

Славянский ассоциативный словарь, созданный по материалам ассоциативных экспериментов с носителями белорусского, болгарского, русского и украинского языков, состоит из четырех частей по числу обследованных языков. Каждая часть в свою очередь состоит из Прямой и Обратной ассоциативных словарей. Каждая словарная статья в Прямой ассоциативном словаре объединяет все слова-реакции на данное слово-стимул в порядке убывания частоты, «Черное имя» или имя словарной статьи — это слово-стимул, слова-реакции на этот стимул расположены по мере убывания их частоты, которая указывается после слова-реакции, если лишь оно имеет такую частоту встречаемости в

ответах испытуемых (**ЧЕЛОВЕК** — животное 23; умный 21; хороший — 20; обезьяна — 19 и т.п.), или указывается в конце группы слов-реакций с одинаковой частотой, причем внутри этой группы реакции-ответы расположены в алфавитном порядке (**ЧЕЛОВЕК** — большой, гордый, машина 5; враг, высокий, глупый, дурак, индивид, собаке друг 4 и т.п.). В конце словарной статьи приводятся количественные показатели: **ЧЕЛОВЕК** 569+244+30+163. Первая цифра указывает на общее число реакций на слово-стимул, вторая — на число разных реакций, третья — на число отказов испытуемых и четвертая — на число единичных реакций, т.е. на число ответов с частотой 1.

Помимо информативной значимости каждого и показателей, их соотношение характеризует статью в целом, а именно, как естественно-языковое поле, имеющее не только структурно-лексикографический, но и онтологический статус: ассоциативное поле — это не только фрагмент вербальной памяти (знаний) человека, фрагмент семантических и грамматических отношений, но и фрагмент образа мира данного этноса.

Обратный словарь устроен иначе, здесь входом становится реакция. «Черное слово», или имя словарной статьи, здесь — слово-реакция, ответ испытуемого на предъявленное ему слово-стимул. В правой части мелким шрифтом даны стимулы, «породившие» данный ответ. Цифры после стимула в правой части статьи указывают на частоту данной реакции, т.е. на число испытуемых, ответивших данным словом на этот стимул. Например, **ЧЕЛОВЕК** — молодой 157; свободный 137; умный 108...означает, что в ассоциативной статье слова-стимула **МОЛОДОЙ** форма *человек* как реакция встречается 157 раз, в статье **СВОБОДНЫЙ** — 137 раз, а в статье **УМНЫЙ** — 108 раз. Итоговые цифры в конце

статьи несут следующую информацию: первая указывает на суммарное число появлений данной словоформы или словосочетания в качестве реакции на всем массиве стимулов, вторая цифра обозначает общее число вызвавших эту реакцию стимулов, или, что то же, — число ассоциативных словарных статей (в прямом словаре), где появляется данная реакция.

Таким образом, содержание статьи в обратном словаре (например, **ВЫБОР** — свободный 8; маленький, начало, путь, умный 1; 12+5) расшифровывается так: слово **ВЫБОР** в качестве ответа дано восемь испытуемыми на стимул **СВОБОДНЫЙ** и однократно употреблено в связи со стимулами **МАЛЕНЬКИЙ**, **НАЧАЛО**, **ПУТЬ**, **УМНЫЙ**. Следовательно, суммарная частота реакции **ВЫБОР** равна 12 ($8+1+1+1+1=12$), а встречается она в ассоциативных статьях 5 стимулов.

Если реакция единственный раз зафиксирована на всем массиве стимулов, то указывающая её единичность цифра «1» и итоговые цифры «1+1» опускаются (например, **ВЯЛОСТЬ** — утро); если реакция порождена только одним стимулом и с частотой больше единицы, то после стимула указывается только общая частота (например, **ГЕНИЮ** — памятник 2; **ГЕРОИНЯ** — мать 5).

Такая форма представления экспериментальных данных в Славянском ассоциативном словаре (Прямо и Обратный словари) позволяет изучать не только сходства и различия в содержании образов сознания четырех славянских народов, но и выявить сходства и различия в системности их образов мира.

Н.В. Уфимцева

ABSTRACTS OF ARTICLES

Serge Baudet

Mental representations of state, event, causality and action

The paper attempts to describe mental representations used in speech comprehension. In an effort to reveal their functioning the author focuses on the basic concepts, such as state, event, cause and action, analysing cognitive structures that organise these concepts during the text treatment and studying corresponding semantic features.

Nadezhda Bugorskaya

Anthropocentrism as linguistic category

Nowadays Russian linguists widely use the concept of anthropocentrism in explaining language phenomena. The author insists on describing as different the following three anthropocentric constructs: ontological language features (anthropomorphism), methodological analysis of language (intuitivism), methodological search for alternatives to philosophical positivism and natural sciences influence in language models. The claim is defended by arguing that the difference between those three constructs is determined by their ideological nature. So, the use of the term «anthropocentrism» to identify them is considered inappropriate.

Ignaty Zhuravlev

Status of Communication in Non-Classic World.

The article states a number of issues that rise at any attempt to build a non-classic ontology of communication. The author analyses a hypothesis that an act of understanding is unique and cannot be re-created simultaneously by anybody else elsewhere. In any case of understanding, communication, self-reflection or addressing another person we are never “back to ourselves”.

Evgeniy Tarasov

Language Consciousness

Language consciousness is a new object of psycholinguistics analysis. Russian psycholinguists define language consciousness as a range of consciousness' images that are represented by language means – i.e. words, random and stable word combinations, sentences, texts and associative space. There are two aspects to the processes of speech production and speech perception: production of language signs' “bodies” (in oral and verbal form) and creation of speech statement out of those “bodies”; their perception (acoustic and visual) and manipulation of knowledge in the form of consciousness images of different psychic modality. Intercultural communication is a new ontology of language consciousness' analysis.

Evgeniya Elina

Peculiarities of Synesthesia in Art Criticism Texts

The article deals with the principles of producing and functioning of intermodal (synesthetic) structures in the discourse of art criticism. Esthetic synesthesia is one of fundamental instruments causing means of nomination in professional art criticism. To determine the peculiarities of synesthesia in the language of art criticism, we have analyzed 6,000 esthetic structures of different modalities and calculated their quantitative correlation and the frequency of each synesthetic unit usage.

Irina Markovina

Method of Lacunas Elimination in Investigation of Ethno-Psycholinguistic Specificity of Cultures

Language consciousness is a verbal equivalent of national consciousness which exists in the form of such semiotic products as language and text. The author demonstrates application of lacunas theory to research of ethno-cultural specificity of text and shows abilities of this theory to optimize intercultural communication.

Tatiana Reznikova

Representation of Cultural Norms of Communication in The View of Japanese-speakers of Their Kinesthetic System

The author analyzes the results of questionnaires research and interviewing of Japanese and Russian people in order to find out national specificity of certain gestures. The researcher concludes that gestures are assessed by the Japanese according to their compliance to the overall anti-conflict communication strategy that is common for Japanese culture. The author emphasizes a significant role of non-categorical non-verbal means in representation of emotional conditions of communicative act's participants.

Irina Beskorovainaya

Associative Experiment as a Means of Reconstruction of Language Consciousness' Fragments

The author investigates the means of representation of concepts *money, wealth, poverty* in the mentality of Russian people. On top of that the author offers a number of conclusions about their essence and structure. Reaction words are divided into groups according to the criterion of their national and cultural specificity.

Alexander Sonin, Pavel Makhnin

Experimental studies of multimodal advertizing texts comprehension

The authors present the results of two independent but bearing formal resemblance experiments devoted to the studies of multimedia texts influence. In the first experiment the influence of each heterogeneous component in such kind of texts on participants' perception is analyzed. Another research focuses on influence of multimedia texts with the pictures interpreting literally verbal metaphors. The article can help to enlarge the experimental basis of modeling the mechanisms of comprehension and understanding of these specific texts. There offered the ways in developing of the like models.

Mikhail Patsis

Specificity of Aassociative Space of a Word in the Greek Language

The author offers a comparative analysis of semantic and associative spaces of the words *καλωσορίζω* (to greet somebody) and *λόγια* (words, speech). The objective of the analysis is to demonstrate abilities of associative space in the analysis of national specificity of language consciousness.

**Московский ордена Дружбы народов государственный
лингвистический университет им. М. Тореза**

сообщает об открытии

Программы повышения квалификации
преподавателей лингвотеоретических кафедр и кафедр иностранных языков вузов
«Актуальные проблемы современной психолингвистики»
при кафедре психолингвистики.
Срок обучения — 2 месяца,
занятия начинаются по мере формирования группы слушателей.

По окончании учебы слушателям выдается свидетельство о повышении квалификации
тановленного государственного образца.

В Программу повышения квалификации включены следующие курсы:

1. История психолингвистики: теория и методы.
2. Актуальные проблемы современной психолингвистики.
3. Психолингвистические основы преподавания иностранных языков.
4. Основы теории речевого воздействия.
5. Основы теории межкультурной коммуникации.

Лекции читают ведущие сотрудники кафедры психолингвистики МГЛУ и сектора
психолингвистики Института языкознания РАН.

Обучение на ФПК платное.

Заявки принимаются по электронной почте: ufimcevan@yandex.ru

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

---

2 • 2004

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Редактор:
Н.В.Бугорская

Компьютерный дизайн
и подготовка оригинал-макета:
Т.А.Голикова

Подписано к печати 22.12.2004 г. Формат 60x84/8.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 16,8. Тираж 500 экз. Заказ №710.

ГУП "Типография на Люсиновской":
115093, Москва, ул. Люсиновская, 29